

Н. А. КУЗНЕЦОВА, Л. М. КУЛАГИНА

**ИЗ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. А. КУЗНЕЦОВА, Л. М. КУЛАГИНА

ИЗ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
1917 — 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

Ответственный редактор
Г. Г. КОЧАРЬЯНЦ

В книге рассматривается история становления и развития советского востоковедения в основном на примере востоковедных учреждений Академии наук СССР. Приводимые данные свидетельствуют о неуклонном развитии советского востоковедения, совершенствовании организации востоковедной работы, росте востоковедных кадров, расширении тематики, актуальности и глубине исследований.

Вместо предисловия

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

ОКТЯБРЬ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция в России сыграла решающую роль в судьбах народов Востока. Коренным образом изменилось положение жителей восточных окраин бывшей царской России, которые стали свободными полноправными гражданами первого в мире социалистического государства. Многомиллионное население зарубежной Азии также испытало на себе благотворное воздействие Октябрьской революции: во многих странах началось национально-освободительное движение против колониального и социального угнетения, впервые на равноправных основаниях стали строиться отношения восточных государств с европейским государством — Советской Россией. Политика Советской России в отношении стран Востока, противоположная по целям и задачам традиционной политике русского царизма и политике империалистических держав в отношении народов Азии и Африки, способствовала созданию практических возможностей для сохранения политической самостоятельности тех немногих восточных государств, которые не успел полностью поглотить капитализм.

Уже 8 ноября 1917 г. Советское правительство в декрете «О мире» заявило об отказе от неравноправных договоров, заключенных царской Россией со «слабыми» государствами, отмене тайной дипломатии и опубликовании всех секретных договоров. Основные принципы советской политики были изложены в «Декларации прав народов России» 3/16 ноября 1917 г., в обращениях и

нотах Советского правительства Китаю, Ирану и другим странам Востока. В обращении Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» 24 ноября 1917 г. Советское правительство осудило политику угнетения слабых народов и провозгласило, что Советское государство «будет строить свои взаимоотношения с народами Востока на основе взаимного уважения, дружбы и равноправия».

Советское правительство отказалось от всех поработорительных концессий, насильственно навязанных царским правительством азиатским государствам, объявило отмененными все неравноправные трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные царской Россией с восточными странами. Эти действия Советского государства, а также заключение новых, равноправных договоров с Ираном, Афганистаном и Китаем, договора о дружбе с Турцией, обращение к правительствам Великобритании, Италии и Германии с предложением пригласить Турцию на Генуэзскую конференцию и другие акты Советского правительства наглядно показали братскую заинтересованность Советской власти в судьбах угнетенных масс Востока.

Сам факт существования Советской России, ее непримиримость в отношении любых попыток угнетения или закабаления стран Востока, поддержка национально-освободительных движений были препятствием для проведения колониальной политики империалистических государств.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России явилась примером для зависимых и колониальных стран Востока, показывающим, чего может добиться народ, завоевавший свою свободу и независимость. Разрешение национального вопроса в Советском Союзе, бурный рост экономики в ранее отсталых районах, поднятие культурного уровня народов и народностей северных и восточных окраин бывшей царской России приковывало и приковывает внимание трудящихся всего мира.

Принципы советской внутренней и внешней политики, великое теоретическое наследие Ленина, братская забота Коммунистической партии о судьбах ранее неравноправных наций предопределили характер и методы изучения политического, экономического и культурного

развития народов Востока, оказали влияние на складывание советского востоковедения.

Образование советского многонационального государства, вхождение в его состав на равноправных началах долгие годы угнетавшихся царизмом отсталых народов и народностей поставили с первых же лет перед Советским правительством важную задачу подъема экономического и культурного уровня этих народов. В разрешении этой задачи значительную роль призваны были сыграть ученые-востоковеды. Прежде всего встал вопрос о подготовке квалифицированных национальных кадров для осуществления мероприятий по ликвидации фактического неравенства, сохранившегося у этих народов со времен царизма. Помощь востоковедов потребовалась при разрешении многих проблем государственного, экономического и культурного строительства (административно-территориальное деление, создание алфавитов и т. д.).

В международном аспекте молодое Советское государство также нуждалось в помощи востоковедов для установления дружественных торговых и дипломатических отношений со странами Востока, налаживания с ними культурных связей и т. д.

Пробуждение народов Азии к активной политической жизни и охватившая весь колониальный и зависимый мир национально-освободительная борьба вызвали интерес широких народных масс Советского Союза к борющимся народам Азии и Африки. Освещение происходящих событий, ознакомление советской общественности с историей, экономикой, культурой народов Востока, популяризация востоковедных работ также стали одной из обязанностей ученых-востоковедов.

Кроме перечисленных причин, обусловивших необычайную актуальность востоковедения в Советской России, перед советскими ориенталистами стояли задачи, которые вытекали из развития самой востоковедной науки и требовали труда многих ученых.

Востоковедение — наука об обществе. В комплекс гуманитарных наук, объединяемых под названием «востоковедение», входят история, экономика, философия, право, языковедение, литературоведение, география и некоторые другие отрасли науки. Для востоковедения к рассматриваемому здесь периоду уже прошел чисто

«филологический» этап развития, и востоковеды должны были учитывать уровень знаний, проблематику, методику исследовательской работы многих гуманитарных наук.

Советское востоковедение является составной и неотъемлемой частью передовой отечественной науки. Ко времени свершения Великой Октябрьской социалистической революции оно прошло славную историю и имело богатые традиции. Ученые-востоковеды России внесли достойный вклад в мировую науку. Их труды говорят о хорошем знании истории, языков и культуры народов Востока и уважении к самобытной культуре восточных народов.

Научное изучение Востока, начавшееся в России в XVIII в. и достигшее расцвета в конце XIX—начале XX в., часто наталкивалось на полное безразличие официальных кругов. И если русское востоковедение достигло высокого уровня, а в некоторых областях опередило западноевропейское востоковедение, то этим оно обязано прежде всего энтузиазму ученых, которые, несмотря на многочисленные препятствия, продолжали отдавать свои силы, знания и способности развитию этой сложной и трудоемкой дисциплины. Имена выдающихся ориенталистов России — В. В. Бартольда, В. А. Жуковского, К. Г. Залемана, П. К. Коковцова, И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымского, В. Ф. Миллера, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Радлова, В. Р. Розена, Б. А. Тураева, Ф. И. Щербатского и многих других — известны на родине и за рубежом. Эта блестящая плеяда ученых создала фундаментальные исследования, положив в ряде случаев начало развитию новых отраслей востоковедения. Влияние их трудов сказалось на исследованиях следующего поколения русских и зарубежных востоковедов.

Подавляющее большинство востоковедов России принадлежало к историко-филологической школе; они изучали главным образом восточные языки, литературные и исторические памятники древности и средневековья, древнюю и средневековую историю народов Востока. Новая история и экономические проблемы, за редким исключением (труды А. К. Мирзы Казембека, А. Г. Туманского, Л. Ф. Тигранова и др.), почти не привлекали внимания востоковедов. Эта однобокость в ис-

следованиях наряду с идеалистическими концепциями многих ученых была главным недостатком дореволюционной востоковедной науки.

Советское востоковедение наследовало все прогрессивное, что дало дореволюционное востоковедение, приняв передовые традиции и разработанную технику исследовательской работы. Но перед советским востоковедением самой жизнью были поставлены совершенно иные задачи и в соответствии с ними советское востоковедение начало развиваться.

Основное внимание было обращено на изучение современного положения в колониальных и зависимых странах Азии и Африки, на освободительную борьбу народов этих стран. Востоковеды должны были объяснить сложные экономические, политические, социальные и культурные процессы, которые происходили на Востоке, понять влияние истории на современные события, предугадать дальнейшее развитие государств Востока. Успехи, достигнутые советскими востоковедами на этом пути, стали возможны только благодаря освоению востоковедами марксистско-ленинской философии и применению марксистской методологии.

Для развития советского востоковедения огромное значение имели статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, написанные еще в 50—60-х годах прошлого столетия. Многие из них на русском языке впервые были опубликованы в 20-х годах XX в. Это статьи о политике Англии и России на Востоке, по восточному вопросу, об Индии, о Крымской войне и др. Теоретические положения, выдвинутые в них, помогли востоковедам разобраться в сложных вопросах землепользования и землевладения на Востоке, в «азиатском способе производства», в формах колониального господства (на примере Индии) и др.

Развитие советского востоковедения немыслимо без основополагающих работ В. И. Ленина по вопросам империализма, национально-освободительного движения угнетенных народов Азии и Африки, пробуждения Востока. В. И. Ленин занимает видное место в истории изучения Востока не только потому, что с его именем связана новая эра в отношениях нашей страны с народами Азии и Африки, но и потому, что как ученый и теоретик, поднявший учение К. Маркса и Ф. Энгельса

на новую, высшую ступень, он разработал ряд проблем, имеющих непосредственное отношение к задачам востоковедения, и тем подготовил почву для решительной, фундаментальной методологической перестройки старого, буржуазного востоковедения и возникновения нового, советского, марксистско-ленинского востоковедения.

Для марксистско-ленинского востоковедения руководящее значение имеют теоретические выводы В. И. Ленина. Им был научно разработан и обоснован вопрос о монополистическом капитализме, о его колониальной политике, без чего нельзя научно обобщить и понять многие процессы, происходящие в странах Востока. Особенно важны для советского востоковедения работы В. И. Ленина по национально-колониальной проблеме, его учение о некапиталистическом пути развития отсталых народов, его труды по аграрному вопросу.

Учение В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам было изложено в его тезисах и докладе на II конгрессе Коммунистического Интернационала. Под знаменем ленинских идей прошла работа Первого съезда народов Востока в Баку (1920 г.) и Съезда народов Дальнего Востока в Москве (1922 г.)¹, сыгравших заметную роль в борьбе народов колониальных и зависимых стран за национальную независимость и социальное освобождение.

Имя В. И. Ленина неотделимо от истории изучения Востока еще и потому, что он на протяжении многих лет до и после Октябрьской революции пристально следил за политическими событиями в Азии и Африке, в своих выступлениях и печатных трудах откликался на эти события, горячо поддерживал борьбу народов восточных стран за социальное и национальное освобождение. В речи, произнесенной 22 ноября 1919 г. на Всероссийском съезде мусульман-коммунистов, В. И. Ленин дал анализ отношения Советской России к Востоку. Он говорил о закабалении Востока империалистами и пробуждении его, о характере и формах национально-освободительных движений на Востоке, о значении народов Востока для социалистической революции и, наоборот, о значении социалистической революции для народов Востока.

С именем В. И. Ленина были связаны и первые практические шаги по развитию советского востоковедения.

В ноябре 1917 г. возглавляемый В. И. Лениным Совнарком провозгласил основы национальной политики и создал для ее осуществления Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), имея в виду прежде всего народы и национальности восточных окраин бывшей царской России. Наркомнац был призван не только разрешать возникавшие трудности национального, экономического и культурного характера, но и быть по существу руководителем всей востоковедной работы в нашей стране в первые годы Советской власти, создателем многих востоковедных научных учреждений и учебных заведений.

В. И. Ленин поддержал идею создания Всероссийской научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. М. П. Павлович рассказывал, что «В. И. Ленин живо интересовался этим делом (созданием ВНАВ.— Н. К., Л. К.), торопил инициативную группу, сам указывал, каких ученых специалистов следует привлечь. Любопытно отметить, что одно из первых указаний пало на профессора Д. Н. Анучина. Знаменитый ученый с мировой известностью, выдающийся антрополог, географ, этнолог и археолог, Д. Н. Анучин не был востоковедом в узком смысле этого слова, но само собой разумеется, что он больше сделал для познания и понимания Востока, нежели иной узкий специалист по каким-либо грамматическим тонкостям»².

Ленин оказывал содействие созданию двух учебных востоковедных институтов — Московского института востоковедения и Ленинградского института живых восточных языков. Интересна сама история этого вопроса. Идея создания востоковедного института в Москве была высказана А. М. Горьким в письме к В. И. Ленину³. Ленин на письмо А. М. Горького написал развернутую резолюцию с заданием Наркомнацу немедленно приступить к организации института.

Необходимость развития востоковедения в Советском Союзе, создания учреждений и научных заведений, которые дали бы возможность лучшего использования имеющихся кадров востоковедов, организации востоковедных изданий была очевидна для многих крупных политических, государственных и общественных деятелей молодого Советского государства.

Первые годы после Октября проходили при все воз-

растающем интересе нашей партии, всего советского народа к событиям на Востоке. В конце 1918 г. была создана организация «Союз освобождения Востока», которая провела ряд собраний, где были прочитаны доклады А. В. Луначарским, М. Субхи, В. А. Гурко-Кряжиным и др.⁴ В журнале Коминтерна «Коммунистический Интернационал», в «Вестнике НКВД», в «Жизни национальностей» печатались статьи, в которых освещались последние политические события, происходящие на Востоке.

Большое содействие и помощь востоковедам оказывали М. И. Калинин, А. В. Луначарский, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, М. В. Фрунзе, Г. В. Чичерин, И. В. Сталин, Н. Н. Нариманов, М. Н. Покровский.

История советского востоковедения за первое десятилетие Советской власти еще не написана. Но отдельные опубликованные материалы и особенно архивные документы говорят о сложных процессах, происходивших в это переломное десятилетие в истории советской науки, о большой работе, проведенной коммунистической партией по перестройке науки в Советском Союзе, по подготовке кадров, по преодолению буржуазных, чуждых марксистской идеологии пережитков среди некоторых ученых. Это был период больших исканий, возникновения новых организационных форм. В области востоковедения первое десятилетие ознаменовалось революционной перестройкой востоковедной науки. Это — утверждение марксистско-ленинской методологии в востоковедении, новая тематика исследований, новые кадры востоковедов, новые научные учреждения и учебные заведения, связанные с востоковедением, новые задачи, поставленные перед востоковедением самой жизнью.

КАДРЫ И ТРАДИЦИИ

Советская страна с первых лет своего существования испытывала крайнюю нужду в квалифицированных кадрах востоковедов, знающих восточные языки, экономику, историю, культуру народов Востока и пригодных не только для изучения и исследования различных востоковедных проблем, но и для практической работы (например, создания алфавитов, учебников, ведения дипло-

матической службы, осуществления торговых, культурных и иных связей с народами Азии и т. д.). Это было тем более важно, что старые специалисты, знатоки Востока из числа царских дипломатов, из торгово-промышленных кругов в подавляющем большинстве были не способны понять сущность советской политики и не могли выступать в качестве представителей социалистического государства. Поэтому вопрос об открытии высших учебных заведений, подготовляющих квалифицированных советских специалистов по Востоку, встал очень остро.

Нельзя сказать, что подготовка специалистов-востоковедов не имела традиций в русском востоковедении. Востоковедные кадры готовились на Восточном факультете Петербургского университета, в Лазаревском институте в Москве, в Учебном отделении Азиатского департамента Министерства иностранных дел и других учреждениях. Восточный факультет готовил в основном научные кадры востоковедов, а Лазаревский институт — преимущественно практических работников по Востоку.

Советское востоковедение, исходя из поставленных перед ним задач, не могло, естественно, полностью заимствовать систему подготовки востоковедов, принятую в дореволюционное время, да и существовавшие высшие учебные заведения не удовлетворяли возросшие потребности в кадрах востоковедов. Необходимо было организовать такое научно-учебное заведение, которое могло бы в достаточно короткий срок подготовить практических и теоретических работников, знающих восточные языки, быт, экономику, историю народов Советского и зарубежного Востока.

Острая нехватка квалифицированных кадров на местах, в восточных республиках, привела к тому, что здесь раньше, чем в Москве и Ленинграде, возникли учебные заведения по подготовке национальных востоковедных кадров. 16 марта 1918 г. Совнарком Туркестанской республики принял решение о создании Туркестанского народного университета в Ташкенте⁵. 8 ноября 1918 г. Коллегия Наркомпроса Туркестанской автономной республики утвердила положение о Туркестанском восточном институте, который был создан в декабре того же года. Позднее, в 1924 г., Туркестанский восточный институт был передан в качестве восточного

факультета Туркестанскому (Среднеазиатскому) государственному университету, созданному по решению Совета Народных Комиссаров в 1920 г.⁶ Основанный в 1918 г. Киевский институт восточных языков был преобразован в 1922 г. в Институт для внешних сношений⁷. В Ростове-на-Дону в 1918 г. начал функционировать Донской археологический институт, в котором изучались восточные языки и востоковедные дисциплины⁸. В мае 1919 г. начались занятия на Восточном отделении Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани, выпускающем специалистов, знающих Советский Восток⁹. В 1919 г. был учрежден Восточный отдел Генштаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии (впоследствии работал при Военной академии генштаба), где готовились ответственные военные и дипломатические работники для службы на Востоке.

На восточном факультете Военной академии, где преподавали обычно те же преподаватели и профессора, что и в Московском институте востоковедения (см. ниже), курс подготовки слушателей-востоковедов был достаточно широк и разнообразен. Восточный факультет Военной академии кроме военных специалистов готовил научных работников разнообразного профиля — языковедов, историков, экономистов и т. д.¹⁰

Осенью 1919 г. начались регулярные занятия на восточном отделении историко-филологического факультета Бакинского государственного университета, которое в 1922 г. выделилось в самостоятельный восточный факультет¹¹. Осенью 1919 г. начались занятия на восточном отделении гуманитарного (с 1920 г.) факультета Иркутского государственного университета¹². Таким образом, на местах шла подготовка кадров для своих нужд.

Декрет о создании Армянского института на базе Лазаревского института восточных языков был подписан В. И. Лениным 4 марта 1919 г.¹³. 25 августа 1920 г. Президиум Цебюро Комнарвостока при ЦК РКП(б) принял решение о Центральном Восточном институте¹⁴. По постановлению СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. этот институт был реорганизован в Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ)¹⁵. «Институт декретом Совнаркома от 7 сентября 1920 г. ввиду особо важного значения, которое имеет в настоящее время

для РСФСР подготовка практических деятелей для Востока, был приравнен к военным учреждениям»¹⁶. «Положение о ЦИЖВЯ» было утверждено 24 октября 1920 г.¹⁷. 27 октября 1921 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) принял постановление «о слиянии всех московских востоковедных учебных заведений в одно высшее учебное заведение» — Московский институт востоковедения (им. Н. Нариманова), который должен был готовить «работников по всем отраслям работы на Востоке и в связи с Востоком»¹⁸. Вначале институт находился в ведении Наркомнаца, а после упразднения его был передан в распоряжение Президиума ЦИК СССР (апрель 1924 г.).

В 1926—1927 гг. в институте были проведены структурные изменения—созданы четыре отделения: 1) Ближнего Востока с тремя секторами — арабским, персидским и турецким; 2) Среднего Востока в составе одного индустанского сектора; 3) Дальнего Востока с двумя секторами — японским и китайским; 4) языков и наречий Кавказа и Закавказья. Одновременно были изменены программы и увеличен срок обучения до четырех лет¹⁹. В 1930 г. в институте была введена аспирантура. До середины 30-х годов (1936) основная целевая установка института оставалась неизменной — подготовка специалистов по странам Востока для преподавательской деятельности, научно-исследовательской работы и, главное, для работы в различных наркоматах²⁰.

Восточный факультет Петербургского университета в 1919 г. был объединен вместе с историко-филологическим и юридическим факультетами в факультет общественных наук²¹. На этом факультете в 1920 г. возникло объединение востоковедов — Коллегия востоковедов, которая по решению Отделения исторических наук (ОИН) АН СССР (27 апреля 1921 г.) перешла в ведение Азиатского музея АН СССР (фактически этот переход был оформлен 14 мая 1921 г.)²².

Ленинградский (Петроградский) институт живых восточных языков был создан одновременно с Центральным институтом живых восточных языков в Москве на базе востоковедных учебных заведений и научных учреждений Ленинграда. Он также находился в ведении Наркомнаца, а затем Президиума ЦИК СССР²³. Когда

стало очевидно, что для оканчивающих институт знания одних восточных языков оказывалось недостаточно, а нужна была профессиональная подготовка, институт несколько видоизменил свой учебный план, введя изучение ряда специальных дисциплин правового, педагогического и финансово-экономического характера. Были организованы семинарии живых яфетических языков под руководством Н. Я. Марра, монголо-туркологический семинарий (В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, Б. Я. Владимирцов, С. Е. Малов) и подготовительные классы для бурят и монголов, которые не могли быть сразу зачислены по уровню своих знаний на основные разряды Института²⁴.

Образовавшиеся институты широко использовали богатые научные востоковедные базы в Ленинграде — восточный отдел Публичной библиотеки, Азиатский музей, восточный отдел библиотеки Ленинградского университета (факультета восточных языков и историко-филологического), библиотеку Общества русских ориенталистов, а в Москве — библиотеку бывшего Лазаревского института, восточные отделы библиотек: им. В. И. Ленина, университетской и Наркомата иностранных дел (бывшая Драгоманская библиотека).

Вместе с тем оба института наследовали как сильные, так и слабые стороны востоковедной подготовки, характерные для петроградского и московского востоковедения.

Петроград имел богатые востоковедные традиции в подготовке кадров и ведении научно-исследовательской работы. В бывшем столичном городе, естественно, сосредоточивались наиболее крупные научные и учебные заведения и общества: Академия наук с ее восточным отделом (Азиатский музей), факультет восточных языков при Петроградском университете, Географическое и Археологическое общества с восточными отделениями, Азиатский департамент Министерства иностранных дел и т. д. В Петрограде наряду с учеными работала большая группа востоковедов-практиков — проводников «восточной политики» царской России, что не могло не сказаться на развитии востоковедения. В Москве востоковедение имело научно-педагогическое направление²⁵.

В Петроградском (вскоре Ленинградском) институте

живых восточных языков работали академики и профессора В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Ф. И. Щербатской, Б. Я. Владимирцов, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и др. Эти ученые обладали глубокими разносторонними знаниями о Востоке. Их научные интересы сосредоточивались в основном на древней и средневековой истории и литературе народов Востока: бурная жизнь современного Востока мало привлекала их внимание²⁶.

Преподавательский состав Московского института живых восточных языков был в научном отношении слабее: здесь преподавали лишь три крупных ученых — профессора А. И. Иванов (работавший также и в Ленинграде), А. Н. Самойлович и В. А. Гордлевский. Остальная масса преподавателей была из молодых начинающих ученых и специалистов-практиков²⁷. Но зато в Москве более смело ставились социально-экономические курсы, читались дисциплины, связанные с практическим востоковедением²⁸. В интересах советского востоковедения необходимо было изжить слабые стороны обоих этих направлений в востоковедении и соединить воедино все положительное, что было накоплено многолетним опытом работы²⁹.

Создание двух крупных советских учебных заведений, выпускающих в год значительное число специалистов-востоковедов, лишь в некоторой степени разрешило проблему востоковедных кадров, дало возможность пополнить состав практических работников и расширить научную востоковедную работу в Советском Союзе.

В институтах наряду с большой учебной работой велись научные исследования. В первые годы они сводились в основном к созданию учебных пособий: хрестоматий, словарей, грамматик, сборников по истории и экономике стран Востока. Были изданы, например, «Современная персидская пресса в образцах» А. А. Ромаскевича, «Образцы бенгальской литературы» М. И. Тубянского, «Выборки из китайской прессы 1920—1922 гг.» В. М. Алексеева, «Османская хрестоматия» В. А. Гордлевского, «Физическая география Японии» Н. В. Кюнера, «География Индии» А. Е. Снесарева и многие другие книги³⁰. Еще больший размах научная работа получила после создания при ЦИЖВЯ и ЛИЖВЯ научно-исследовательских институтов, в задачу которых входила на-

учная разработка истории, экономики, культуры, этнографии и языков стран Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, в первую очередь проблем современного Востока, популяризация научных знаний по Востоку.

Московский институт востоковедения просуществовал до 1954 г.³¹ и был закрыт в связи с реорганизацией системы подготовки востоковедных кадров в Москве и последующим открытием Института восточных языков при Московском государственном университете в 1956 г.

По истории Московского института востоковедения (МИВ) можно проследить, как создавалась советская школа подготовки востоковедных кадров, в которой удачно сочетаются практические навыки с серьезной теоретической подготовкой. Также и Ленинградский институт живых восточных языков, организовав изучение восточных языков не как самоцель, а как средство для всестороннего изучения жизни стран современного Востока и поставив на должную высоту ряд страноведческих дисциплин, встал на правильный путь разрешения проблемы подготовки новых востоковедных кадров.

Потребность в востоковедных кадрах, вернее в людях, знающих восточные языки, быт и жизнь Востока, была столь велика, что в первые годы Советской власти таких специалистов начали готовить, кроме упомянутых выше, и другие учреждения. В октябре 1920 г. по решению Военно-революционного совета Туркестанского фронта были созданы Военные курсы востоковедения, преобразованные в 1922 г. в Высшую военную школу востоковедения³². В Ереванском народном университете, открытом в январе 1921 г., был создан восточный факультет. Ректором университета был известный востоковед и арменист акад. Я. А. Манандян. Впоследствии, в 1925 г., восточный факультет был преобразован в восточное отделение педагогического факультета³³.

В 1920 г. восточный факультет был создан в Дальневосточном государственном университете, организованном во Владивостоке на базе Восточного института и Политехнического института³⁴. Факультет готовил кадры востоковедов-дальневосточников. В 1921 г. восточное отделение было создано при факультете общественных наук Крымского государственного университета в Симферополе; в марте 1922 г. оно было преобразовано в

восточный факультет³⁵. В 1922 г. открылся Восточный педагогический институт в Казани.

Преподавание восточных языков в Иркутске, Баку, Тифлисе, Ташкенте, Казани, Владивостоке, Киеве, Харькове и в других городах ограничивалось обычно практическими потребностями того или иного центра. Так в Казани, Ташкенте, Баку изучались преимущественно тюркские языки и народности, в Тифлисе — национальная культура Грузии, во Владивостоке готовились специалисты для Дальнего Востока и т. д. Очень тормозилась работа на местах из-за недостатка квалифицированных специалистов-востоковедов для чтения курсов, ведения семинаров, преподавания редких языков.

В связи с этим остро встал вопрос о воспитании марксистски образованных кадров востоковедов. Такая задача была возложена на Институт по подготовке красной профессуры, созданный в Москве и Петрограде на основании подписанного В. И. Лениным декрета Совета Народных Комиссаров 11 февраля 1921 г.³⁶. Будущие преподаватели-востоковеды изучали в институте политэкономия, исторический материализм, развитие общественных формаций, новейшую историю и советское строительство. Аналогичную цель преследовал и декрет Совета Народных Комиссаров от 4 марта 1921 г. «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР», по которому вводилось чтение трех обязательных курсов: 1) развитие общественных форм, 2) исторический материализм и 3) пролетарская революция³⁷. Важное значение для всех работников в области общественных наук имел выход в свет трудов В. И. Ленина³⁸.

В 1926 г. при ЦИК СССР был образован «Комитет по заведованию ученой, учебной и литературно-издательской частью» Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, Коммунистического университета трудящихся Востока, Московского института востоковедения, Ленинградского института восточных языков, Института марксизма-ленинизма, Музея революции и Среднеазиатского университета³⁹. Создание комитета, руководящего деятельностью сразу нескольких востоковедных учреждений и организаций, также говорит о том, что в Советском Союзе придавалось весьма серьезное значение раз-

витию востоковедения и подготовке специалистов-востоковедов.

Важную роль в подготовке востоковедных кадров и в развитии научного востоковедения сыграл Коммунистический университет трудящихся Востока.

Как известно, до Октябрьской революции на национальных восточных окраинах почти не было грамотных людей, а некоторые восточные народности не имели даже своей письменности. Такая вековая отсталость была большим тормозом для проведения культурной и экономической революции в республиках Советского Востока. Нужны были национальные кадры для проведения советской политики на местах. Поэтому постановлением ВЦИК от 21 апреля 1921 г. при Наркомате просвещения было создано специальное учебное заведение — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Впоследствии он был в ведении ЦК ВКП(б) ⁴⁰.

В постановлении говорилось, что Коммунистический университет трудящихся Востока учреждается в Москве «для подготовки политработников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и нацменьшинств» ⁴¹.

Перед КУТВом была поставлена задача: дать восточным советским республикам грамотных, политически подготовленных работников, которые могли бы помочь народам этих республик развивать хозяйство и культуру на социалистических началах. Преподавание в КУТВе велось на восточных языках. Принимались в КУТВ главным образом лица из союзных и автономных республик. Организованный на таких началах КУТВ был не обычным высшим учебным заведением, а партийно-советской школой повышенного типа.

Постепенно задачи КУТВа расширялись, что видно из «Положения о Коммунистическом университете трудящихся Востока», опубликованного в 1927 г. ⁴².

Восточный сектор (секция) существовал при историческом отделении Института красной профессуры. Он был создан в 1928 г. для подготовки специалистов по истории и современным проблемам советского и зарубежного Востока ⁴³.

В данном кратком очерке мы коснулись лишь главных учебных заведений, которые в какой-то мере определили направление подготовки кадров востоковедов в

первые годы Советской власти, не останавливаясь на перечислении многочисленных курсов, школ и т. д., возникавших во многих городах Советского Союза с целью подготовки востоковедов того или иного профиля⁴⁴. Однако следует признать, что многие ведомственные школы и курсы (наркоматов внешней торговли, иностранных дел и т. п.) подготовили значительное количество практических работников, часть которых перешла на работу в научно-исследовательские учреждения. В результате проведенных мер в течение 20-х—начале 30-х годов проблема востоковедных кадров в какой-то степени была разрешена, хотя дальнейшее развитие Советского государства требовало все новых и новых специалистов в органы государственного и хозяйственного управления, в научно-исследовательские, просветительские и иные учреждения. Востоковеды старшего поколения в подавляющем большинстве включились в работу по подготовке молодых специалистов по Востоку. И хотя разрыв между тематикой исследований и методологией старой и новой школ был еще достаточно велик, все же уже в 20-е годы стали намечаться пути преодоления этого разрыва. Начала изменяться тематика исследований. В трудах востоковедов старой школы уже получило отражение учение Маркса—Энгельса—Ленина. С другой стороны, востоковеды, овладевшие марксистско-ленинской теорией, но недостаточно эрудированные в области востоковедных знаний, повышали востоковедное образование, изучали восточные языки, историю и культуру народов Востока. В результате была создана большая армия высококвалифицированных востоковедов различных профилей, успешно работавших над разрешением важных и сложных проблем востоковедной науки.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ НАУЧНОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Наряду с подготовкой кадров востоковедов очень большое значение имел вопрос о формах и путях развития советского научного востоковедения. Поиски новых форм организации науки занимали умы востоковедов, общественных и государственных деятелей. Наряду с существовавшей Академией наук было предложено

несколько проектов создания научных ассоциаций, обществ и комитетов.

13 декабря 1921 г. Президиум Центрального Исполнительного Комитета утвердил проект декрета об организации ученого общества — Всероссийской научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) при Наркомате по делам национальностей⁴⁵.

Необходимость создания организации для изучения Востока в государственном масштабе сознавалась не только руководителями Наркомнаца, но и ответственными работниками других заинтересованных учреждений (Наркоминдела, Наркомвнешторга, Академии генштаба и др.). Правильной в отношении восточных народов могла быть только политика, опирающаяся на точное знание совокупности социальных, политических, экономических и культурно-бытовых проблем, волнующих народы восточных советских республик и государств Азии и Африки. Незнание современной жизни народов Востока повлекло бы за собой ошибки в этой политике. Поэтому необходимо было создать такую научную организацию в общегосударственном масштабе, где собирались бы и научно обрабатывались материалы о современном положении в странах Востока, разрабатывались острые проблемы современности.

Таким учреждением, как показал опыт прошлого, не могло быть ни одно специальное учебное заведение, ни Академия наук. Старое академическое востоковедение не могло справиться с новыми задачами, поставленными перед востоковедением Советским правительством. А кардинальная перестройка всей востоковедной работы в Академии наук требовала длительного времени и для изменения тематики исследований, и для пополнения академических востоковедных учреждений новыми кадрами.

Наиболее удобным органом, в котором могло быть налажено научное изучение Востока в государственном масштабе, было признано объединенное общество востоковедов — Всероссийская научная ассоциация востоковедения (ВНАВ), которая одновременно служила бы лабораторией для выяснения основных моментов современной жизни стран Востока, базой подготовки практических деятелей для Востока и тем органом, откуда государственные учреждения могли бы черпать нужную

информацию и работников⁴⁵. ВНАВ, включив в круг своих научных интересов политико-экономические и историко-археологические вопросы, имела возможность использовать с наибольшей пользой старые и новые востоковедные кадры. По мысли своих создателей, ВНАВ должна была явиться организационным и руководящим центром востоковедения в Советском Союзе, сплотить ученых старой школы востоковедения с молодыми востоковедами-марксистами⁴⁷.

В «Положении о ВНАВ» говорилось, что она имеет целью всестороннее изучение стран Востока, как зарубежного, так и советского, а также распространение научных и прикладных знаний о Востоке. Ассоциации были предоставлены большие полномочия. Она объединяла все существующие на территории СССР общества и организации, использовала все научные силы, материалы, библиотеки, архивы, музеи и т. д., открывала свои филиалы, давала консультации заинтересованным ведомствам, могла созывать международные научные конгрессы, общесоюзные съезды и совещания по проблемам Востока⁴⁸. Предполагалось, что ассоциация вступит в контакт с зарубежными научными организациями и отдельными учеными в интересах научной взаимопомощи⁴⁹.

ВНАВ начала функционировать с 14 января 1922 г. Вся научная деятельность ассоциации сосредоточивалась в двух отделах: политико-экономическом и историко-этнологическом⁵⁰.

Составление капитальных трудов по социальному строю и экономике стран Востока из-за отсутствия необходимых экономико-статистических и других данных было задачей почти невыполнимой, поэтому работа политико-экономического отдела велась в двух направлениях: 1) научно-лабораторный поиск правильных методов изучения общей социально-экономической конъюнктуры стран Востока и 2) составление предварительных очерков, обзоров и монографий статистико-экономического и социально-политического характера. Лишь при накоплении достаточного и притом постоянно обновляющегося материала и после его обработки ассоциация предполагала перейти к серьезному исследованию экономических отношений, социального устройства и вытекающих из них политических процессов в странах Востока.

В отделе были созданы две научно-исследовательские секции — Ближнего и Среднего Востока и Дальнего Востока, где читались подготовленные доклады о положении в странах Азии и Северной Африки, по национальному вопросу в странах Востока, по экономике стран Азии и т. д. С докладами выступали М. П. Павлович, С. Вельтман, С. К. Пастухов, В. А. Гурко-Кряжин, А. Е. Ходоров, И. М. Рейснер, Б. М. Данциг, А. Султанзаде, А. А. Зонненштраль-Пискорский, А. С. Свентицкий, Талиб-заде, Н. Тюрякулов, Н. Ким, А. Н. Самойлович, Б. Пурецкий, Е. Л. Штейнберг, А. М. Осипов и многие другие. Благодаря привлечению к работе значительных востоковедных сил отдел оперативно откликался на все крупные события, происходившие на Востоке. В отделе были созданы также два кабинета: экономики и революционного движения в странах Востока, в которых подбиралась и систематизировались материалы по современному Востоку. Кабинеты организовали экспедиции с целью сбора материалов в Среднюю Азию, Абхазию, Армению и др.

В историко-этнологическом отделе исследования велись по археологии, истории, этнологии, литературе, языкам Востока. Отдел должен был знакомить общественность с состоянием востоковедения у нас и за рубежом, составлять рефераты и отзывы. Тематика научных исследований была широка и разнообразна: проблема иранизма, происхождение и развитие иранской культуры, хеттско-аллародийская культура, изучение Урарту, исследования по египтологии, археологии, этнологии и т. д. Составлялся критико-библиографический обзор по ориенталистике. С докладами в отделе выступали профессора и академики — В. В. Бартольд, Д. Н. Анучин, Н. Я. Марр, И. Н. Бороздин, Б. В. Фармаковский, В. А. Городцов, В. А. Гурко-Кряжин, Б. П. Денике, Н. Ф. Яковлев, А. Н. Самойлович и др. На заседаниях отдела выступали и иностранные ученые — Свен Гедин, известный шведский археолог Арне. При отделе работало несколько комиссий: по изучению финно-угорских культур, по изучению культур юга СССР, Центральная комиссия по изучению татарской культуры, терминологическая комиссия и комиссия по изучению искусства. Были организованы научные экспедиции в Крым, Дагестан, Поволжье, Среднюю Азию.

По инициативе историко-этнологического отдела был создан в 1922 г. Первый всероссийский съезд египтологов, приуроченный к празднованию столетнего юбилея дешифровки иероглифов.

Отделом было созвано совещание представителей Наркоминдела, Академии наук, Академии истории материальной культуры, Главнауки, а также Туркомстариса (Туркестанского комитета по охране памятников старины, искусства и природы) и других среднеазиатских учреждений по вопросу ведения научных работ в Средней Азии. Проект работ Средазкомстариса (Среднеазиатский комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы) в значительной степени явился результатом этого совещания. Очень важным было также совещание работников научных учреждений Москвы о научном изучении вопросов труда и быта женщин Востока, созданное Научной ассоциацией востоковедения в марте 1929 г. В совещании приняли участие сотрудники многих учреждений: ВНАВ, женкомиссии Комкадемии, Музея народоведения, Музея восточных культур, Института этнических культур народов Востока, Всесоюзного общества культурных связей, отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), женских комиссий ЦИК СССР и ВЦИК, Наркомтруда, ВЦСПС и др.⁵¹ Совещания подобного рода, неоднократно проводимые ВНАВ или при участии ее, помогали общественным и государственным организациям проводить работу среди населения восточных советских республик.

Вся научная продукция ассоциации печаталась в журнале «Новый Восток» или выходила отдельными изданиями. За десять лет (1921—1930) ассоциация издала много интересных трудов по Востоку. Журнал ассоциации — «Новый Восток» — приобрел широкую известность в Союзе и за рубежом. В газетах «Правда» и «Известия» неоднократно печатались положительные рецензии на журнал. Он считался одним из самых интересных советских изданий («Известия», 23.IV.1923). «Правда» 3 мая 1925 г. писала: «Практика национально-освободительного движения на Востоке преломляется на страницах журнала сквозь призму революционного марксизма. Все многообразие своеобразной жизни пробужденного от вековой спячки Востока, его экономика, национальная и социальная борьба, переплетающаяся

с борьбой против империализма,— все это находит свое отражение в данном журнале».

«Новый Восток» откликался на все важнейшие вопросы национально-революционного движения на Востоке. Именно в ВНАВ стали разрабатываться важнейшие вопросы современной истории и экономики большинства стран Востока.

В статьях, посвященных Китаю, Японии, Турции, Ирану и другим странам, рассказывалось о борьбе мирового пролетариата и угнетенных национальностей с империализмом, рассматривались социальные и экономические проблемы в разных странах Востока, приводился богатый статистический материал по аграрному вопросу, рабочему движению, железнодорожному строительству и т. п.

Кроме того, ассоциацией были выпущены книги о революционном движении на Востоке, по экономике стран Азии, социальной структуре и о государственном устройстве. В серию «Восток в борьбе за независимость» вошли книги «Китай в борьбе за независимость», «Персия в борьбе за независимость», «Индия в борьбе за независимость», «Египет в борьбе за независимость» и др. Ассоциация выпустила «Очерки революционного движения в Средней Азии», книги о национальном движении на Ближнем Востоке и многие другие.

Работы, изданные Ассоциацией востоковедения, не были свободны от недостатков и были подвергнуты резкой критике в начале 30-х годов. Они носили преимущественно публицистический характер, не содержали глубокого анализа общественных отношений. Незнание восточных языков рядом авторов, сотрудничавших в ВНАВ, невозможность ознакомиться с местными материалами, отсутствие или недостаточность информации о событиях, происходящих на Востоке, приводили иногда к излишнему социологизированию, модному в 20-е годы. Увлечение современностью, отказ от глубокого изучения прошлого приводили к непониманию происходящих событий, к неправильному толкованию породивших их причин. Господствовавшая в исторической науке школа М. Н. Покровского, отождествлявшая развитие торгового капитала с развитием капитализма, оказала влияние на взгляды некоторых востоковедов. В частности, в трудах В. А. Гурко-Кряжина неправильно трак-

товались феодализм, развитие капитализма, капиталистические отношения в некоторых странах Востока в конце XIX в. Рассмотрение вопроса о смене феодального способа производства капиталистическим он подменил рассмотрением вопроса о промышленном капитализме, пришедшем на смену «торговому капитализму», и этим самым искажил картину развития общественно-экономических отношений на Востоке.

Допускал ошибки в определении империализма и М. П. Павлович. Он односторонне рассматривал империализм, как современную форму завоевательной политики, диктуемой прежде всего интересами металлургической промышленности, переоценивал роль тяжелой индустрии и недооценивал остальные факторы, определяющие сущность империализма.

Однако, несмотря на эти недостатки, работы, изданные ВНАВ, имели большое значение для развития советского востоковедения и по существу заложили прочный фундамент для развития науки о современном Востоке в последующие годы. Главное достоинство литературы 20-х годов — правильная политическая постановка вопросов о социально-экономическом развитии, национально-освободительном движении, роли отдельных классов и социальных слоев в демократическом и национально-освободительном движении, политике империалистических держав на Востоке и т. д.

Многим обязана ВНАВ энергии и деятельности своего председателя М. П. Павловича (Вельтмана).

Михаил Павлович Павлович прошел большую школу революционной борьбы. Еще в молодые годы он стал интересоваться Востоком, позднее, будучи в эмиграции, поддерживал тесные связи с революционными деятелями из стран Азии и Африки. После Октябрьской революции Павлович явился одним из организаторов и руководителей востоковедной работы в Советском Союзе, о чем свидетельствует его работа в Наркомнаце, в Совете действий и пропаганды народов Востока, в Восточной торговой палате и других учреждениях. Многочисленные работы Павловича о колониальной политике империалистических государств, о социально-экономическом строе некоторых стран Азии, о национально-освободительном движении на Востоке были в числе первых марксистских трудов по востоковедению⁵².

Павлович был также одним из первых, кто понял необходимость перестройки всей востоковедной работы в Союзе и активно включился в нее. Его выступления и статьи о советском востоковедении в известном смысле были руководящими. Подводя итоги развития советского востоковедения, он писал в 1926 г.: «Отличительной чертой молодого советского востоковедения, несомненно, является то, что оно стремится объяснить все социальные, политические, культурные процессы, происходящие в странах Востока, характер развития этих процессов, форму классовой структуры населения этих стран основными чертами хозяйственной жизни их, влиянием прошлой истории и т. д., причем вся жизнь современного Востока изучается советским востоковедением под углом зрения освободительной борьбы угнетенных народов желтого и черного континентов против империализма»⁵³. Оценка развития советского востоковедения в первые годы после Октября, определение дальнейших задач востоковедной науки характерны для многих выступлений Павловича.

Павлович прекрасно понимал все слабые и сильные стороны молодых востоковедов, считая, что представителям нарождающегося марксистского востоковедения не мешало бы поучиться кое-чему у востоковедов старой школы. Между тем отношения между членами ВНАВ, сотрудниками «Нового Востока», и представителями академического востоковедения были напряженными. По словам С. Ф. Ольденбурга, «обе стороны считали, что стоят на почве более правильных подходов к делу. [М. П. Павлович] много сделал лично, чтобы уменьшить остроту взаимного чрезмерного критического отношения».

Его прекрасная речь в Москве на юбилейных торжествах Академии наук была вся направлена к тому, чтобы показать, как люди его взглядов умеют ценить заслуги прежнего востоковедения и понимают всю важность строгости его научных методов»⁵⁴.

Павловичу удалось привлечь некоторых маститых ленинградских востоковедов к сотрудничеству в «Новом Востоке». В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и другие ученые из академических кругов передали редакции «Нового Востока» свои статьи. Однако это сотрудничество было несколько искусственным и непродолжительным.

ВНАВ стремилась организационно объединить теоретическое и практическое направления в востоковедении. При ассоциации находилась группа сотрудников-корреспондентов, работавших в Турции, Иране, Афганистане, Индии, Монголии, Китае, Японии, которые постоянно присылали информацию об этих странах; корреспонденты из Грузии, Азербайджана, Туркестана, Восточной Сибири и других советских республик и областей не только присылали информационные материалы, но и налаживали по поручению ВНАВ востоковедную работу на местах⁵⁵.

Ассоциация положила начало организации востоковедных ячеек на всей территории СССР. Если в дореволюционное время все научное востоковедение было сосредоточено в основном в Петрограде и Москве, то с помощью ВНАВ уже в первые годы Советской власти стали возникать многочисленные периферийные востоковедные ячейки и организации⁵⁶, и в особенности в советских восточных республиках. В январе 1922 г. правление ВНАВ предложило проф. Б. К. Пашкову организовать Иркутское отделение ассоциации, которое оказалось недолговечным и прекратило свою деятельность к началу 1923 г.⁵⁷ 24 октября 1922 г. в Чите был организован Дальневосточный отдел ВНАВ под председательством А. В. Гребенщикова⁵⁸. Филиалы ВНАВ были созданы также в Крыму, Киеве, Харькове, Ташкенте. Закавказский филиал вскоре превратился в самостоятельную ассоциацию, которая занималась изучением Кавказа и Ближнего Востока.

Большую работу проводила Всеукраинская научная ассоциация востоковедения (ВУНАВ), имевшая свои отделения в Харькове, Киеве и Одессе⁵⁹. Основной задачей ВУНАВ ставила изучение истории и этнографии Востока, экономических связей Украины с Востоком, а также изучение экономики Советского Востока и экономического и политического положения стран зарубежного Востока. Одной из задач ассоциации являлась также популяризация знаний о Востоке. В этой ассоциации было также два отдела: 1) политико-экономический и 2) историко-этнологический. При втором отделе существовала тюркологическая комиссия. ВУНАВ организовала Курсы живых восточных языков⁶⁰. Она издавала журнал «Східній світ», вела большую лекционную рабо-

ту, обследовала все книгохранилища Украины в поисках востоковедной литературы.

ВНАВ создавала ячейки и за рубежом. По инициативе нашего консула в Исфахане В. Г. Тардова при представительстве СССР в Тегеране был создан кружок любителей востоковедения.

В 1923 г. ВНАВ была переименована во Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения. В связи с ликвидацией Наркомнаца ассоциация постановлением Президиума ЦИК от 18 апреля 1924 г. была преобразована во Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения при ЦИК СССР⁶¹.

В 1926 г. по инициативе ВНАВ совместно с Обществом по изучению Азербайджана был созван Первый всесоюзный тюркологический съезд, в котором приняли участие ученые различных учреждений и научных обществ Союза и зарубежные специалисты⁶². Ассоциация выпустила к съезду сборник «За новый тюркский алфавит».

На съезде наряду с учеными В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Н. Бороздин, Н. Ф. Яковлев и др. выступили представители из советских восточных республик, которых интересовали стоявшие на съезде вопросы транскрипции, орфографии, терминологии, методики преподавания, алфавита и др. Тюркологический съезд всесторонне обсудил вопрос о введении нового тюркского алфавита и наметил ряд мероприятий для осуществления реформы алфавита, которая сыграла огромную роль в культурном развитии тюркских народов Советского Союза. Съезд продемонстрировал успехи советского востоковедения, которое уверенно вставало на новый путь развития, успешно сочетая научное изучение Востока с оказанием большой практической помощи восточным народам.

Ассоциация, являясь организатором и руководителем востоковедной работы в стране, принимала активное участие в деятельности востоковедных вузов. В 1923 г. была созвана конференция ректоров этих вузов; представители ассоциации рассматривали программы, организацию преподавания наиболее важных востоковедных дисциплин и т. д.

В Москве ассоциацией было проведено совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов⁶³.

Придавая большое значение изучению производительных сил стран Азии, ВНАВ организовала комиссию по изучению естественных производительных сил советского и зарубежного Востока, в работе которой принимали участие такие видные ученые, как проф. В. В. Обручев, М. М. Пригоровский и др.

Деятельность ВНАВ явилась серьезным фактором в развитии советского востоковедения. Ассоциация создала базу для углубленного изучения нового Востока в экономическом, социально-политическом и историко-этнологическом отношениях и вместе с учеными востоковедных организаций и вузов содействовала познанию Востока, развитию и укреплению наших связей с восточными государствами. Вместе с тем сложная политическая обстановка, в которой происходила деятельность ВНАВ, непрерывающаяся борьба на идеологическом фронте, отрицательное влияние складывавшегося культа личности на развитие общественных наук, в том числе и на востоковедение, отсутствие такого авторитета во главе ассоциации, каким был М. П. Павлович (он умер в 1927 г.), подорвали авторитет ВНАВ среди востоковедов. Деятельность ВНАВ обсуждалась в октябре 1928 г. в ЦК ВКП(б)⁶⁴. Ассоциация подверглась критике на страницах печати. Становилось очевидным, что в дальнейшем ВНАВ уже не могла руководить востоковедной работой в Союзе, как это было в середине 20-х годов. В 1930 г. ВНАВ была ликвидирована.

Научные общества, комиссии, ассоциации, в той или иной мере связанные с востоковедением, возникали не только по инициативе ВНАВ. Мы назовем лишь некоторые, чтобы показать географию возникновения обществ и основные задачи, которые они перед собой ставили.

При Российской Академии наук с 1917 по 1929 г. существовала и издавала свои «Известия» Комиссия по изучению племенного состава населения России. В 1918 г. при Академии наук возникло Ученое Палестинское общество. Восточная комиссия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете собирала и публиковала материалы по этнографии и истории восточных племен⁶⁵. Во Владикавказе возникло Осетинское историко-филологическое общество⁶⁶. Заслуживает внимания деятельность Туркестан-

ского (Среднеазиатского) комитета по охране памятников старины, искусства и природы, созданного в 1920 г. (Туркомстарис)⁶⁷, Азербайджанского археологического общества и Азербайджанского комитета по охране памятников старины и искусства, преобразованного в 1923 г. в Азербайджанский археологический комитет⁶⁸, а также Общества по изучению Азербайджана⁶⁹. В Харбине в 20-х годах действовало Общество по изучению Маньчжурского края⁷⁰. В 1921 г. была создана Комиссия по изучению истории революционного движения в Туркестане (впоследствии Истпарт Туркестана)⁷¹. Научное общество было создано в 1922 г. в Башкирии: оно занималось изучением языка, истории и этнографии своего края⁷². Научная этнографическая комиссия собирала материалы для составления этнографической карты Туркестана⁷³.

По инициативе и под председательством одного из учредителей ВНАВ, Я. З. Сурица, советского полномочного представителя в Кабуле, в Ташкенте в 1922 г. была организована специальная Научная восточная комиссия при представительствах Наркоминдела и Наркомвнешторга в Средней Азии с целью всестороннего изучения сопредельных Туркестану стран, а также сбора архивного и информационного материала по экономике, культуре, быту, политическому состоянию Средней Азии и сопредельных стран⁷⁴. В Ташкенте в 1928 г. стал выходить Бюллетень прессы Среднего Востока для ознакомления широкого круга советских читателей с политикой и общественной жизнью стран Среднего Востока. В его издании участвовала большая группа востоковедов.

В 1925 г. возникло в Ташкенте Общество по изучению Таджикистана и иранских народностей⁷⁵.

21 декабря 1927 г. постановлением Президиума ЦИК Туркм.ССР был создан Институт туркменской культуры (Туркменкульт) на базе Государственного ученого совета, Туркменского научно-исследовательского института при СНК Туркм.ССР и Историко-краеведческого комитета при ЦИК Туркм.ССР. Туркменкульт должен был разрабатывать проблемы истории и культуры туркменского народа, планировать научную работу в республике, готовить культурные кадры. Туркменкульт объединял все научные учреждения и организации республи-

ки — Центральное бюро краеведения, Государственную научную библиотеку, Книжную палату, Государственный музей, Централархив, Музей революции, Комиссию по изучению нацменьшинств⁷⁶. С 1927 по 1932 г. Институт туркменской культуры издавал журнал «Туркменоведение».

В 1929 г. был создан Институт культуры Бурят-Монголии⁷⁷. В этом же году Общество по изучению Азербайджана было преобразовано в Азербайджанский научно-исследовательский институт по изучению истории, экономики и культуры стран Ближнего и Среднего Востока⁷⁸.

К концу 20-х годов стала четко намечаться тенденция к созданию научно-исследовательских институтов с постоянным составом научных сотрудников, занимающихся изучением определенных востоковедных проблем. Такие институты создавались в системе Академии наук, в Коммунистической академии, при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), на периферии.

В апреле 1925 г. при Коммунистической академии был создан Институт мирового хозяйства и мировой политики, возглавляемый Ф. А. Ротштейном⁷⁹, а в июне — Международный аграрный институт⁸⁰. Специальная комиссия, созданная в январе 1928 г., занималась изучением литературы народов Советского Востока⁸¹.

В 1926 г. при РАНИОН был создан Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, реорганизованный в 1928 г.⁸².

Научно-исследовательская группа по изучению истории стран Востока возникла при Коммунистическом университете трудящихся Востока еще в январе 1925 г.⁸³. В 1927 г. она трансформировалась в Научно-исследовательскую ассоциацию (НИА КУТВа) по разработке социально-экономических проблем советского и зарубежного Востока, при которой была создана аспирантура, готовившая квалифицированных преподавателей для КУТВа⁸⁴. Ректором Научно-исследовательской ассоциации был Б. З. Шумяцкий. Ассоциация создала страноведческие кафедры изучения стран зарубежного Востока (в социально-экономическом аспекте) и советских восточных республик. Члены ассоциации подготовили интересные труды по Востоку, организовали

экспедиции в Ойротию, Якутию, Таджикистан, а также в Монголию и Туву. В конце 1929 г. НИА была реорганизована⁸⁵.

При ассоциации состояла Лингвистическая комиссия, в задачу которой входило оказывать содействие языковому строительству на зарубежном и советском Востоке. Здесь разрабатывались проблемы письменности, латинизации алфавитов (монгольского и др.), составлялись грамматики и т. д. Работа проходила в шести группах — монгольской, тувинской, уйгурской, иранской, корейской и африканской.

При НИА был организован специальный японский кабинет. В марте 1932 г. НИА еще раз была реорганизована: аспирантура и кафедры переданы в учебную часть университета, а молодые научные сотрудники из числа окончивших аспирантуру распределены по научным кабинетам. В результате этой реорганизации ассоциация фактически оформилась в научно-исследовательский востоковедный институт, состоящий из кабинетов: японо-корейского, индийского, ближневосточного, центральноазиатского и Советского Востока, Лингвистической комиссии, редакций журналов «Революционный Восток» и «Бюллетеня», научной библиотеки с отделом рукописей.

Основным теоретическим и научным журналом КУТВа был с 1927 г. «Революционный Восток». Этот журнал с конца 20-х годов стал рассматриваться как главный востоковедный орган, определяющий развитие советского востоковедения. В нем публиковались теоретические и дискуссионные статьи, трактующие социально-экономические процессы, происходящие на Востоке. Как приложение к журналу издавались «Материалы по национальным и колониальным проблемам», носившие в основном информационный характер. В 30-е годы, когда остро встал вопрос о теоретическом и идеологическом уровне научных трудов по востоковедению, члены НИА КУТВа и журнал «Революционный Восток» выступили со статьями о положении на востоковедном фронте, о неправильной трактовке отдельных теоретических вопросов. Отмечая некоторые ошибки в критикуемых работах, авторы статей не всегда объективно квалифицировали эти ошибки, обвиняя своих противников в отходе от марксизма, в буржуазной идеологии и т. п.

Особенно ярко критика и необъективность проявились в выступлениях представителей КУТВа на Харьковском съезде⁸⁶.

Сосредоточение в НИА КУТВа марксистски подготовленных востоковедов ставило ее в авангарде борьбы за развитие марксистского востоковедения в Советском Союзе. С работами о положении на Востоке, с исследованиями по частным проблемам востоковедения выступали сотрудники многих учреждений и ведомств. Статьи по востоковедению печатались в журналах «Международная жизнь» (Народный комиссариат по иностранным делам), «Торговля России (СССР) с Востоком» [Всероссийская (Всесоюзная) торговая палата], в изданиях Института красной профессуры, Коммунистического университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (КУТК) и др.⁸⁷.

Каждое объединение научных учреждений в конце 20-х — начале 30-х годов стремилось проводить общесоюзные мероприятия, которые способствовали бы сплочению научных сил и где определялись бы задачи и пути развития отдельных отраслей общественных наук. В марте 1928 г. Коммунистическая академия созвала в Москве Первую конференцию работников марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений⁸⁸, на которую были приглашены сотрудники КУТВа, МИВа, ВНАВ и других востоковедных учреждений и организаций.

Секция истории Востока была создана в Обществе историков-марксистов. Востоковеды приняли участие в работе Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1928 г. — январе 1929 г.⁸⁹. Большая дискуссия шла по вопросу о «тайпинской революции» и вообще о событиях в Китае в Научно-исследовательском институте по Китаю при Коммунистическом университете трудящихся Китая (1928—1929 гг.)⁹⁰ и в группе по изучению тайпинского восстания в Научно-исследовательском институте при Университете трудящихся Дальневосточного края во Владивостоке⁹¹. Дискуссия по афганским вопросам была организована совместно ВНАВ и НИА КУТВа в январе — апреле 1929 г.⁹². В 1929—1930 гг. прошла дискуссия об «азиатском способе производства» в секции по изучению докапиталистических формаций Общества историков-марксистов⁹³. Во-

прос об «азиатском способе производства» и эволюции земельного права в Индии обсуждался также на Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов⁹⁴.

В начале 30-х годов интерес к теоретическим вопросам востоковедения был очень велик. Издания трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, публикации решений конгрессов Коминтерна, особенно II и VI конгрессов, и материалов съездов Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) способствовали ознакомлению востоковедов с марксистскими положениями по основным вопросам социально-экономического и политического развития народов на современном этапе. И именно в эти же годы наметились опасные для развития общественных наук, в том числе и для востоковедения, увлечение цитатничеством и бездоказательными утверждениями со ссылками на высокие авторитеты и отказ от самостоятельного теоретического осмысливания происходящих и происходивших в странах Азии и Африки процессов.

После прекращения деятельности ВНАВ стала остро ощущаться необходимость создания единого руководящего востоковедного центра, поскольку не все востоковеды соглашались с выступлениями НИИ КУТВа и «Революционного Востока» по вопросам развития советского востоковедения и с их оценками деятельности отдельных востоковедов. Такой несколько нейтральной организацией, полагали, может стать Ассоциация марксистов-востоковедов при Коммунистической академии.

В Комакадемии в эти годы стали концентрироваться значительные силы востоковедов-марксистов, работавших по аграрному, национально-колониальному и другим вопросам. В 1928—1930 гг. в системе Комакадемии произошли структурные изменения: на основе секций были созданы институты истории, философии, экономики, литературы и языка, к которым были присоединены одноименные институты РАНИОН, созданы общества историков-марксистов, аграрников-марксистов, Ассоциация востоковедов-марксистов и др. В журналах различных институтов Комакадемии — «На аграрном фронте», «Историк-марксист», «Проблемы Китая», «Революция и национальности» и др. — велась борьба с извращениями марксизма в общественных, в том числе и востоковедных, науках.

Ассоциация марксистов-востоковедов ставила перед собой следующие задачи: 1) изучение экономики и политики восточных стран и новых путей национально-революционного движения и классовой борьбы в странах колониального Востока; изучение некапиталистического пути развития отсталых стран, реформизма и борьбы с ним; 2) изучение путей изживания экономической и культурной отсталости на Советском Востоке⁹⁵.

При некоторых учреждениях были созданы ячейки содействия Обществу востоковедов-марксистов. Например, при Институте востоковедения АН СССР в 1932 г. в состав такой ячейки входили Г. М. Шитов, А. С. Тверитинова, Ю. Н. Верховский, А. Ф. Искандеров, Н. И. Конрад, Л. С. Пучковский и др. Члены ячейки обсуждали актуальные политические и методологические проблемы востоковедения, организовывали методологические консультации, вели систематическое рецензирование трудов и постоянную пропагандистскую работу⁹⁶.

Научно-исследовательская работа велась также в Институте мирового хозяйства и мировой политики, при Комакадемии, в Международном аграрном институте.

В середине 30-х годов, когда значительно расширилась деятельность Академии наук СССР в области общественных дисциплин, в том числе и востоковедения, существование двух параллельных организаций было признано нецелесообразным. В 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение ликвидировать Комакадемию и передать ее учреждения и основных работников в Академию наук СССР.

Востоковедные учреждения, созданные в первое десятилетие после Октября, сыграли огромную роль в развитии и становлении советского востоковедения. Несмотря на недостатки в своей деятельности, они заложили основы марксистско-ленинского востоковедения и подготовили почву для его дальнейшего развития.

¹ Г. З. Соркин, Съезд народов Дальнего Востока, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 76—86; его же, Первый съезд народов Востока, М., 1964.

² И. Бороздин, М. П. Павлович и Всесоюзная Научная Ассоциация Востоковедения, — «Новый Восток», кн. 18, 1927, стр. XXXIX.

³ См. «Новый Восток», кн. 1, 1922, стр. 458. К сожалению, авторам не удалось обнаружить вышеупомянутое письмо в архивах.

⁴ К. Трояновский, Восток и революция, М., 1918, стр. 65.

⁵ «Труды Среднеазиатского Государственного университета», н. сер., вып. ХС, исторические науки, кн. 14, стр. 14, 16—17.

⁶ «Научный работник», М., 1927, № 5—6, стр. 89—90.

⁷ «Восток», кн. 2, М.—Пг., 1923, стр. 131—132.

⁸ «Новый Восток», кн. 2, 1923, стр. 727—728.

⁹ «Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института», т. I, Казань, 1920, стр. 7.

¹⁰ «Центральный государственный архив Октябрьской революции» (далее — ЦГАОР), ф. 1318, оп. 1, д. 225, л. 250.

¹¹ «Азербайджанский государственный университет. Первое десятилетие. 1919—1929», Баку, 1930, стр. 10, 89.

¹² В 1921 г. гуманитарный факультет реорганизован в факультет общественных наук, а восточное отделение — в восточное отделение внешних сношений («Иркутский государственный университет, 1918—1921», Иркутск, 1921, стр. 30).

¹³ «Известия», 12.III.1919.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 626, л. 20.

¹⁵ «Новый Восток», кн. 1, 1922; М. Благовещенский и П. Фесенко, Двадцать лет Московского института востоковедения, — «Труды Московского института востоковедения» (далее — «Труды МИВ»), сб. 2, 1940, стр. 9.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 705, л. 16.

¹⁷ «Новый Восток», кн. 1, 1922, стр. 458.

¹⁸ Там же, кн. 10—11, 1925, стр. VI; М. Благовещенский и П. Фесенко, Двадцать лет..., — «Труды МИВ», сб. 2, 1940, стр. 10. Материалы о Московском институте востоковедения см. ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, дд. 339—352.

¹⁹ М. Благовещенский и П. Фесенко, Двадцать лет..., — «Труды МИВ», сб. 2, 1940, стр. 11.

²⁰ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 700, лл. 11, 21, 23.

²¹ «Новый Восток», кн. 1, 1922, стр. 465.

²² «Известия Российской Академии наук» (далее — «Известия РАН»), серия VI, т. XV, 1926, № 1—18, стр. 184.

²³ Выписку из протокола № 11 заседания Президиума ЦИК СССР от 18 апреля 1924 г. о передаче в ведение Президиума ЦИК СССР Института востоковедения в Москве и Института восточных языков в Ленинграде, «Положение о Ленинградском институте живых восточных языков», утвержденное М. Павловичем 11 марта 1925 г., «Положение о семинарах при ЛИЖВЯ», «Устав монголо-тибетских подготовительных курсов при ЛИЖВЯ» см. в кн. «Справочные сведения по Ленинградскому институту живых восточных языков за 1924—1925 учебный год», Л., 1925, стр. 11—19. Там же имеется список профессоров, преподавателей, студентов и другие справочные сведения. См. также ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, дд. 225, 700.

²⁴ «Справочные сведения по Ленинградскому институту живых восточных языков за 1924—1925 учебный год», Л., 1925, стр. 9.

²⁵ См. ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 440.

²⁶ Там же, ф. 1318, оп. 1, д. 700, л. 11.

²⁷ Вскоре из числа молодежи выдвинулись замечательные педагоги и ученые. Одним из них был крупный советский японовед

О. В. Плетнер (1893—1929); он подготовил группу практических работников и будущих ученых; написал несколько исследований по японской филологии, истории литературы и театра, положил начало планомерному изучению экономической истории Японии, в частности аграрного вопроса («Новый Восток», № 25, 1929, стр. 381—383).

²⁸ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 700, л. 11.

²⁹ Там же, лл. 21—24.

³⁰ Там же, д. 225, л. 76.

³¹ В 1929 г. было принято решение о слиянии МИВ с Ленинградским восточным институтом в единый востоковедный вуз («Известия», 3.III.1929), но это решение не было проведено в жизнь.

³² «Новый Восток», кн. 4, 1925, стр. 503—504.

³³ Г. Петросян, Ереванский государственный университет, Ереван, 1941, стр. 3—4, 7—8.

³⁴ «Государственный Дальневосточный университет», Владивосток, 1927, стр. 1—2. Базой для развития востоковедения и подготовки востоковедов-японистов, китайистов, корееведов и т. д. послужил открытый в 1899 г. во Владивостоке Восточный институт, а также некоторые научные общества — Общество по изучению Маньчжурского края, Харбинское общество русских ориенталистов и др.

При Дальневосточном государственном университете в 20-х годах существовало Общество востоковедения, которое стало издавать специальный орган «Бюллетень Общества востоковедения» (№ 1—2, 1929). В журнале «Новый Восток» (№ 29, 1930, стр. 260—262) была напечатана рецензия В. Аварина, содержащая резкую критику этого издания.

³⁵ «Новый Восток», кн. 3, 1922, стр. 580—581.

³⁶ «Известия», 16.II.1921.

³⁷ «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», М., 1921, № 19, стлб. 119.

³⁸ «Сборник узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства», 1924, № 29—30, стлб. 270.

³⁹ «Известия», 6.II.1926.

⁴⁰ «Правда», 6.V.1921; ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 703, л. 1.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 700, л. 2. О задачах КУТВа см. также «Известия КУТВ», 1921; И. В. Сталин, О политических задачах Университета народов Востока, — Сочинения, т. 7, 1952, стр. 133—152; Г. Бройдо, Очередные задачи КУТВ, — «Жизнь национальностей», 1922, № 3.

⁴² «Собрание законов и распоряжений СССР», 1927, № 8, стр. 583.

⁴³ «Известия ЦК ВКП(б)», М., 1928, стр. 7; «Большевик», 1928, № 12, стр. 91.

⁴⁴ См., напр., К. Г. Василевский, Средне-Азиатские курсы востоковедения РККА, — «Новый Восток», № 20—21, 1928, стр. 497—498. О курсах востоковедения в Феодосии см. «Новый Восток», кн. 2, 1922, стр. 731.

⁴⁵ «Известия», 29.XII.1921; «Новый Восток», кн. 1, 1922, стр. 454.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 1335, оп. 2, д. 1, л. 9.

⁴⁷ См. статью М. Павловича «Задачи и достижения советского востоковедения (К пятилетию Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР)...», — «Новый Восток», № 16—17, 1927, стр. III—XIII.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 1335, оп. 3, д. 1, лл. 4—6.

⁴⁹ В 1923 г. представитель ВНАВ В. Л. Которич принимал уча-

стие в выработке программы для учебных востоковедных учреждений («Известия РАН», т. XVII, 1923, стр. 503).

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 1335, д. 1, л. 4.

⁵¹ «Новый Восток», № 26—27, 1929, стр. 422—427.

⁵² См. Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина, М. П. Павлович (Вельтман) (1871—1927), — «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 189—193; и х же, М. П. Павлович и советское востоковедение, — «Вестник Ленинградского университета», серия истории, языка и литературы, Л., 1963, вып. 4, № 20, стр. 14—19.

⁵³ М. Павлович, Задачи и достижения советского востоковедения, — «Новый Восток», № 16—17, 1926, стр. IV.

⁵⁴ С. Ольденбург, Памяти М. П. Павловича, — «Новый Восток», № 18, 1927, стр. XXV.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 1335, оп. 2, дд. 4, 5.

⁵⁶ В качестве примера можно назвать г. Ростов-на-Дону, где развернулась востоковедная работа (см. Б. Лукин, Кавказоведческие учреждения и организации Ростова-на-Дону, — «Новый Восток», № 22, 1928, стр. 317—319).

⁵⁷ «Бюллетень Иркутского филиала ВНАВ», 1926, № 1, стр. 3—4, 108.

⁵⁸ «Новый Восток», № 16—17, 1927, стр. 395; см. также «Новый Восток», кн. 3, 1923, стр. 579.

⁵⁹ См. «Бюллетень Всеукраинской Научной Ассоциации Востоковедения», Харьков, 1927, № 2—3.

⁶⁰ И. М. Фалькович, Востоковедение в Киеве, — «Новый Восток», № 23—24, 1928, стр. 434.

⁶¹ М. П. Павлович, Пять лет советского востоковедения, М., 1927, стр. 3.

⁶² Комиссия по подготовке к съезду была создана в 1924 г. под председательством В. А. Гурко-Кряжина; обстоятельный доклад о подготовительных работах сделал А. Н. Самойлович. В августе 1925 г. СНК СССР принял постановление о созыве съезда в Баку. Работу по проведению съезда взяло на себя Общество по изучению Азербайджана. На съезде кроме центрального вопроса об алфавите были обсуждены следующие проблемы: 1) современное состояние и ближайшие задачи изучения истории тюркских народов; 2) современное состояние и ближайшие задачи изучения тюркских народов в этнографическом отношении; 3) система научной терминологии; 4) орфография тюркских народов; 5) методы преподавания тюркских языков; 6) методы краеведческой работы; 7) культурные достижения тюркских народов после Октябрьской революции. Работа съезда широко освещалась в периодической печати, особенно подробные отчеты публиковались в газете «Бакинский рабочий».

⁶³ В. М. Зуммер, Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов, Баку, 1927.

⁶⁴ С. Диманштейн, Поворотный пункт в советском востоковедении. К всесоюзному съезду востоковедов, — «Новый Восток», № 28, 1930, стр. XXI.

⁶⁵ «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1919, т. 30, вып. 2, стр. 167—173.

⁶⁶ «Новый Восток», кн. 7, 1925, стр. 364—365.

⁶⁷ «Материалы Узкомстариса», Ташкент, 1933, вып. 2—3, стр. 9—10

- ⁶⁸ «Известия Азербайджанского археологического комитета», Баку, 1925, вып. 1, стр. 86—87.
- ⁶⁹ «Новый Восток», кн. 6, 1924, стр. 507.
- ⁷⁰ «Вестник Маньчжурии», Харбин, 1926, № 3—4, стр. 46.
- ⁷¹ «Красная летопись», Ташкент, 1923, № 1—2, стр. 214—215.
- ⁷² «Восток», 1923, № 3, стр. 168.
- ⁷³ «Новый Восток», кн. 6, 1924, стр. 513.
- ⁷⁴ ЦГАОР, ф. 1335, оп. 2, д. 5.
- ⁷⁵ «Советское краеведение», 1930, № 1—2, стр. 27.
- ⁷⁶ А. Ар — ни, Институт туркменской культуры, — «Новый Восток», № 23—24, 1928, стр. 439—440.
- ⁷⁷ См. «К 35-летию Института культуры Бурят-Монголии», Улан-Удэ, 1958.
- ⁷⁸ «Востоковедение в Советском Азербайджане», Баку, 1962, стр. 19.
- ⁷⁹ «Известия», 19.V.1925.
- ⁸⁰ «Известия» 20.VI.1925.
- ⁸¹ «Новый Восток», № 22, 1928, стр. 315.
- ⁸² Там же, № 28, 1930, стр. 290—291; «Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока», т. II, 1930, стр. 236; «Историк-марксист», 1929, № 12, стр. 330.
- ⁸³ «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 322.
- ⁸⁴ Там же, 1927, № 4, стр. 278; «Революционный Восток», 1929, № 6, стр. 258—259. См. «Положение о научно-исследовательской организации при КУТВ», — «Революционный Восток», 1929, № 7, стр. 366—368.
- ⁸⁵ «Революционный Восток», 1930, № 8, стр. 340.
- ⁸⁶ См. «Східній світ», 1930, № 10—11, стр. 370, 378; № 12.
- ⁸⁷ См. В. Гурко - Кряжин, 10 лет востоковедной жизни, — «Новый Восток», 1928, № 19, стр. XLVI.
- ⁸⁸ «Вестник Комакадемии», 1928, № 3 (27), стр. 239.
- ⁸⁹ «Историк-марксист», 1929, № 11, стр. 120, 130—131; № 12, стр. 324—333.
- ⁹⁰ «Проблемы Китая», 1929, № 1, стр. 403, 419.
- ⁹¹ «Бюллетень Общества востоковедения при Дальневосточном государственном университете», 1929, № 1—2, стр. 85.
- ⁹² «Новый Восток», № 25, 1929, стр. 364; № 26—27, стр. 416.
- ⁹³ См. «Историк-марксист», 1930, № 16, стр. 104—161; «Против механических тенденций в исторической науке», М., 1930; «Спорные вопросы методологии истории», Харьков, 1930.
- ⁹⁴ См. «Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», т. I—II, М., 1930; «Революция и письменность», 1930, № 1, стр. 119.
- ⁹⁵ «Декларация Всесоюзной ассоциации марксистов-востоковедов», — «Новый Восток», № 29, 1930, стр. XXIV.
- ⁹⁶ Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, 1932, д. 7.

ВОСТОКОВЕДНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК 20-х ГОДОВ

В отличие от Запада в России не было ни одного научного общества, которое специально занималось бы изучением Востока, за исключением, может быть, Туркестанского кружка любителей восточных древностей и возникших незадолго перед первой мировой войной Азиатского общества и Общества русских ориенталистов, которые почти не оставили следа в отечественной науке. Русское научное востоковедение нашло приют лишь в Археологическом, Географическом и некоторых других научных обществах Петербурга и Москвы. Поэтому значение Академии наук, много сделавшей для изучения естественных богатств, истории, этнографии и языков народов Сибири, Средней Азии, Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, в развитии востоковедных знаний очень велико. Достаточно упомянуть здесь экспедиции В. Беринга, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, знаменитую Орхонскую экспедицию под руководством В. В. Радлова. Немалая работа проводилась в академии по изучению истории и языков стран Ближнего и Среднего Востока (исследования В. Р. Розена, К. Г. Залемана и др.).

Академия наук являлась средоточием крупных ученых с мировым именем, цвета русской научной мысли. Если говорить о востоковедении, то к Азиатскому музею Академии наук и другим учреждениям, где работали ведущие востоковеды — академики В. Р. Розен, Б. А. Тураев, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский, П. К. Коковцов и др., тяготели почти все востоковеды России.

Востоковеды, работавшие в системе Академии наук, независимо от узкой специализации, были филологами,

если судить по тематике и приемам их исследования. В силу специфичности изучаемого материала — восточные рукописи, эпиграфические материалы, данные живых и мертвых языков, ранние восточные книги и ксилографы — к началу XX в. выработался особый тип ученого-востоковеда, знатока нескольких восточных языков, памятников духовной и материальной культуры народов того или иного региона Востока. Подавляющее большинство востоковедов, связанных с Академией наук, — В. В. Вельяминов-Зернов, М. И. Броссе, В. П. Васильев, В. Р. Розен и др. — изучали Восток комплексно: языки, литературу, гражданскую историю, историю культуры и религии, восточные источники. Правда, еще в середине XIX в. в недрах восточной филологии зародилась новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание, наиболее яркими представителями которой в Академии наук были академики О. Н. Бётлинг, А. А. Шифнер, В. В. Радлов и К. Г. Залеман. В начале XX в. можно говорить о появлении востоковеда-историка среди академиков — В. В. Бартольда.

Яркий портрет востоковеда-филолога И. Ю. Крачковского дал акад. Н. И. Конрад: «По образованию, по направлению научной деятельности, полностью отвечавшему его интеллектуальному складу, он был филолог. А быть востоковедом-филологом для него, как и для каждого подлинного филолога, всегда означало самоабвенно погружаться в постижение жизни и культуры, проявление которых он равным образом видел и в том, что находил в покрытом пылью веков памятнике письменности, и в том, что являет нам кипучая, бьющая ключом, насыщенная противоречиями жизнь народа»¹. И. Ю. Крачковский был одним из первых, кто стал научно опровергать тезис, считавшийся аксиомой в академических кругах, что наука и современность — «вещи несовместные»². Так современность, пока в виде новой арабской литературы, стала завоевывать право на существование в планах работ востоковедов Академии наук.

История народов Востока стала изучаться не только по письменным источникам; большое значение стало придаваться памятникам материальной культуры, добытым археологическими экспедициями (С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, И. А. Орбели). Все больше выделялось

восточное литературоведение (В. Р. Розен, С. Ф. Ольденбург, В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский). Восточное искусство изучалось С. Ф. Ольденбургом, И. А. Орбели. Успешно развивалось изучение буддизма и ислама. Русская буддологическая школа, получившая всеобщее признание, была создана В. П. Васильевым и его учеником И. П. Минаевым и развита учениками Минаева — С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским.

Академия наук к моменту Октябрьской революции была вполне сложившимся жизнедеятельным научным коллективом, несмотря на целый ряд недостатков — идеалистическое мировоззрение подавляющего большинства ученых, элементы кастовости и изолированности от народа, неактуальность некоторых исследований, — которые в новых условиях стали серьезным тормозом для ее дальнейшего развития. Все это предстояло преодолеть Академии наук, чтобы вполне отражать интересы молодого Советского государства.

Советское правительство и лично В. И. Ленин, придавая огромное значение науке в построении коммунизма, уделяли большое внимание Академии наук. В 1918 г. Совнарком принял решение о выделении средств академии, об укреплении ее материальной базы. В 1919 г. по инициативе А. М. Горького была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). 6 декабря 1921 г. Совет Народных Комиссаров утвердил декрет «Об улучшении быта ученых»³.

Непременным ученым секретарем академии в эти годы был известный востоковед акад. Сергей Федорович Ольденбург, который позднее писал: «Мы, старые работники Академии наук, храним глубокую благодарную память о Владимире Ильиче за исключительное внимание к работникам науки и прежде всего к самой науке»⁴.

Советское правительство стало привлекать ученых, объединяемых Академией наук, к участию в хозяйственном и культурном строительстве. Государственные органы и общественные организации смогли использовать в своих целях результаты некоторых исследований ученых Академии наук, в том числе и востоковедов. Например, этнографические карты и работы Постоянной комиссии по изучению племенного состава России помогли осуществить национально-государственное строи-

тельство в Средней Азии и на Кавказе; востоковеды приняли активное участие в составлении алфавитов для тюркских и других народов, не имевших своей письменности, и т. д.

Но в первые годы Советской власти еще не было условий для обстоятельной перестройки работы Академии наук, в том числе и ее востоковедного отделения. В. И. Ленин считал, что проводить реформу в Академии наук нужно постепенно, не спешить с этим делом. «Наркомпрос, — писал А. В. Луначарский, — имел прямые директивы В. И. Ленина: относиться к Академии бережно и осторожно и лишь постепенно, не рая ее органов, ввести ее более прочно и органично в новое коммунистическое строительство»⁵.

Таким образом, после Октябрьской революции востоковедный сектор в основном сохранялся в том виде, как он сложился в Академии наук в первые два десятилетия XX в.

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ И КОЛЛЕГИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

Главным востоковедным учреждением Академии наук до революции был Азиатский музей, который возник в 1818 г., после выделения из кунсткамеры Петра I азиатских коллекций. Большая заслуга в создании музея принадлежит акад. Х. Д. Френу. Азиатский музей никогда не был музеем в строго терминологическом смысле этого слова. К концу XIX в. он окончательно превратился в библиотеку. Почти все музейные экспонаты (за исключением нескольких надписей на камнях и других предметах и восточных монет) были переданы Музею антропологии и этнографии. В Азиатском музее остались восточные рукописи и книги по востоковедению, но название «Музей» сохранялось за этим учреждением вплоть до реорганизации его в 1930 г. Поставив себе задачей сбор печатной и рукописной литературы по научному востоковедению, в частности на восточных языках, Азиатский музей стал с течением времени одним из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности и самой обширной в СССР востоковедной библиотекой.

С 1918 г. Азиатский музей делился на четыре отделе-

ния: 1) Книги и периодические издания на европейских языках; 2) Азиатский архив; 3) Восточные рукописи и книги, изданные на Востоке; 4) Нумизматика, эпиграфика и археология.

Библиотечный фонд Азиатского музея, основой которого послужило небольшое собрание книг, переданное из кунсткамеры Петра I и Museum Petropolitanum, в течение столетия значительно вырос и насчитывал к 1930 г. более 100 тыс. томов. В библиотеку Азиатского музея влились личные библиотеки многих востоковедов— Х. Д. Френа (1852 г.), Б. А. Дорна (1881 г.), М. И. Броссе (1884 г.), П. Л. Шиллинга (1887 г.), Э. В. Бретшнейдера (1900 г.), В. П. Васильева и В. Г. Тизенгаузена (1902 г.), А. О. Ивановского и Дмитриевского (1904 г.), В. Р. Розена (1908 г.), Д. А. Хвольсона (1911 г.), В. Ф. Миллера (1914 г.), К. Г. Залемана (1916 г.). В 1918 г. в музей поступили крупные библиотеки В. В. Радлова и О. Э. Лемма, в 1920 г.— Б. А. Тураева. В 20-х годах XX в. библиотека Азиатского музея пополнилась переданными ей фондами некоторых ликвидированных после революции библиотек, а с 1926 г. возобновилась прерванная во время первой мировой войны выписка периодических изданий и книг из-за границы.

Азиатский архив (ныне Архив востоковедов)⁶ составляет одну из любопытнейших частей Азиатского музея. Замечательное начинание сотрудников Азиатского музея, многих востоковедов и лиц, интересующихся востоковедением, по сбору архивных востоковедных материалов позволило сохранить для науки архивы многих крупнейших востоковедов, которые представляют интерес для истории науки и являются подчас уникальными источниками для разработки ряда востоковедных проблем⁷. В нем хранятся бумаги, переписка, частью неизданные труды русских востоковедов XVIII и XIX вв.— Г. З. Байера, Г. Я. Кэра, Е. А. Мессершмидта, П. С. Палласа, В. В. Вельяминова-Зернова, Х. Д. Френа, В. Г. Тизенгаузена, В. Р. Розена, Н. Я. Бичурина, П. Л. Шиллинга, Я. И. Шмидта, В. П. Васильева, Э. В. Бретшнейдера, А. О. Ивановского, Ц. Ж. Жамцарано, Р. Х. Ленца, И. П. Минаева, К. А. Коссовича, Б. А. Дорна, П. И. Лерха, В. Ф. Миллера, К. Г. Залемана, В. А. Жуковского, М. И. Броссе,

О. Кэстнера, И. И. Шопена, Ф. Бартоломея, О. Э. Лемма, В. В. Радлова и многих других⁸.

Отделение восточных рукописей и книг, изданных на Востоке, в свою очередь, подразделялось на шесть отделов: 1) Мусульманский мир; 2) Дальний Восток; 3) Средняя Азия; 4) Семиты; 5) Кавказ и христианский Восток; 6) Иран до ислама.

В первом отделе концентрировались рукописи и книги на арабском, персидском и тюркских языках; особенно полно были представлены богословие, история и поэзия. Собрание мусульманских типографских книг и литографий значительно уступало собранию рукописей. Рукописи в Азиатский музей поступали коллекциями и отдельными экземплярами. Так, музей приобрел коллекции П. И. Лерха, А. Л. Куна, В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга, А. И. Иванова, В. А. Жуковского, А. Н. Самойловича и многих других. В 1919 г. из Зимнего дворца поступило собрание преимущественно арабских рукописей патриарха Антиохийского Григория.

В дальневосточном отделе сосредоточивались фонды рукописей и книг на китайском, корейском, монгольском и японском языках. Особое место среди них занимали имеющие мировое значение рукописи и ксилографы древнетангутского письма V—VII вв., добытые экспедицией П. К. Козлова.

Самым большим в музее являлся китайский фонд, насчитывающий несколько тысяч экземпляров. Китайский фонд почти полностью собран в результате активной деятельности акад. В. М. Алексеева. До него в фонде имелись разрозненные собрания, большей частью случайно попавшие в музей. В. М. Алексеев организовал систематическую выписку из Китая и Японии наиболее ценных изданий, разносторонней справочной литературы, передал в музей ряд своих уникальных коллекций, привезенных из Китая, способствовал сосредоточению в Азиатском музее многочисленных печатных, рукописных материалов и ксилографов. Маньчжурский фонд состоял из 200 сочинений разнообразного содержания, японский фонд — из ряда случайных, часто неполных коллекций, собиравшихся к тому же без всякого плана⁹.

В среднеазиатском отделе находились тибетский и монгольский фонды, собрание индийских рукописей и книг, богатейшая коллекция эстампажей енисейско-ор-

хонских надписей Радлова и Котвича, уйгурских рукописей и ксилографов. Особенно богато было тибетское собрание. После Октября значительно пополнился монгольский фонд: в 1917 г. — коллекцией эстампажей, рукописей и ксилографов; в 1925 г. — собранием монголо-тибетских рукописей проф. А. М. Позднеева; в 1925—1926 гг. — книгами, подаренными Академии наук Монгольским ученым комитетом¹⁰.

Фонды отдела «Семиты» были невелики, но они включали превосходные коллекции Л. Ф. Фридланда (1892 г.) и Д. А. Хвольсона (1900 г.), ряд ценных уникальных рукописей, инкунабул и редких изданий более позднего времени.

В отделе Кавказа и христианского Востока сосредоточивались рукописные и печатные материалы на грузинском и армянском языках; эфиопские, коптские, сирийские и самаритянские рукописи. В 1923 г. этот отдел пополнился небольшой, но ценной коллекцией армянских рукописей И. А. Орбели.

В небольшом отделе «Иран до ислама» хранились материалы по иранским наречиям, клинописные материалы, маздеитские рукописи, отрывки из рукописей на среднеперсидском (из Турфана), согдийском и сакском языках.

Отделение нумизматики, эпиграфики и археологии было невелико. Здесь собирались сасанидские, мусульманские, непальские, тибетские, кашгарские и другие восточные монеты, некоторые эпиграфические и археологические памятники в виде надгробных камней с надписями, гемм и т. п.

Всего в Азиатском музее к концу 1926 г. хранилось более 200 тыс. томов книг, журналов, инкунабул, ксилографов, рукописей¹¹. Только за первое десятилетие после Октябрьской революции (1917—1927) фонд рукописей и книг по востоковедению в Азиатском музее увеличился более чем на 20 тыс. экземпляров. В последующие годы он продолжал непрерывно расти, особенно с 1926 г., когда на приобретение книг, периодических изданий и рукописей стали отпускаться довольно значительные суммы. Из наиболее ценных приобретений можно назвать материалы И. П. Минаева, дневники Д. А. Клеменца, архивы А. П. Березовского и Н. А. Виташевского и др.

Такова была материальная база Азиатского музея в 20-е годы.

Что касается личного состава Азиатского музея, то штат научных сотрудников в этот период также значительно вырос. В 1917 г. в Азиатском музее работало лишь 6 научных и 2 технических сотрудника. В 1927 г. в его штате насчитывалось уже 19 научных сотрудников, 2 практиканта и 4 технических сотрудника¹².

Директором Азиатского музея был С. Ф. Ольденбург, его замещали И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд и Ф. И. Успенский.

В 1925 г. в отделении книг на европейских языках работали Ф. А. Розенберг, П. В. Ернштедт, Н. М. Дьяконова-Алексеева, Н. В. Белолипская, А. П. Алявдин и М. М. Гирс. По отделу «Мусульманский мир» были заняты Е. Э. Бертельс, Б. А. Эберман и Ю. Н. Марр; по Китаю — В. М. Алексеев, Ю. К. Шуцкий и К. К. Флуг; по Средней Азии — Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе¹³; по Индии — М. И. Тубянский; семитами занимались С. Е. Винер и М. Н. Соколов; Кавказом и христианским Востоком — А. Н. Генко. Научными сотрудниками Азиатского музея были В. Л. Котвич и Б. А. Васильев. В 1925—1926 гг. на работу в Азиатский музей были приняты тюрколог Н. К. Дмитриев и индолог А. И. Востриков. Впоследствии в личном составе Азиатского музея произошли некоторые изменения. По болезни в 1926 г. выбыл С. Е. Винер, в 1928 г. также из-за тяжелого заболевания ушел из Азиатского музея Ю. Н. Марр. На место практиканта А. И. Вострикова, назначенного ученым секретарем Института буддийской культуры, пришел С. А. Козин; поступил на работу в музей в 1928 г. китаист А. А. Драгунов. Арабскую часть Бухарской коллекции В. А. Иванова под руководством И. Ю. Крачковского разбирал и описывал практикант В. И. Беляев, а материалы К. Г. Залемана, В. А. Жуковского, полковника Косаговского и других помогал разбирать А. Н. Самойловичу А. А. Ромаскевич. В 1929 г. в действительные члены АН СССР были избраны В. М. Алексеев и Б. Я. Владимирцов, а Ю. К. Шуцкий стал работать старшим научным сотрудником.

Большинство сотрудников Азиатского музея — В. М. Алексеев, Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцов,

Ю. К. Шуцкий и др.—одновременно работали в Ленинградском университете и в Ленинградском институте живых восточных языков; В. М. Алексеев, Ф. А. Розенберг и Б. А. Эberman по совместительству работали в Академии истории материальной культуры.

Основной задачей, стоявшей перед сотрудниками Азиатского музея, было возможно полное «собираание всей литературы, печатной, рукописной и эпиграфической, по научному востоковедению вообще и на восточных языках в частности»¹⁴, изучение и обработка поступающих материалов, обслуживание читателей, посещающих Азиатский музей, и подготовка новых специалистов для работы над восточными рукописями в однотипных с Азиатским музеем учреждениях¹⁵. С небольшими изменениями эти задачи стояли перед Азиатским музеем вплоть до его реорганизации¹⁶.

Следует, кстати, отметить, что обработка материалов, каталогизирование велись до 1929 г. каждым старшим хранителем по своей системе. Лишь с 1929 г. все отделения Азиатского музея стали постепенно переходить на каталожные карточки международного образца.

Но эта работа не могла полностью исчерпать научные интересы востоковедов, сосредоточенных в Азиатском музее. Они вели научно-исследовательскую работу по своим специальным темам, например И. Ю. Крачковский — по арабской литературе, В. В. Бартольд — по истории Средней Азии и Ирана и т. п.

Результаты научных исследований докладывались, как правило, на заседаниях Коллегии востоковедов, с 1921 г. существовавшей при Азиатском музее.

Коллегия востоковедов была образована 26 июня 1920 г. при факультете общественных наук Петроградского университета¹⁷. Проект «Положения о Коллегии востоковедов» написан рукой В. В. Бартольда¹⁸. Коллегия востоковедов создавалась из профессоров и преподавателей всех отделений факультета общественных наук, читающих лекции по языкам, литературе, истории, быту и культуре восточных народов или «известных своими специальными востоковедными познаниями». На обсуждение и заключение Коллегии востоковедов должны были передаваться программы востоковедных курсов, обсуждение вопросов приема и увольнения преподавателей по востоковедным дисциплинам, организация

учебно-вспомогательных востоковедных учреждений и т. п. Из-за отсутствия в первые годы после Октября такого объединяющего центра востоковедов, каким было до революции Восточное отделение Археологического общества, Коллегия востоковедов рассматривалась как орган, защищающий интересы востоковедов и объединяющий их деятельность. Однако при постоянных реорганизациях (в 1921 г. вновь проводилась реформа высшей школы), которым подвергался Петроградский университет, особенно его «восточный сектор», деятельность Коллегии востоковедов при университете была малоэффективна. Поэтому среди востоковедов возникла идея создать Коллегию востоковедов при Академии наук, учреждении более стабильном.

Инициативная группа из 15 востоковедов обратилась в Академию наук с проектом создания Коллегии востоковедов при Азиатском музее для более тесного сплочения востоковедов, лучшей организации деятельности востоковедов и повышения качества научной продукции. 27 апреля 1921 г. Отделение исторических наук и филологии приняло решение об организации Коллегии востоковедов в составе В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, И. А. Орбели и И. Ю. Крачковского. Общим собранием Академии наук 14 мая 1921 г. было принято решение о переходе Коллегии востоковедов в ведение Азиатского музея Академии наук¹⁹. Одновременно был утвержден устав Коллегии востоковедов и избран председатель — акад. Н. Я. Марр. Состав Коллегии востоковедов путем избрания был расширен до 41 члена, главным образом из числа петроградских востоковедов и некоторых московских и ташкентских.

Коллегия принимала активное участие в организации востоковедной работы в Ленинграде, при ее непосредственном участии был создан Петроградский (Ленинградский) институт живых восточных языков²⁰.

В 1924 г., после закрытия Русского археологического общества, Коллегия востоковедов приняла на себя функции Восточного отделения этого общества. По предложению Н. Я. Марра была произведена реорганизация Коллегии востоковедов, причем главной ее задачей становилось обсуждение научных вопросов и вообще продолжение деятельности Восточного отделения Русского археологического общества (ВОРАО). В связи с этим

был изменен состав бюро Коллегии востоковедов, вместо четырех членов избрали двух — председателя (В. В. Бартольда) и секретаря (Б. Я. Владимирцова) сроком на один год. К Коллегии востоковедов переходило издание научного органа русских востоковедов «Записок Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВОРАО) ²¹.

Печатный орган Коллегии востоковедов — «Записки Коллегии востоковедов» при Азиатском музее Российской Академии наук, выходявшие под редакцией В. В. Бартольда, — по существу ничем не отличался от предыдущих 25 томов ЗВОРАО. Первый том «Записок Коллегии востоковедов» подготавливался как очередной XXVI том ЗВОРАО ²², остальные 4 тома представляли собой сборники докладов и статей, прочитанных на Коллегии востоковедов или написанных ее членами. Пятый том, посвященный И. Ю. Крачковскому, был выпущен уже после закрытия Коллегии востоковедов (1930). В небольшом предисловии к нему непременно секретаря акад. В. П. Волгина отмечалось, что «плана работы у Коллегии востоковедов не было, и вообще востоковедная работа в Академии тогда еще не планировалась; естественно, что и V том «Записок» отражает на себе это отсутствие плана. Не отличается он и каким-либо методологическим единством» ²³.

Все сотрудники Азиатского музея считались членами Коллегии востоковедов и принимали активное участие в ее работе. Прочитанные в коллегии доклады публиковались в «Записках Коллегии востоковедов» или иных академических изданиях.

Коллегия востоковедов регулярно проводила заседания, информация о которых печаталась в ежегодных отчетах Академии наук ²⁴.

Востоковедные работы печатались в общих академических изданиях, например в «Известиях РАН» («Азиатский сборник», вып. 1 и 2, 1918—1919), «Записках РАН по ОИФ» (т. XIII, № 5 — В. В. Бартольд, Улугбек и его время; № 6 — Н. П. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время), «Трудах КИПС» (№ 3 — Н. Я. Марр, Племенной состав населения Кавказа; № 4 — его же, Талыши; № 5 — его же, Кавказские племенные названия и местные параллели), в «Сборниках Музея антропологии

и этнографии», а также в специальных востоковедных изданиях — «Яфетический сборник» (с 1922 г.), «Памятники индийской философии» (с 1922 г.), *Monumenta hagiographica Georgica* (с 1918 г.), «Записки Коллегии востоковедов», в сборниках «Иран» в серии *Bibliotheca Buddhica*, «Христианский Восток». Иногда они выходили отдельными изданиями, например: И. А. Орбели, Вопросы и решения вардапета Анании Шираца, армянского математика VII в. (1918) и др.

Из научной продукции Азиатского музея можно назвать изданную им юбилейную брошюру «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка» (Пг., 1920), «Востоковедение в Петрограде 1918—1922 гг. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук» (Пг., 1923).

Труды ведущих востоковедов, сотрудников Азиатского музея, — В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Б. Я. Владимирцова, В. М. Алексеева, Ф. И. Щербатского и др. — широко известны не только в Советском Союзе, но и за рубежом. О месте этих крупнейших ученых в науке, значении их трудов неоднократно писали исследователи²⁵.

При Азиатском Музее и Коллегии востоковедов, обычно с участием всех ленинградских ориенталистов, проводились юбилейные заседания, например в 1918 г. были отмечены годовщины со дня рождения В. П. Васильева и И. Н. Березина, в 1922 г. — столетие дешифровки египетских иероглифов и двухсотлетие персидского похода Петра I и др.²⁶.

Одной из форм работы Азиатского музея была организация выставок в здании Азиатского музея или в других учреждениях Ленинграда. Сотрудники Азиатского музея консультировали или помогали оформлять выставки. Тематическими востоковедными выставками в первые годы после Октябрьской революции можно назвать Первую буддийскую выставку 1919 г., Выставку заупокойного культа древнего Египта 1919 г.²⁷, Выставку сасанидских древностей 1922 г.²⁸ и др. В 1925 г. к 200-летию Академии наук открылись три выставки: 1) персидской миниатюры, 2) истории китайской книги и 3) среднеазиатской и индийской письменности. Выставки привлекли внимание ленинградской общественности и функционировали около двух лет. В

этом же году в Эрмитаже была открыта «Галлерея мусульманского Востока»²⁹, Академия наук организовала выставку «Театр народов Востока». Сотрудники Азиатского музея принимали участие в разработке и обсуждении восточной части экспозиции Музея антропологии и этнографии, Выставки находок в Северной Монголии (раскопки П. К. Козлова и Монгольской комиссии), Тюркологической выставки в Баку, востоковедных выставок в Москве — «Египетские древности и классический Восток», «Татарская культура в Крыму», «Революционное движение в Турции и Китае», «Туркменский ковер», выставки по ламаизму и др., а также специальных востоковедных выставок в Тифлисе, Эривани, Ташкенте, Самарканде и других городах.

Азиатский музей поддерживал регулярные связи со многими советскими и зарубежными обществами и учреждениями, занимающимися в той или иной степени востоковедными проблемами. Можно назвать 226 одних лишь советских адресатов Азиатского музея³⁰.

Отсутствие связей между учеными России и Запада, прерванных во время революции и гражданской войны, особенно остро ощущалось в Академии наук. Востоковеды, например, в начале XX в. были очень тесно связаны с европейскими учеными совместной разработкой ряда научных проблем, сотрудничеством в коллективных изданиях типа «Энциклопедия ислама», подготовкой очередных томов *Gibb Memorial Series* и др. Чувствовалась большая нехватка научной литературы.

Академия наук принимала возможные меры для налаживания прерванных научных связей. Востоковеды были одними из первых, кто начал восстанавливать связи и поддерживать международные научные контакты.

В 1922 г. С. Ф. Ольденбург и В. М. Алексеев были посланы в Париж на празднование столетия Азиатского общества и столетия расшифровки египетских иероглифов Шампольоном³¹.

Большое значение для развития научных связей имел декрет Совета Народных Комиссаров СССР от 16 января 1923 г. «О предоставлении высшим учебным заведениям и научным учреждениям права обмена научными изданиями с высшими учебными заведениями и научными учреждениями других стран»³².

В апреле 1923 г. в Брюссель на V Международный

конгресс историков поехали В. В. Бартольд и Е. В. Тарле³³. В. В. Бартольд сделал доклад об Улугбеке³⁴. После конгресса Бартольд проехал в Лондон, где прочитал в Королевском антропологическом институте доклад о кочевниках Средней Азии³⁵. Для восстановления связей с немецкими учеными в Берлин по приглашению Германского общества востоковедения³⁶ поехал Ф. И. Щербатской (апрель 1923). В 1928 г. на XVII Международный конгресс ориенталистов в Оксфорд ездил В. М. Алексеев.

Сотрудники Азиатского музея использовали свои заграничные командировки для пополнения рукописных и книжных фондов Азиатского музея и Библиотеки АН СССР. Находившийся в Китае в 1924—1925 гг. Б. А. Васильев прислал книги и периодические издания на китайском языке, Б. Я. Владимирцов во время пребывания в Пекине договорился от имени академии об обмене изданиями с Пекинским государственным университетом, университетом «Цинхуа» и другими учреждениями³⁷. В 1929 г. Азиатский музей, укрепив свои связи с японскими учеными, получил от Буддологического университета полное издание рукописей Кободайси, создателя японской слоговой азбуки³⁸. В. М. Алексеев вел обширную переписку с японскими китаеводами по вопросам синологии, по обмену изданиями Академии наук, по выписке книг и материалов³⁹. И. Ю. Крачковский переписывался со многими арабскими учеными⁴⁰.

Обычно через И. Ю. Крачковского Азиатский музей заказывал фотокопии с рукописей, хранящихся в различных книго- и рукописехранилищах арабских стран, и высылал фотокопии с рукописей Азиатского музея в Королевскую библиотеку в Каире, в Константинопольскую и другие библиотеки. Командировка в 1925 г. в Иран Ю. Н. Марра позволила не только установить научные связи, но и наладить книгообмен, выписку книг и фотокопий. В том же году в научную командировку в Турцию ездил В. В. Бартольд⁴¹.

В свою очередь иностранные ученые также приезжали в Советский Союз, письменно обращались за помощью к советским востоковедам. Так, в 1927 г. Азиатский музей посетил крупный японский археолог проф. Умэхара⁴². Можно также напомнить о научных связях наших ученых с японскими китаистами — Иси-

хамой, которому в 1928 г. были высланы фотокопии сися-тангутских текстов и материалов о них, и Коно, призвавшем статью об уникальной рукописи «Вэнь Сюань» VIII—IX вв.⁴³ С октября 1928 г. начались совместные работы Академии наук и Монгольского ученого комитета по изучению Монголии⁴⁴.

ДРУГИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ВОСТОКОВЕДИЕНИЕМ

В 20-е годы в востоковедении, как и в других науках, наметилась тенденция к узкой специализации и дифференциации.

Дифференциация науки стала проявляться в структуре Академии наук. В XX в. возникали новые институты, музеи, бесконечные «комиссии», которые отражали развитие отдельных отраслей наук. Сторонниками такого дробления были В. В. Бартольд, Н. Я. Марр и другие ученые. В. В. Бартольд, в частности, считал, что востоковедение достигло уже такого уровня, что для дальнейшего развития требует более узкой специализации. Этим главным образом и объясняется возникновение мелких академических востоковедных институтов, разрабатывающих одну какую-либо отрасль науки.

Кроме главных центров — Азиатского музея и Коллегии востоковедов — в Академии наук были еще учреждения, занимающиеся изучением Востока.

Востоковедные учреждения Академии наук были сосредоточены в Отделении исторических наук и филологии (академик-секретарь И. Ю. Крачковский). В ведении отделения находились Институт яфетических языков (основан в 1921 г.), Институт буддийской культуры, Тюркологический кабинет⁴⁵. Предполагалось открыть также Иранский кабинет и Синологический, хотя академик Алексеев критически относился к такому дроблению.

В Ленинграде Восток изучался в Русском географическом обществе, в Академии истории материальной культуры. Государственном Эрмитаже, Русском музее, где имелось богатейшее восточное этнографическое собрание, на востоковедных кафедрах в университете, в Ленинградском институте живых восточных языков. В данном очерке мы остановимся на академических

востоковедных учреждениях и некоторых неакадемических, тесно связанных с Академией наук.

Восток изучался в Тихоокеанском комитете, в специальных комиссиях по исследованию советских восточных республик — закавказских, среднеазиатских, якутской, чувашской, башкирской, автономных областей, в Монгольской комиссии и Тану-Тувинской.

Академии наук подчинялся Кавказский историко-археологический институт, размещенный в Тифлисе, Музей антропологии и этнографии⁴⁶, Комиссия по изданию монгольских книг (учреждена в 1908 г.), Комиссия по каталогизации восточных рукописей, находящихся в рукописехранилищах Петрограда (создана в 1913 г.), Постоянная лингвистическая комиссия (образована в 1916 г.)⁴⁷. Кроме того, в Отделении исторических наук и филологии имелась кафедра литературы и древностей народов Востока, которую попеременно занимали С. Ф. Ольденбург, П. К. Коковцов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский. При общем собрании Российской Академии наук имелась еще Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) с четырьмя отделами — европейским, кавказским, сибирским и туркестанским; три последних отдела имели непосредственное отношение к востоковедению.

Среди академических учреждений 20-х годов, которые уделяли внимание востоковедной тематике, можно назвать Музей антропологии и этнографии. В нем еще при жизни акад. В. В. Радлова был образован специальный отдел мусульманских народов Средней Азии. В связи с ростом коллекций этого отдела (афганских, белуджских, узбекских, туркменских, казахских, таджикских и персидских) он был переименован в отдел Передней и Средней Азии. В отделе шла большая работа по составлению сводного карточного этнографического указателя по народностям и племенам. Велись также совместно с учеными среднеазиатских республик исследования и сбор материалов. В музее имелись отделы Дальнего Востока, Индии, Индонезии, Африки. В них наряду с музейной работой проводились и научные исследования по культуре и различным вопросам быта народов, населяющих эти территории. Музей организовывал научные поездки сотрудников в изучае-

мые страны с целью приобретения ценных коллекций и изучения материалов на местах.

С июня 1918 г. до конца 1929 г. при Музее антропологии и этнографии АН СССР под председательством В. В. Бартольда функционировал так называемый Радловский кружок, положение о котором было утверждено на Президиуме АН СССР в сентябре 1922 г.⁴⁸. На заседаниях заслушивались доклады, главным образом по тюркскому языкознанию и культуре тюркских народов. В. В. Бартольд был одновременно председателем Комиссии по управлению Музеем антропологии и этнографии⁴⁹. В 1926 г. Музей антропологии и этнографии организовал среднеазиатскую экспедицию, этнологическую секцию которой возглавил В. В. Бартольд. В экспедиции приняли участие многие известные впоследствии исследователи советских среднеазиатских республик — И. И. Зарубин, Г. Г. Гульбин, Е. М. Пещерова, А. Л. Троицкая, М. З. Нагзыбеков и др.⁵⁰.

В 1927 г. этнографическая работа получила еще больший размах. Востоковеды приняли участие в Алтайской этнографической экспедиции (руководители С. И. Руденко, А. Н. Самойлович и др.), в этнологическом отряде Казахстанской экспедиции (А. Н. Самойлович, С. И. Руденко и др.), в Волжско-Камской этнологической экспедиции под руководством Н. Я. Марра, в этнографическом отряде Якутской экспедиции, в археологической экспедиции в Закавказье под руководством С. В. Тер-Аветисяна⁵¹. Были организованы командировки востоковедов в Среднюю Азию и Закавказье, например В. В. Бартольд вместе с акад. Ферсманом ездил в Ташкент для выработки программы изучения Центральной Азии⁵².

Тесные связи с востоковедами поддерживала КИПС. Основной задачей ее являлось изучение племенного состава населения СССР и соседних территорий. В Туркестанском и Кавказском отделах КИПС была организована систематическая подборка сведений из западноевропейской и восточной литературы по Ирану, Афганистану и среднеазиатским республикам. В КИПС производилась систематическая обработка материалов по племенам и народностям восточных окраин бывшей Российской империи, составлялись библиографии по этно-

графии России, Монголии, Тибета и Урянхайского края. К Тюркологическому съезду в Баку (февраль 1926 г.) КИПС подготовила рукописную карту расселения тюркских племен. Под руководством акад. В. В. Бартольда КИПС организовала экспедицию для этнографического обследования малоизученных частей Туркмении — Чарджуйского, Керкинского и Ташаусского округов.

Многие крупные востоковеды, связанные до революции с Русским археологическим обществом, продолжали сотрудничать в Российской государственной археологической комиссии (устав которой был утвержден А. В. Луначарским 17 ноября 1918 г.⁵³), преобразованной по декрету Совета Народных Комиссаров в Академию истории материальной культуры (РАИМК)⁵⁴. Председателем РАИМК был избран акад. Н. Я. Марр. В число членов академии в 1919 г. вошли востоковеды: В. В. Бартольд, Б. А. Васильев (председательствовал после Н. Я. Марра), Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, К. В. Тревер, Б. А. Тураев, В. К. Шилейко, А. Ю. Якубовский; там же работали В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, Т. Н. Бороздина, Н. Д. Флиттнер, И. И. Мещанинов, В. М. Алексеев, С. М. Дудин, Ф. А. Розенберг, Н. М. Токарский. Уже личный состав РАИМК говорил о проводившихся больших исследованиях по Востоку. Отдельные доклады и статьи востоковедов печатались в «Известиях», «Записках РАИМК» и «Трудах нумизматической комиссии»⁵⁵. Издававшиеся с февраля 1922 г. «Известия РАИМК» выходили (до 1936 г.) под редакцией И. А. Орбели. Летом 1920 г. по заданию РАИМК в научную командировку в Туркестан ездил В. В. Бартольд⁵⁶. В феврале 1920 г. был утвержден устав Института археологической технологии РАИМК, который в 1922—1924 гг. издавал «Известия Института археологической технологии», выходившие также под редакцией И. А. Орбели. Востоковедная тематика в «Известиях» была представлена несколькими сообщениями. В апреле 1924 г. была создана Московская секция РАИМК⁵⁷.

В постоянной исторической комиссии Академии наук востоковедение было представлено в лице С. Ф. Ольденбурга⁵⁸. Эта комиссия координировала издание исторических памятников.

С Институтом яфетических языков АН СССР связа-

на деятельность многих ленинградских ученых, и прежде всего Н. Я. Марра (директор института), Ф. А. Розенберга, И. И. Мещанинова, И. А. Орбели, А. Н. Генко, К. Д. Дондуа, С. Ф. Ольденбурга и других.

Институт яфетических языков при Академии наук был создан по инициативе Н. Я. Марра в Ленинграде осенью 1921 г.⁵⁹ В 1932 г. он переименован в Институт языка и мышления. В конце 1923 г. в Москве был создан Северо-Кавказский комитет яфетического института для изучения языков и отчасти культуры народов Северного Кавказа⁶⁰. Существовавший в Москве Центральный институт языка и письменности в марте 1924 г. слился с Ленинградским институтом на правах его отделения (руководил отделением Г. П. Сердюченко)⁶¹.

Получившая широкое распространение среди советских языковедов «новая теория о языке» акад. Н. Я. Марра применялась в исследованиях многих востоковедов, историков, археологов и этнографов.

Советские языковеды стремились «создать, исходя из положений классиков марксизма, целостную систему марксистского языкознания. Однако понимание того, каким должен быть марксистский подход к исследованию языковых фактов и что следует отнести к важнейшим проблемам марксистской науки о языке, не было единым. Сложность самой постановки вопросов обусловила появление в процессе поисков неудач и ошибок, характерных для работ 20—40-х годов и прежде всего для трудов академика Н. Я. Марра и его последователей»⁶².

Н. Я. Марр, являясь по существу в течение более чем десятилетия руководителем лингвистической работы в Советском Союзе, оказал огромное влияние на развитие советской лингвистики 20—40-х годов, на характер подготовки языковедов. Воздействие идей Марра сказалось и на востоковедной работе, поскольку акад. Марр был тесно связан с востоковедами и востоковедными учреждениями и во многих случаях при построении своего «нового учения о языке» пользовался материалами восточных языков. Однако большинство ведущих востоковедов придерживалось все же принципов сравнительно-исторического языкознания, отдавая тем не менее некоторую дань модному учению Марра и

вводя в свои работы распространившуюся марровскую терминологию.

Влияние «нового учения о языке» Н. Я. Марра на развитие советского языкознания стало детально изучаться лишь в последние годы. В юбилейной работе Института языкознания АН СССР, посвященной развитию советского языкознания за 50 лет, «Теоретические проблемы советского языкознания» дается следующая оценка работ Н. Я. Марра: «На первых этапах своего развития „яфетидология“ не вступала в конфликт со сравнительно-историческим языкознанием. Пока речь шла о „яфетических“ языках Кавказа или даже „яфетидах“ как „третьем этническом элементе в создании средиземноморской культуры“, Н. Я. Марр не отрицал еще ни праязыков, ни миграций и одно время имел намерение составить сравнительную грамматику „яфетических“ языков. Однако по мере того как „яфетическая теория“ перерастала в „новое учение о языке“, отношение автора „учения“ к сравнительно-историческому методу и выводам, сделанным с его помощью, радикально изменилось». Н. Я. Марр выдвинул три основные идеи развития языков: идею скрещивания языков как ведущего процесса в образовании языковых групп; теорию единства глоттогонического процесса, т. е. единого пути развития всех языков, проходящих через ряд стадий («стадиальное развитие языков»), и идею о том, что «звуковая речь началась с четырех диффузных „лингвистических элементов“, с магических звуковых комплексов, существовавших в многочисленных разновидностях у разных социальных групп; согласование этих разновидностей на путях общения групп привело к тем звуковым соответствиям, которые называются фонетическими законами»⁶³. Палеонтологический анализ Марра еще далее уводил лингвистов от сравнительно-исторического метода. Марр объявил сравнительно-исторический метод «расистским» и политически неприемлемым для советского общества. В течение полутора десятков лет после смерти Н. Я. Марра «новое учение о языке» с некоторыми уточнениями и дополнениями, внесенными последователями Марра, господствовало в советском языкознании. Лишь после лингвистической дискуссии 1950 г. советские языковеды (и востоковеды!) смогли вернуться к

методу сравнительно-исторического исследования восточных языков, а также заняться структурной лингвистикой, типологическими и этимологическими исследованиями, разрабатывать историческую грамматику и многие другие проблемы, изучение которых в годы господства «нового учения о языке» если и велось, то в весьма ограниченных масштабах⁶⁴.

В 1926 г. по предложению Ф. И. Щербатского был учрежден Институт буддийской культуры (ИНБУК) для изучения культуры, главным образом философии, различных народов, исповедующих буддизм⁶⁵. Работа велась в четырех секциях — Тибета, Китая и Японии, Монголии, Индии. Институт издавал серию книг по буддийской культуре — *Bibliotheca Buddhica*. Сотрудниками Института буддийской культуры были Ф. И. Щербатской (директор), В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург⁶⁶. В октябре 1928 г. в институт зачислены Б. А. Васильев, А. М. Востриков и М. И. Тубянский.

В. В. Бартольд предложил организовать Тюркологический институт по образцу Яфетического института и ИНБУКа, считая, что тюркология имеет особое значение для нашего государства, что нам нужно готовить национальные кадры из восточных республик⁶⁷.

Отделение истории и философии принципиально согласилось в январе 1927 г. на организацию такого института. Впоследствии, 25 апреля 1928 г., было принято «Положение о Тюркологическом кабинете»⁶⁸. «Устав Тюркологического кабинета» был одобрен советом Тюркологического кабинета 12 ноября 1929 г.⁶⁹. Целью кабинета было изучение тюркских народов «как в процессе их исторической жизни, так и в современном состоянии»⁷⁰, а также содействие культурному строительству тюркских народов Советского Союза. Тюркологический кабинет ставил себе задачу установить тесные научные связи с лицами и организациями, занимающимися изучением тюркских народов как внутри СССР, так и за его пределами, издавать тюркологическую литературу, собирать материалы для составления тюркского этимологического словаря, истории литературы тюркских народов и библиографии по тюркологии, изучать историю и культуру тюркских народов, издавать тексты и переводы исторических и литератур-

ных памятников, разрабатывать вопросы, связанные с культурным строительством тюркских племен и народов в СССР⁷¹. Тюркологический кабинет входил в состав Отделения гуманитарных наук, директором кабинета был избран В. В. Бартольд, ученым секретарем — К. К. Юдахин. Членами Тюркологического кабинета являлись Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцов, С. Е. Малов, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович⁷², а по архивным материалам также Ф. И. Щербатской, А. М. Пекарский, Н. К. Дмитриев⁷³. В состав кабинета входили две комиссии — алфавитная и по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. По существу к кабинету перешли некоторые функции «Радловского кружка». Алфавитная комиссия разрабатывала проекты новых, латинизированных тюркских алфавитов. В кабинет присылались на рецензии и для просмотра переводы на тюркские языки отдельных советских документов, например акад. Бартольд просматривал тюркско-татарский текст «Собрания законов СССР»⁷⁴ и другие работы.

Возникали проекты создания аналогичных Институту буддийской культуры или Тюркологическому кабинету учреждений по изучению иранистики, монголистики и других востоковедных дисциплин. Так, был представлен проект «Об учреждении Кабинета иранистики», в котором доказывалась необходимость создания объединяющего иранистов центра в системе Академии наук⁷⁵ и совместной работы по составлению среднеперсидского словаря, сбора материалов для словаря различных иранских языков и наречий, для описания персидских рукописей, имеющихся в Советском Союзе, издания текстов и т. п.⁷⁶

Проект создания Института изучения Монголии⁷⁷ предусматривал совместную работу в этой области Академии наук и Постоянной Монгольской комиссии при Совете Народных Комиссаров СССР. В. М. Алексеев считал более целесообразным организовать Синологическую лабораторию при Азиатском музее, а не создавать Синологический институт⁷⁸.

Центром арабистики до революции являлся восточный факультет Петербургского университета, и акад. В. Р. Розен не считал нужным переносить из университета научно-организационную работу по арабисти-

ке. Однако после свертывания работы в университете возникла необходимость создать при Академии наук координационный центр по арабистике. В 1928 г. И. Ю. Крачковский организовал Арабский семинарий, на котором заслушивались доклады и информации по арабистике; начали собирать портреты арабистов, наметили пятилетний план работы в области арабистики⁷⁹.

Группа по востоковедению (см. ниже) 17 февраля 1929 г. приняла решение возбудить ходатайство об учреждении Кабинета арабской филологии «для содействия и руководства работами по арабистике в СССР» и Кружка арабистов им. В. Р. Розена (в соответствии с докладной запиской И. Ю. Крачковского)⁸⁰. Вопрос о создании специального института по арабистике не возникал.

О некоторых сдвигах в академическом востоковедении, о намерении изучать современную тематику говорит проект «Положения об Институте по изучению колониальных и полуколониальных стран Востока Академии наук»⁸¹. Однако такой институт создан не был — Академия наук стояла перед реорганизацией всего востоковедного сектора.

Даже краткая характеристика деятельности различных академических учреждений указывает на новое направление в востоковедной работе, развернувшееся в стране после Октябрьской революции. Не только чисто научные, но и практические задачи стали все чаще выдвигаться в учреждениях Академии наук. Не всегда, однако, вновь созданные организации и институты оказывались долговечными и нужными, а выдвигаемые проекты осуществимыми. Например, в 1930 г. предлагалось создать Комиссию по изучению миниатюры древнего Востока (Египет, Сирия), нового (персидская, арабская и турецкая миниатюры) и Дальнего Востока (индийская, китайская, японская миниатюры), а также византийской миниатюры и связанных с ней армянской и грузинской. Принцип выделения отделов в предполагаемой комиссии, а также периодизацию — «древний», «новый» Восток — по меньшей мере можно назвать случайными. Выдвигался также план создания специального учреждения по палестиноведению.

В утвержденном 13 марта 1928 г. списке научных учреждений, состоящих при Академии наук СССР, чис-

лились Азиатский музей, Институт яфетических языков, Институт буддийской культуры, Тюркологический кабинет, Комиссия по изучению племенного состава населения СССР, Кавказский историко-археологический институт, Византийская комиссия с кабинетом византиноведения и некоторые другие учреждения, косвенно имеющие отношение к востоковедению⁸².

Кавказский историко-археологический институт АН (КИАИ) должен был изучать «историю речевой и материальной культуры Кавказа в целях содействия социалистическому строительству в реконструктивный период в национальных республиках ЗСФСР и Северного Кавказа»⁸³. Руководил институтом Н. Я. Марр. В институт были посланы дубликаты материалов по Кавказу и сопредельным странам из Азиатского музея, а также личная библиотека Н. И. Веселовского⁸⁴.

Вскоре при реорганизации КИАИ вошел в Историко-исследовательский институт Закавказья.

Востоковедная тематика, правда в очень ограниченном масштабе, разрабатывалась в Институте по изучению народов СССР (ИПИИ), в котором существовал Азиатский отдел с несколькими секторами, в Особом комитете по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР)⁸⁵, в Комиссии по составлению калмыцкого словаря.

В 1925 г. в ведение Академии наук перешел Музей палеографии, в котором были сосредоточены ценнейшие памятники древности и раннего средневековья. В музее велись исследования по древней и средневековой истории Ближнего Востока: изучались памятники Египта (В. В. Струве), Месопотамии, Элама, Капподокции (В. К. Шилейко, Н. В. Пигулевская), буллы и резные камни эпохи Сасанидов (И. А. Орбели) и др.

Существование мелких разрозненных научно-исследовательских институтов и ячеек, занимающихся изучением востоковедной тематики, повлекло за собой необходимость координирования работы и хотя бы какого-либо руководства со стороны Президиума АН СССР. 17 февраля 1929 г. была образована Группа по востоковедению Академии наук «для установления единства в общем руководстве работою всех востоковедных учреждений и предприятий Академии наук» в составе всех академиков-востоковедов⁸⁶. Группа по востоковедению

существовала и в 30-е годы, после реорганизации востоковедных учреждений и организации Института востоковедения. Востоковеды вошли также в Группу по языкознанию и литературе.

В 1927 г. был образован Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР, реорганизованный из Комитета по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР (директор — акад. Н. Я. Марр). В институте работали профессора П. А. Преображенский, Е. Д. Поливанов, Н. М. Попов-Тетива, Н. И. Яковлев. В институте имелись следующие секции: кавказская, тюркотатарская, иранская, угро-финская, дальневосточная. Научно-исследовательская работа в институте сводилась к сбору и обработке материалов и проводилась в тесном контакте с местными учреждениями (обследование отдельных национальных областей, организация экспедиций).

Некоторые работы, проведенные институтом, представляли не только научный, но и практический интерес (разработка алфавитов, составление грамматик, подготовка местных научных кадров).

Государственный институт истории искусств (ГИИИ), преобразованный в сентябре 1921 г. из высшего учебного заведения в научно-исследовательский институт, уделял большое внимание изучению искусства народов Востока. В составе его научных сотрудников были крупнейшие востоковеды — С. Ф. Ольденбург (искусство Индии и Дальнего Востока), В. В. Бартольд (мусульманское искусство), В. В. Струве (искусство Древнего Востока), В. М. Алексеев (китайская литература), И. Ю. Крачковский (арабская поэтика), А. А. Ромаскевич (персидская поэтика) и Н. Д. Флитгнер (японская литература)⁸⁷. В издаваемых ГИИИ «Ежегодниках» печатались статьи по востоковедению. После организации в честь 15-летней годовщины ГИИИ (1927 г.) выставки «Театр народов Востока», устроенной под руководством А. М. Мерварта, сотрудники ГИИИ стали готовить исследования по истории восточного театра. Секция восточного театра в Отделе истории и теории театра ГИИИ стала издавать свои «Труды». В первом выпуске «Трудов» опубликованы статьи А. М. Мерварта, Л. А. Мерварт, Б. А. Васильева и Н. И. Конрада об

индийском, малайском, китайском и японском театрах (1929 г.).

В тесном контакте с академическими востоковедными учреждениями работал научно-исследовательский Институт сравнительной истории, литературы и языка Запада и Востока. Работа института строилась в направлении изучения культуры районов и обследования их потребностей, в частности по заданиям самих местных органов. В составе института находились секции семито-хамитских языков, турецко-монгольского и угро-финского языкознания, литературы древнего мира, Индии и Дальнего Востока. В институте работали академики И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, А. Н. Самойлович, Ф. И. Щербатской, Н. Я. Марр.

Одним из центров востоковедной работы в Ленинграде был Государственный Эрмитаж. В Эрмитаже и до революции имелись отдельные коллекции восточных памятников (из Сараева на Волге и Северной Осетии, египетская, арабская, иранская керамика и др.), но специального отдела Востока не было. После Октябрьской революции при поддержке Н. Я. Марра, В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга Эрмитаж организовал Отделение мусульманского Востока, преобразованное через несколько лет в Отдел культуры и искусства Востока. Первым заведующим нового отделения был приглашен И. А. Орбели. Здесь были организованы «Временная выставка сасанидских древностей» (1922 г.), выставка «Мусульманские изразцы» (1923 г.)⁸⁸, открыта специальная «Галерея мусульманского Востока» (1925 г.). В 1930/31 г. была создана постоянная выставка, которая просуществовала без больших изменений до 1935 г., когда на смену ей пришла Выставка к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии⁸⁹. В 1931 г. в состав Отдела Востока было включено Отделение классического Востока (памятники древнего Египта, Пальмиры, древнего и средневекового Ирана, Кавказа, Средней и Центральной Азии, Монголии, Китая, Индии древнего периода), которым до этого руководил В. В. Струве.

В 1918 г. Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины учредила в Москве Музей искусств Востока, который Постановлением СНК РСФСР от 11 сентября 1925 г. был преобра-

зован в Музей восточных культур. Открытие музея состоялось 27 февраля 1927 г.⁹⁰ По «Положению о Музее восточных культур», утвержденному 6 апреля 1925 г., «музей является единственным в Советском Союзе музеем, целиком посвященным Востоку и строящим свою работу в культурно-историческом плане с социологическим и производственным уклоном»⁹¹. Немногочисленные сотрудники музея приступили к широкому сбору экспонатов и в короткое время составили значительные коллекции тканей, ковров, керамики, миниатюр, бронзы и т. п. Музей восточных культур организовал научную экспедицию в Термез⁹². Созданный при музее Кабинет истории революционного движения в странах Востока должен был дать наглядное представление о развитии революционного движения на Востоке в популярно показательной форме. Сотрудники кабинета составили фотомонтажи о революционных выступлениях народных масс Востока, подбирали материалы плакатного характера и т. д. В музее были открыты интересные выставки о революционном движении в Китае, Турции, Персии и выставка «Октябрьская революция и Восток».

Таким образом, деятельность востоковедных учреждений Академии наук и связанных с ней других востоковедных ленинградских центров была достаточно обширна. В 20-х годах создавалось множество институтов, кабинетов, комиссий и т. п., занимающихся Востоком. Это свидетельствовало о том, что шли активные поиски новых форм организации востоковедной работы в системе Академии наук, отвечающих важнейшим задачам, которые были поставлены перед востоковедением Советским государством.

¹ Н. И. Конрад, Запад и Восток. Статьи, М., 1966, стр. 513.

² Там же, стр. 514.

³ «Известия», 14.XIII.1921.

⁴ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 1, д. 242, л. 2.

⁵ А. В. Луначарский, К 200-летию Всесоюзной Академии наук, — «Новый мир», 1925, № 10, стр. 110.

⁶ С. А. Козин, Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР (Краткий обзор материалов), — «Библиография Востока», вып. 5—6 (1934), стр. 56—66.

⁷ Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР продолжает эту традицию и в настоящее время. Архив пополняется

личными архивами видных советских востоковедов. Однако далеко не все они собраны в ЛОИВАН. Там нет архивов многих московских востоковедов. Было бы очень желательно сконцентрировать все востоковедные архивы в Ленинграде либо начать их сбор в Москве, чтобы архивы видных московских востоковедов не пропали для науки.

⁸ «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка», Пг., 1920, стр. 6—7.

⁹ Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1927 г., д. 93, л. 83.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, оп. 1 (1917—1929), д. 83, л. 105.

¹² Там же, д. 93, л. 85.

¹³ Н. Н. Поппе — монголист, работавший в 20—30-х годах в системе АН СССР. Предал свою Родину, за границей выступал с клеветническими антисоветскими статьями.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, д. 93, л. 80.

¹⁵ Подготовка практикантов при Азиатском музее велась под руководством крупных ученых А. Н. Самойловича, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга, В. М. Алексеева, Б. Я. Владимирцова. Цель института практикантов — подготовка научных работников специально для академических учреждений и создание научной школы отдельных академиков. Следует признать, что в известной мере деятельность Азиатского музея, Коллегии востоковедов и других академических востоковедных учреждений в 20-е годы протекала в соответствии с интересами ведущих академиков-востоковедов, определявших направление научно-исследовательской работы по востоковедению в Академии наук, руководивших этой работой с учетом, конечно, новых веяний и требований.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, д. 93, л. 98.

¹⁷ «Восток», кн. 1, 1922, стр. 107.

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 578.

¹⁹ «Известия РАН», серия VI, т. XV, 1921, стр. 184; И. Кр. [И. Ю. Крачковский], Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, — «Восток», кн. 1, 1922, стр. 107.

²⁰ С. Ф. Ольденбург, Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, — «Восток», кн. 1, 1922, стр. 107.

²¹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 234.

²² «Записки Коллегии востоковедов», т. I, 1925, Предисловие В. В. Бартольда.

²³ Там же, т. V, 1930, Предисловие В. П. Волгина.

²⁴ «Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г.», Л., 1927, стр. 227; «Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г.», Л., 1928, стр. 216—217. См. также Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, д. 94.

²⁵ Общую оценку трудов востоковедов в начале 20-х годов см. «Востоковедение в Петрограде в 1918—1922 гг. ...», стр. 7—9

²⁶ «Известия РАН», т. XVI, стр. 135.

²⁷ В. В. Струве, Заупокойный культ древнего Египта. Путеводитель по выставке в залах Эрмитажа, Пг., 1919.

²⁸ И. А. Орбели, Временная выставка сасанидских древностей, Пг., 1922.

²⁹ И. А. Орбели, Мусульманский Восток. Выставка 1925 г., — в кн. «Эрмитаж. Выставка „Галерея мусульманского Востока“», Л., 1925.

³⁰ Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, д. 100.

³¹ «Известия РАН», т. XVI, стр. 11—12.

- ³² «Известия», 28.I.1923.
- ³³ «Известия РАН», т. XVI, стр. 144—145.
- ³⁴ «Академия наук за десять лет», Л., 1927, стр. 205.
- ³⁵ «Ученые записки ИВАН», т. XXV, 1960, стр. 35.
- ³⁶ «Известия РАН», т. XVII, 1923, стр. 302.
- ³⁷ «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г.», Л., 1927, стр. 46.
- ³⁸ «Отчет о деятельности Академии наук за 1929 г.», Л., 1930, стр. 212.
- ³⁹ Там же, стр. 34.
- ⁴⁰ «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г.», Л., 1928, стр. 37.
- ⁴¹ «Известия АН СССР», серия VI, т. XX, ч. 2, 1926, стр. 1834.
- ⁴² «Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г.», Л., 1929, стр. 202.
- ⁴³ Там же, стр. 202.
- ⁴⁴ «Жизнь Бурятии», Верхнеудинск, 1929, № 6, стр. 98.
- ⁴⁵ Тюркологический кабинет иногда в литературе называется Туркологическим.
- ⁴⁶ Этот музей менял названия: Музей этнологии и этнографии, Музей археологии и этнографии.
- ⁴⁷ См. «Востоковедение в Петрограде в 1918—1922 гг. ...», стр. 7.
- ⁴⁸ «Ученые записки ИВАН», т. XXV, 1960, стр. 279.
- ⁴⁹ «Известия РАН», серия VI, т. XIII, № 1, 1919, стр. 57.
- ⁵⁰ «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г.», т. I, Общий отчет, Л., 1927, стр. 125.
- ⁵¹ «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г.», т. II, Л., 1928, стр. 116, 128, 193, 240, 244—249.
- ⁵² Там же, стр. 253.
- ⁵³ Б. Фармаковский, К истории учреждения РАИМК, [б. г.], [б. м.], стр. 8.
- ⁵⁴ «Российская Академия истории материальной культуры в 1919—1922 гг.», Пг., 1922 (далее — РАИМК).
- ⁵⁵ «Востоковедение в Петрограде в 1918—1922 гг. ...», стр. 9—10, 13.
- ⁵⁶ «Известия РАИМК», 1922, т. II, стр. 1.
- ⁵⁷ «Сборник Московской секции РАИМК», вып. 1, М., 1928, стр. 3, 5.
- ⁵⁸ «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922, стр. 309.
- ⁵⁹ «Известия РАН», серия VI, т. XV, 1922, № 1—18, стр. 222—223, 225.
- ⁶⁰ «Известия РАН», серия VI, т. XVII, 1924, стр. 383.
- ⁶¹ «Правда», 15.III.1924.
- ⁶² «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 8.
- ⁶³ И. М. Тронский, Сравнительно-исторические исследования, — в кн. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 7, 8.
- ⁶⁴ После языковедческой дискуссии 1950 г. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра был ликвидирован, а на базе различных языковедных учреждений Академии наук был создан единый Институт языкознания в составе 8 секторов и групп по изучению классических языков и общего языкознания. Востоковедные проблемы изучались в секторах тюркских языков (вначале сектором руководил Н. К. Дмитриев), языков народов Севера и финно-угорских (акад. И. И. Мещанинов), кавказских и иранских языков (Л. И. Жир-

ков) — см. «Вестник АН СССР», 1950, № 8, стр. 89 и № 11, стр. 79.

В связи с изучением языков стран зарубежного Востока в Институте востоковедения Институт языкознания ограничивался разработкой только общих проблем, уделяя преимущественное внимание языкам народов советских восточных республик.

⁶⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432.

⁶⁶ «Известия АН СССР», Отделение гуманитарных наук, серия VII, 1928, № 8—10, стр. 518, 522.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 315.

⁶⁸ Там же, л. 416.

⁶⁹ Там же, ф. 152, оп. 1, д. 106, л. 65.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, ф. 152, оп. 1, д. 106, л. 65.

⁷² «Известия АН СССР», серия VII, 1928, № 8—10, стр. 515—518; Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 481.

⁷³ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 487.

⁷⁴ Там же, л. 317.

⁷⁵ Там же, ф. 152, оп. 1930 г., д. 3, л. 76.

⁷⁶ Там же, оп. 1, д. 106. Одновременно был представлен список иранистов (старой школы), насчитывающий 24 человека.

⁷⁷ Там же, оп. 1, д. 73.

⁷⁸ Там же, д. 106, л. 74.

⁷⁹ Там же, д. 106; оп. 1930 г., д. 3, л. 77.

⁸⁰ Там же, оп. 1, д. 106.

⁸¹ Там же, оп. 1930 г., д. 3, лл. 40—41.

⁸² «Собрание законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», 1928, № 22, ст. 198; «Известия», 8.IV.1928.

⁸³ Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1930 г., д. 3, л. 99.

⁸⁴ Там же, оп. 1, д. 83, л. 97.

⁸⁵ Положение об этом комитете было отредактировано В. В. Бартольдом, — см. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 353.

⁸⁶ Там же, ф. 152, оп. 1, д. 106.

⁸⁷ «Востоковедение в Петрограде в 1918—1922 гг. ...», стр. 14.

⁸⁸ И. А. Орбели, Мусульманские изразцы, Государственный Эрмитаж, Л., 1923.

⁸⁹ А. Ю. Якубовский, К двадцатилетию Отдела Востока Государственного Эрмитажа, — «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. III, 1940, стр. 10. См. статью И. А. Орбели «О классовых корнях некоторых традиций исторической науки», Л., 1934.

⁹⁰ «Культура Востока», Сборник Музея восточных культур, М., 1927, стр. 5—8.

⁹¹ Там же, стр. 3.

⁹² Там же, стр. 9—30.

Глава II

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР в 30-е ГОДЫ

Конец 20-х — начало 30-х годов — знаменательный период в истории Советского государства. Индустриализация страны, колхозное строительство, могучий трудовой подъем народа, осуществление культурной революции в СССР, изоляция и разгром оппозиционных групп в партии, рост значения коммунистической партии во всех сферах — все говорило о начавшемся наступлении социализма по всему фронту. По смелости замыслов и творческому разрешению практических вопросов социалистического строительства, гигантскому размаху политической и организационной деятельности партии, богатству форм и методов ее работы, высокой активности и беспримерной самоотверженности трудящихся масс в строительстве социализма это был поистине героический период в истории партии и советского народа.

Советская наука не могла оставаться в стороне от развернувшегося социалистического строительства. Партия, придавая науке огромное значение в строительстве социализма, призвала ученых принять самое активное участие в жизни нашего общества, в поступательном движении советского народа к социализму. В постановлениях ЦК ВКП(б) — «О мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений» (март 1929 г.), «О журнале „Под знаменем марксизма“» (январь 1931 г.), «О работе Комкадемии» (март 1931 г.), «О преподавании гражданской истории» (май 1934 г.) и др. — обращалось особое внимание на необходимость планирования научно-исследовательской работы, подготовки кадров,

укрепления материальной базы научных учреждений и т. д.

Прежде всего внимание было обращено на деятельность Академии наук СССР, где концентрировались крупные научные силы, специалисты по всем отраслям знаний. Необходимо было превратить Академию наук из изолированной, оторванной от жизни организации в научный руководящий центр, практически помогающий социалистическому строительству. Чтобы покончить с кастовостью внутри академии (что не удалось осуществить в первые годы Советской власти), следовало расширить и оживить ее работу, открыть дорогу в академию молодым научным силам, получившим подготовку в советских учебных заведениях.

1929—1934 годы были годами коренной перестройки всей работы Академии наук СССР, которая началась по существу уже с введения нового устава академии, утвержденного СНК СССР 18 июня 1927 г.

В 1929 г. специальная правительственная комиссия проверяла работу и личный состав академии, начался пересмотр структуры академических учреждений. В следующем, 1930 г. академией был принят устав, который подчинил всю академическую работу интересам Советского государства, был избран новый Президиум во главе с акад. А. П. Карпинским.

В течение последующих лет деятельность Академии наук неоднократно обсуждалась в ЦК ВКП(б) и в СНК. В 1934 г. академия была передана в ведение СНК СССР и переведена в Москву, в 1935 г. — принят новый устав, по которому перед академией ставились еще более сложные задачи. За эти годы академия расширилась — возникли филиалы и базы АН СССР, в феврале 1936 г. ей были переданы учреждения Комакадемии, в июне 1937 г. — Академия истории материальной культуры, в апреле 1938 г. — Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР, Географическое общество, Институт мировой литературы. Все эти мероприятия значительно улучшили деятельность академических учреждений и создали предпосылки для превращения Академии наук в главный научный центр Советского Союза.

Реорганизация Академии наук началась с пересмотра структуры академических учреждений. В системе

академии существовало много родственных институтов, комиссий, кабинетов и т. д., которые затрудняли руководство, создавали благоприятные условия для дублирования работы. Наличие четырех востоковедных учреждений, построенных по разному принципу, — Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Тюркологического кабинета и Института буддийской культуры — обычно приводилось в качестве примера неудачного создания дробных родственных учреждений. Не только случайный характер создания, например, Тюркологического кабинета или Института буддийской культуры, но и тематика исследований в них обращала на себя внимание.

«В то время как Азиатский музей, — говорилось в статье „Вестника АН СССР“, — продолжал оставаться востоковедной библиотекой, или, вернее, хранилищем восточных книг и рукописей, Коллегия востоковедов и Тюркологический семинар занимались главным образом филологическими изысканиями в области древних и классических языков стран Востока или „чисто научными“ схоластическими проблемами, совершенно игнорируя изучение гражданской истории прошлого и настоящего восточных народов и работу по содействию языковому строительству и культурному развитию народов Советского Востока. А Институт буддийской культуры, „изучавший“ идеалистические учения философии буддизма, подменял изучение всего разнообразного богатства подлинной индийской истории и культуры изучением буддийской философии в целях иногда даже неприкрытой проповеди буддизма. Даже изучение классического санскрита в ИНБУКе было в значительной мере подчинено этой же цели»².

Совершенно естественно поэтому, что при реорганизации Академии наук сектор востоковедных учреждений был реорганизован одним из первых.

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

Институт востоковедения Академии наук СССР был организован в октябре 1930 г. из четырех академических востоковедных учреждений: Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Института буддийской культуры и Тюркологического кабинета.

В соответствии с постановлением Президиума АН СССР в структурном отношении он делился на два отдела: научно-исследовательский и библиотечный. Научно-исследовательский отдел в свою очередь подразделялся на два сектора: историко-экономический и литературоведческий (вскоре, однако, организовался еще один сектор — лингвистический). По страноведческому принципу в институте создавались кабинеты: Кавказский, Арабский, Еврейский, Турецкий, Иранский, Индо-Тибетский, Китайско-Тангутский, Монголо-Маньчжуро-Тунгусский и Японо-Корейский. В кабинетах сосредоточивались научная и научно-библиографическая обработка восточных материалов и литературы. В последующие годы в структуре ИВАН происходили некоторые изменения, не затрагивающие, однако, самого принципа построения. Так, в 1937 г. насчитывалось уже 11 кабинетов: Среднеазиатский, Кавказский, Китайский, Японо-Корейский, Монгольский и Бурят-Монгольский, Индо-Тибетский, Ново-Индийский, Турецкий, Иранский, Арабский и древнего Востока. Кроме того, в институте имелась библиотека (500 тыс. ед. хранения), рукописный отдел (40 тыс. ед. хранения) и Архив востоковедов³.

Директором института был назначен известный востоковед акад. С. Ф. Ольденбург. Впоследствии директорами института были А. Н. Самойлович, А. П. Баранников, В. В. Струве. Перед созданным институтом выдвигались большие задачи: всестороннее изучение и разработка на основе марксистско-ленинской методологии проблем колониального, полуколониального и особенно Советского Востока. Более конкретно были сформулированы те вопросы, которые следовало разрабатывать секторам. В конце 30-х годов структура института изменилась: во главе исторического сектора стояли: председатель—В. В. Струве, заместитель председателя—Н. В. Пигулевская, ученый секретарь—А. С. Тверитинова; лингвистического: председатель — А. П. Баранников, ученый секретарь — А. З. Розенфельд; сектора литературоведения и философии: председатель — Е. Э. Бертельс, ученый секретарь — С. Г. Арешян.

Для историко-экономического сектора выдвигались следующие темы: изучение конкретных проблем социалистического переустройства советских восточных обла-

стей и республик; изучение истории, современных форм классовой борьбы, национально-освободительного и рабочего движения в колониальных и зависимых странах Востока; изучение империалистических противоречий на Востоке, в частности тихоокеанской проблемы; изучение экономики стран зарубежного Востока.

Литературоведческий сектор должен был изучать литературы Советского и зарубежного Востока, народное творчество и языковые проблемы (однако без параллелей с Яфетическим институтом). Сотрудники этого сектора собирали и обрабатывали рукописные материалы, текущую литературу, составляли словари и справочные пособия.

Вначале, при создании института, было решено оставить в нем и чисто лингвистические сектора. Для организации словарных и алфавитных работ предполагалось создать при институте особую комиссию.

На одном из производственных совещаний вскоре после организации Института востоковедения было вынесено решение о передаче всех лингвистических востоковедных работ в Институт яфетических языков⁴. Впоследствии оказалось, что принятие такого решения искусственно ограничивало тематику исследовательской работы института, тормозило развитие смежных с лингвистикой востоковедных дисциплин. В 1938 г. Президиум АН СССР обратил внимание на неправомерность такого разграничения сферы научной работы Института востоковедения и Института языка и мышления и вынес решение о необходимости разработки в ИВАН вопросов лингвистики, о сотрудничестве ИВАН с другими учреждениями, о совместной подготовке с Институтом языка и мышления осетино-русского словаря и т. д.⁵. При этом некоторые межинститутские работы осуществлялись Группой востоковедения при Отделении общественных наук, например, подготовка китайско-русского словаря⁶.

Исходя из задач социалистического развития, Институт востоковедения в первые годы своего создания главное внимание уделял изучению жизни наших восточных республик. Царизм всячески препятствовал становлению и развитию отдельных национальностей и задерживал развитие ряда языков и литератур. Жизнь национальных восточных республик поставила перед институтом особенно остро такие вопросы, как, напри-

мер, латинизация алфавитов и создание литературных языков, скорейшее издание словарей живых языков.

Несмотря на успехи в ряде областей дореволюционного востоковедения, изучение Востока шло неравномерно. Не изучались целые отрасли востоковедения. Почти не было трудов общего характера и справочной литературы, остро ощущался недостаток в словарях. Восполнение этого пробела в отечественном востоковедении стало первоочередной задачей для вновь созданного института.

Создание Института востоковедения АН СССР должно было привести к коренной перестройке всей востоковедной работы в Академии наук. Экономика, политика, национально-освободительная и классовая борьба и другие актуальные проблемы выдвигались как основные в научно-исследовательской работе. Положительным моментом в создании единого Института востоковедения, как заявил акад. В. П. Волгин в отчетном докладе на годовичном собрании Академии наук 2 февраля 1931 г., являлось то, что «все академики востоковеды втянуты в работу института по своей специальности, и в то же время востоковедная работа академии подчинена единому плану. К тому же объединение дало возможность обеспечить в востоковедной работе должное влияние материалистической методологии, недостижимое при прежней раздробленности»⁷.

Жизнь настоятельно требовала разрешения ряда актуальных проблем, связанных с положением на современном зарубежном Востоке, и Институт востоковедения призван был их осуществить. В 1936 г. Президиум АН СССР принял постановление, уточняющее задачи и проблематику работ ИВАН⁸.

В первые годы деятельности нового востоковедного института имелось много недостатков и трудностей в его работе. Прежде всего остро встал вопрос о кадрах.

В Институте востоковедения Академии наук СССР в эти годы работали выдающиеся востоковеды: В. М. Алексеев, А. П. Баранников, Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, П. К. Коковцов, Н. И. Конрад, И. Ю. Крачковский, Н. А. Невский, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, В. В. Струве, А. А. Фрейман, Ф. И. Щербатской и др. Но ни по характеру своей подготовки, ни по научным интересам, ни по методу исследовательской работы они не

могли выполнить задач, поставленных перед институтом в области изучения современного состояния Востока.

В институте не было специалистов в области социально-экономических проблем, и, как бы отдельные ученые ни пытались максимально приблизиться к современности, разрабатывать актуальные вопросы социально-экономического состояния стран Востока в новейшее время, подобные попытки оставались единичными и по существу ничего не меняли. Акад. С. Ф. Ольденбург, первый директор Института востоковедения, много сделавший для развития востоковедения в Академии наук в советское время, показал пример и наряду со своими основными темами занялся более современным вопросом по историографии Индии⁹. Разрабатывали новую тематику академик И. Ю. Крачковский, В. В. Струве и ряд других ученых. Эти исследования в основном касались вопросов историографии и современного литературоведения, а не вопросов социально-экономического состояния стран Востока в новейшее время. Для разработки новых проблем институту нужны были новые кадры.

Президиум АН СССР, понимая, что научный коллектив бывших востоковедных учреждений академии, вошедший в Институт востоковедения, не справится с поставленными перед институтом задачами, особо оговорил в «Положении об Институте востоковедения» вопрос о подготовке кадров, вооруженных марксистско-ленинской методологией и вполне подготовленных к овладению восточными первоисточниками. Аспиранты института¹⁰ должны были посещать специальные семинары при Комакадемии, получать консультации ученых-востоковедов и ездить в длительные командировки в страны Азии и Африки. Многие аспиранты института, успешно закончив курс учебы, зачислялись в штат института и приступали к разработке национально-колониальных, аграрных и других актуальных проблем. Ко второй половине 30-х годов в институте имелось несколько специалистов по этим вопросам (А. Д. Новичев, М. С. Иванов и др.). Для выполнения больших задач, стоявших перед востоковедением, этих кадров было явно недостаточно.

Несмотря на подготовку квалифицированных востоковедов через аспирантуру, вопрос о кадрах в Институте востоковедения стоял остро.

Вскоре после создания института при обсуждении доклада о работе ИВАН на Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР отмечалась нехватка квалифицированных кадров востоковедов¹¹, предлагалось обратить внимание на рост и подготовку кадров¹². 15 марта 1938 г. в прениях по докладу и. о. директора Института востоковедения акад. В. В. Струве об итогах работы института за 1937 г. и о программе работ на 1938 г. в Президиуме АН СССР подчеркивалось, что в институте необходимо укрепить научно-организационное руководство и привлечь к работе крупных специалистов-востоковедов из Москвы и других городов Союза¹³.

Во всяком случае неукомплектованность института специалистами некоторых профилей сохранилась до начала Великой Отечественной войны, хотя в количественном отношении коллектив сотрудников института за эти годы вырос: в 1931 г. здесь работало 32 научных сотрудника, в 1932 г.—43, в 1933 г.—63, в 1935 г.—65, в 1937 г.—75¹⁴. К этому времени востоковедение уже настолько дифференцировалось, что нельзя было готовить востоковеда вообще или индолога, китаиста, арабиста широкого профиля, как это делалось до революции. Было принято решение готовить квалифицированных специалистов более узкого профиля — лингвистов, историков, экономистов и т. д. Узкая специализация стала основой системы востоковедного образования в нашей стране.

Отрицательным моментом в подготовке кадров была недооценка изучения восточного языка: в вузах изучали в основном современный газетный язык, что несомненно снижало уровень подготовки востоковедов, особенно литературоведов, лингвистов и историков.

Кроме подготовки квалифицированных работников для себя Институт востоковедения готовил через аспирантуру и докторантуру историков, лингвистов, литературоведов, фольклористов и т. д. для наших восточных республик. Новым явлением в жизни академических учреждений в эти годы была переаттестация сотрудников, присвоение им научных и ученых степеней¹⁵. Эти меры повышали требовательность к научным сотрудникам института и способствовали росту их научной квалификации. Степени кандидатов и докторов наук, звания старших и младших научных сотрудников получили

многие работники Института востоковедения: например, доктора литературоведения — В. А. Гордлевский, Н. И. Конрад, А. А. Фрейман, доктора истории — В. В. Струве¹⁶.

В Ученый совет ИВАН в 1938 г. входили: А. П. Баранников, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, В. В. Струве, Ф. И. Щербатской, П. К. Коковцов, И. А. Орбели, И. И. Мещанинов, А. А. Фрейман, В. А. Гордлевский, Е. Э. Бертельс, А. А. Ромаскевич, А. К. Боровков, П. П. Иванов, А. А. Драгунов, Л. И. Думан, М. С. Иванов, А. А. Петров, Г. М. Петров, А. А. Холодович, Х. И. Муратов¹⁷.

В 1937 г. в состав Группы языка и востоковедения входили: председатель — И. И. Мещанинов, заместитель председателя — А. Н. Самойлович, секретарь — А. Н. Кононов, члены группы — академики А. Н. Самойлович, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, И. А. Орбели, В. В. Струве, И. И. Мещанинов, Ф. И. Щербатской, Б. М. Ляпунов, Н. С. Державин, члены-корреспонденты С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, Н. Н. Поппе, Н. И. Конрад, В. Ф. Шишмарев и А. А. Фрейман¹⁸. Что касается Группы востоковедов, то ее состав был более или менее постоянен на протяжении 30-х годов. В 1937 г. в нее входили академики И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, И. А. Орбели, В. В. Струве, Ф. И. Щербатской, члены-корреспонденты Н. И. Конрад, А. А. Фрейман, проф. А. П. Баранников и ученый секретарь института — Х. И. Муратов¹⁹.

Заканчивая рассмотрение кадрового состава Института, необходимо отметить, что культ личности Сталина, начавшийся в 30-е годы, крайне отрицательно сказался на развитии института и востоковедения в целом. Многие востоковеды оказались потерянными для науки в результате арестов второй половины 30-х годов. Случайные обвинения и подозрения привели в эти годы к значительным утратам молодых и известных ученых. Кроме того, репрессии заставили многих востоковедов отойти от актуальной современной тематики и заняться исследованием «более спокойных» вопросов.

ТЕМАТИКА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И ТРУДЫ ИВАН

Не менее важным, чем вопрос о кадрах, — как мы уже говорили выше — был вопрос тематики и методологии в востоковедных исследованиях.

Выдвинутый в это время партией лозунг «Наука для социалистического строительства» заставил востоковедов пересмотреть общую проблематику и конкретные темы, избранные для исследования.

Проблематика для востоковедной работы в 1931 г. была намечена следующая: революционные и национальные движения в странах Востока; экономическое положение; колониальная политика империализма в странах Востока; восточные литературные памятники, имеющие отношение к изучению двух предыдущих тем²⁰.

С 1931 г. в системе Академии наук было введено планирование научно-исследовательских работ²¹. Планирование было делом новым и страдало поэтому существенными недостатками.

План представлял собой сумму индивидуальных заявок на изучение той или иной темы. Кроме того, в план включались важные социально-экономические темы, которым часто не соответствовала квалификация сотрудников. Поэтому на первых порах планирование носило чисто формальный характер и часто недостаточно отражало направление работы института в целом. Общегосударственные, республиканские или ведомственные интересы слабо учитывались при планировании.

Летом 1931 г. было созвано общесоюзное совещание для обсуждения плана Института востоковедения на 1932 г., на котором высказывались пожелания наладить более тесное сотрудничество института с восточными союзными республиками — по линии латинизации алфавитов, организации общих экспедиций и т. д.²².

В 1932 г. в планах института фигурировали такие актуальные темы, как колониальная политика империализма и национально-революционные движения на Востоке; экономическая структура стран Востока и пережитки феодализма; национальный вопрос в странах Востока; литература современного Советского и зарубежного Востока; языки и диалекты стран Востока. Кроме того, разрабатывались латинские алфавиты для

китайской, дунганской и других письменностей; составлялись двуязычные словари, готовились грамматики абхазского, афганского и аннамского языков. Совместно с Научно-исследовательским институтом иностранной библиографии ОГИЗа подбирались материалы для специального журнала «Библиография Востока». Разрабатывалась тема о джадидизме по просьбе Узбекской Республики, отпустившей на это средства²³.

Говоря о современной тематике, нужно отметить, что в первые годы в ИВАН СССР она прививалась крайне трудно, что объяснялось, с одной стороны, отсутствием кадров, а также в какой-то мере невозможностью для специалистов по древности и средневековью переключиться на новую тематику. В планах института фигурировали темы по современному положению стран Востока, но они не всегда доводились до конца, так как не было опыта в работе, и подчас они не были обеспечены достаточно квалифицированными специалистами. В связи с этим в постановлениях 30-х, 40-х и даже 50-х годов, касающихся работы ИВАН, обращалось особое внимание на изучение современного Востока.

Большой план работ наметил коллектив ИВАН на вторую пятилетку (1933—1937). План распадался на три части: а) исторические исследования, б) издание подлинников и переводов исторических документов и материалов, в) собирание и систематизация исторических документов и материалов. По первой части плана предполагалось изучать: 1) историю стран Востока докапиталистической эпохи (Япония, Китай, Турция и самостоятельная тема о происхождении и развитии феодального города в Средней Азии); 2) историю стран Востока в эпоху капитализма и империализма (Турция, Иран) и частные темы: проникновение английского капитала в Индию в XVII—XIX вв.; корейская эмиграция на Дальнем Востоке; колониальная политика японского империализма; иностранный финансовый капитал в Китае; пережитки феодализма в Китае и др.; 3) историю революционного и национально-освободительного движения на Востоке (революционное движение в Японии, Корее, Афганистане, Курдистане, национально-освободительное движение в Индии и т. д.); 4) историю Октябрьской революции в республиках Советского Востока; 5) историю гражданской войны в республиках Совет-

ского Востока; 6) историю политических течений; 7) историю философии, религии и искусства Востока (характеристика основных философских направлений в современной Японии, персидский суфизм и др.). По второй части плана предполагалось подготовить и издать материалы для истории Японии, Кореи, Китая, Тибета, Монголии, Ирана, по аграрным отношениям в Средней Азии, письма Шамиля, «Артхашастру», арабский архив Пьетро делла Валле и др., по третьей — собирать и систематизировать материалы по советским восточным республикам, Афганистану, Тибету, Монголии, Индии, Японии и т. д.

План работы Института востоковедения на вторую пятилетку свидетельствовал о значительном изменении тематики исследовательской работы по сравнению с первыми годами деятельности ИВАН. Правда, этот план был составлен перспективно, в расчете на рост новых востоковедных кадров. Многие из этих тем не были обеспечены авторами.

Поэтому при подведении итогов работы оказалось, что институт значительно отступил от намеченной программы, работал над другими темами. Так, в 1935 г. работа института свелась к изучению эпохи и творчества Фирдоуси в связи с проведением 1000-летнего юбилея, обработке и изданию согдийских документов, подготовке материалов по истории каракалпаков и исследованию по экономике Турции во время первой мировой войны²⁴.

Довольно подробно задачи Института востоковедения и конкретная программа исследований были изложены в постановлении Президиума АН об ИВАН (1936 г.), в котором рекомендовалось обратить особое внимание на изучение и разработку вопросов истории и языков народов Советского Востока, а также Китая, Маньчжурии, Монголии и Японии²⁵. Выступая в прениях по докладу вице-президента АН СССР Г. М. Кржижановского «Программа работ Академии наук СССР на 1936 г.» (март 1936 г.), директор Института востоковедения А. Н. Самойлович выразил надежду, что планирование работы в Академии наук, помощь Институту востоковедения, обещанная Президиумом, положительно отразятся на развитии советского востоковедения²⁶.

Изучение Советского Востока было крайне важным направлением работы ИВАН. Здесь наиболее ярко проявилась та конкретная помощь, которую мог оказать институт советскому государству. Институт не только помогал в разрешении некоторых вопросов советского строительства в восточных республиках. Его постоянные контакты с различными научными учреждениями в республиках, а также помощь в подготовке местных кадров способствовали культурному развитию этих республик. Институт осуществлял планомерную и систематическую поддержку научно-исследовательских организаций национальных республик. В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, В. А. Гордлевский, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, П. П. Иванов и др. много сил и внимания уделяли созданию и развитию востоковедения в республиках Средней Азии и Закавказья.

Президиум Академии наук принимал участие в составлении и обсуждении плана работы института, предложил привлечь к работе в ИВАН ряд высококвалифицированных специалистов из Москвы для изучения новых проблем, особенно по истории Индии и Японии²⁷. По рекомендации Президиума в план ИВАН на 1938 г. были включены следующие темы: история Китая с древнейших времен до настоящего времени; история Японии нового времени; сборник статей по разоблачению колониаторских теорий; монография о Низами; составление типовых словников для русско-национальных словарей (совместно с Институтом языка и мышления)²⁸. При обсуждении доклада о деятельности ИВАН в 1937 г. и плана на 1938 г. Президиум АН СССР вынес решение о необходимости составить в течение 1938 г. полный каталог рукописей, хранящихся в ИВАН, периодически издавать их научные описания, составить и издать в течение 1938—1939 гг. описание Архива востоковедов. Президиум предложил также ИВАН и Группе востоковедения составить с привлечением специалистов из ряда высших учебных заведений в течение 1938—1939 гг. учебник по новой истории колониальных и зависимых стран для высшей школы²⁹.

Планы научно-исследовательской работы Института востоковедения АН СССР говорят о неуклонном движении научного коллектива к более современной тематике, более глубоком проникновении в суть явлений,

хотя отдельные разработки и свидетельствуют о преждевременных выводах, схематизме, социологических построениях.

По современной тематике можно назвать работу А. Д. Новичева «Экономика Турции в период мировой войны» (1935). Началось изучение крестьянских антифеодальных, антиимпериалистических движений в странах Востока в XIX в.: Х. И. Кильберг «Восстание Араби-паши в Египте» (1937), М. С. Иванова «Бабидские восстания в Иране. 1848—1852 гг.» (1939), А. С. Тверитиновой «Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции» (1946) и др.

В небольшом обзоре работ Института востоковедения в 30-е годы не представляется возможным остановиться на всех выполненных сотрудниками ИВАН трудах.

Давая общую характеристику за десятилетие, можно отметить, что главное направление — издание исторических источников и исследования, тесно связанные с ними.

Важным достижением института было издание восточных источников по истории Средней Азии. Перед советскими востоковедами была поставлена почетная и трудная задача — изучение народов СССР. Разрешение этой задачи встречало трудности из-за неразработанности и малой доступности источников по истории ряда народов СССР, особенно народов Советского Востока.

Большая группа сотрудников института разрабатывала проблемы истории Советского Востока. Еще в 1932 г. правительство Каракалпакской АССР обратилось с просьбой к Президиуму Академии наук СССР начать подготовку к изданию материалов по истории каракалпаков. Эта работа была поручена Институту востоковедения. С аналогичным предложением подготовить к изданию восточные источники, где освещаются вопросы истории туркмен и Туркмении, обратилась и Туркменская ССР³⁰. Так началось издание материалов арабских, персидских и тюркских авторов по истории туркмен, таджиков, узбеков, каракалпаков. Специальная группа ИВАН под руководством А. Н. Самойловича в течение нескольких лет готовила тексты и переводы.

Издание источников было сделано фундаментально³¹. Составители проделали большую работу по переводу, проверке и комментированию ряда памятников по истории Востока, они ввели в научный оборот большое количество малодоступных источников. Издания были снабжены вводными статьями источниковедческого характера и историческими очерками. Научная ценность опубликованных материалов выходит далеко за пределы темы, в них содержится интересный материал и по истории прилегающих к Средней Азии государств — Ирана, Афганистана. В октябре 1940 г. на Отделении истории и философии особо обсуждался доклад П. П. Иванова «О задачах изучения истории народов Средней Азии»³² с целью уточнить кардинальные проблемы среднеазиатской истории, наметить кандидатуры ученых, которые могли бы принять участие в их дальнейшей разработке.

К публикациям источников по истории Средней Азии примыкают и другие издания документов, осуществленные ИВАН в 30-е годы, например, «Из архива шейхов Джуйбары. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в.» (М.—Л., 1938), арабские материалы о Шамиле («Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля», пер. с араб. А. М. Барабанова, предисл. И. Ю. Крачковского, 1941) и др.

В 1933 г. в развалинах замка на горе Муг (Таджикистан) была обнаружена согдийская рукопись, вскоре — еще сорок. В октябре 1933 г. по постановлению ЦК Компартии Таджикистана на гору Муг отправилась экспедиция в составе А. А. Фреймана, А. И. Васильева (ученый секретарь Таджикостанской базы АН СССР) и В. А. Воробьева. Экспедиция нашла еще несколько согдийских рукописей, монеты и другие памятники материальной культуры.

Всего было найдено 72 рукописи разной сохранности; их перевезли в Ленинград для обработки и издания. Среди рукописей одна оказалась на арабском, другая — на китайском языке³³.

Многие востоковеды заинтересовались столь замечательной находкой согдийских рукописей, датируемых первой половиной VIII в. н. э. Уже на февральской сессии АН СССР (1934 г.) несколько докладов посвя-

шалось рассмотрению обнаруженных документов: «О согдийских рукописях, найденных в Таджикистане» (А. А. Фрейман), «Арабский документ эпохи завоевания Средней Азии арабами» (И. Ю. Крачковский), «Китайский документ, найденный в Таджикистане» (В. М. Алексеев)³⁴. Институт подготовил специальный «Согдийский сборник», посвященный памяти С. Ф. Ольденбурга. Изучением согдийских документов, согдийского языка и той эпохи занимались и занимаются до сих пор сотрудники Института востоковедения.

По инициативе акад. И. Ю. Крачковского с конца 1935 г. начала проводиться систематическая работа в Институте истории (А. П. Ковалевским) и Институте востоковедения (В. И. Беляевым) по подготовке к изданию арабских источников по истории СССР (Ибн Фадлана, аль-Масуди, Ибн Хордадбега и др.)³⁵. Эта работа, прерванная во время Отечественной войны, возобновилась в послевоенные годы, когда А. П. Ковалевским было закончено исследование о путешествии Ибн Фадлана по Волге, сделан перевод этого памятника, продолжали свои исследования В. И. Беляев и Б. Н. Заходер над арабо-персидскими источниками по истории Восточной Европы³⁶.

В эти годы началась работа над переводами Рашид ад-Дина, согдийских материалов, хорезмийских рукописей XII в., «Артхашастры», монгольских хроник XVII—XVIII вв. и документов XVIII—XIX вв., бурят-монгольских летописей XIX в., материалов по истории Ирана, Японии, Кореи, Китая, Тибета.

В институте был организован специальный кабинет по истории древнего Востока, возглавлявшийся В. В. Струве. В него вошли старшие научные сотрудники И. Г. Бендер, А. Н. Бернштам, Л. И. Думан, П. В. Ернштедт, В. И. Кальянов, Н. В. Пигулевская, Ю. А. Солодухо, Ф. И. Щербатской. Сотрудники ИВАН (В. К. Дондуа, С. Т. Еремян, А. Н. Бернштам и Д. А. Сулейкин) писали главы для «Всемирной истории» и «Истории СССР»³⁷.

История Турции, Ирана, Китая, Японии и Кореи нашла свое отражение во многих общих и частных работах сотрудников института. Перед войной институт закончил составление «Учебника по истории стран Востока в средние века» и II тома «Всемирной истории»³⁸.

Очень ценным явилось исследование Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (1934).

Сотрудники Института востоковедения участвовали в составлении многочисленных двуязычных словарей народов Советского и зарубежного Востока и в подготовке терминологических словарей. Началась работа над составлением словарей — японо-русского (Н. И. Конрад), киргизско-русского (К. К. Юдахин), китайско-русского (В. М. Алексеев), словарей по индийским языкам — хинди, маратхи, бенгали (А. П. Баранников), монгольско-русского (Г. Д. Санжеев), таджикско-русского (под руководством Е. Э. Бертельса)³⁹ и др. Вопрос о подготовке двуязычных восточных словарей неоднократно рассматривался в институте, на Отделении общественных наук совместно с заинтересованными академическими и другими учреждениями. 26 марта 1938 г. на Отделении общественных наук обсуждались доклады о подготовке арабско-русского словаря Х. К. Баранова и таджикско-русского словаря, о котором докладывал Е. Э. Бертельс. Причем выяснилось, что составлявшийся с 1930 г. таджикско-русский словарь оказался неудачным (отсутствовала советская и иностранная терминология и т. д.); переработка словаря была поручена коллективу научных работников, возглавляемому Е. Э. Бертельсом⁴⁰.

Сотрудники ИВАН разрабатывали научные грамматики ряда восточных языков. Совместно с Ленинградским восточным институтом в 1938 г. была издана «Грамматика бурят-монгольского языка», подготовлена «Грамматика современного грузинского литературного языка» (Б. Т. Руденко) и др. Большая работа была проделана в связи с латинизацией ряда восточных алфавитов и созданием алфавитов для бесписьменных языков.

Важное место в работе института занимало литературоведение. Изучались классические и современные восточные литературы — арабская, персидская, индийские, японская, китайская и др.

Иранский кабинет приступил к составлению «Введения в изучение персидской литературы». Главной задачей «Введения» было дать литературоведам необходимые методологические указания и ознакомить их с основными проблемами в исследовании персидской ли-

тературы. До этого изучалась не столько сама литература, сколько жизнь отдельных авторов.

Новый подход к изучению литературных памятников и всего литературного процесса иногда приводил к увлечению социологизированием, поискам социальных причин употребления той или иной рифмы.

Интересными были исследования творчества Фирдоуси, Низами, Алишера Навои, Шота Руставели и других авторов, чьи юбилеи отмечались повсеместно в 30-х—начале 40-х годов. Издание в переводах «Шах-наме», поэм Низами, «Витязя в тигровой шкуре», произведений Навои, работ о художественных особенностях, литературных связях и влияниях восточных литератур (персидско-грузинские литературные связи, влияние арабской литературы и т. п.), изучение эпох, в которые жили великие поэты,—изучение всего комплекса этих проблем сплотило специалистов разных профилей: литературоведов, историков, лингвистов, искусствоведов.

Исследования о влиянии творчества А. М. Горького на восточные литературы вошли в специальный сборник, подготовленный институтом перед войной⁴¹. В 1938 г. институт опубликовал сборник «Лу Синь. 1881—1936 гг.», посвященный памяти великого китайского поэта.

Фольклорная работа велась параллельно с Институтом антропологии и этнографии и координировалась с его фольклорной секцией (по реорганизации в 1933 г. эта секция работала при Институте по изучению народов СССР)⁴². В 1938 г. коллективом института и Группой востоковедения была издана книга «Сказки народов Востока». Весь гонорар за составление и переводы авторский коллектив передал в фонд помощи женщинам и детям борющейся Испании⁴³.

Особое внимание уделялось библиографической работе в области востоковедения. Библиография необходима не только для текущей работы ученого, но и для устранения пробелов в научных исследованиях. Институтом велась систематическая работа по библиографии Востока, составлялись библиографические карточки, которые впоследствии помогли при составлении крупных обобщающих библиографий по отдельным странам.

Труды сотрудников Института востоковедения издавались отдельными монографиями, тематическими сбор-

никами⁴⁴ и печатались в «Записках Института востоковедения Академии наук СССР» [т. I—VII, 1932—1939; с 1940 «Записки» стали выходить под названием «Советское востоковедение» (до Великой Отечественной войны вышло два тома)], «Трудах Института востоковедения АН СССР» (т. 1—46, 1935—1946) и «Библиографии Востока» (т. I—X, 1932—1936).

Институт востоковедения в 30-е годы явился инициатором организации нескольких научных экспедиций, перед которыми стояли новые задачи — не только собирать рукописи, но и попытаться на основании собранных восточных материалов показать пути развития некоторых восточных народов СССР, собрать исчерпывающую информацию о бывших царских колониях, охарактеризовать реакционную роль шаманизма, ламаизма, ислама, зафиксировать уходящие обычаи, записать песни, сказки и т. д.

В 30-е годы работали различные комиссии по изучению производительных сил в республиках Средней Азии и Закавказья. Востоковеды принимали посильное участие в их деятельности. Например, А. Н. Самойлович руководил работой Секции культуры и человека на Первой конференции по изучению производительных сил Туркм. ССР в 1933 г.⁴⁵ Организация конференции АН СССР по изучению производительных сил Средней Азии привела к расширению исследований в области природных ресурсов, к более глубокому изучению проблем истории и культуры народов Средней Азии.

Сотрудники Института востоковедения участвовали во многих археологических и этнографических экспедициях в Средней Азии, в Закавказье, Крыму и на Дальнем Востоке. В 1932 г. в Таджикистане работала комплексная экспедиция из 300 человек, среди которых были и востоковеды⁴⁶. Много материалов собрала лингвистическая экспедиция в Бурят-Монгольской АССР⁴⁷.

На декабрьской сессии АН СССР в 1934 г. и на объединенном заседании Группы историков, социологов и экономистов и Группы востоковедения было вынесено решение о необходимости расширения экспедиционной работы в институтах востоковедения, историко-археологическом, антропологии и этнографии, русской литературы и Музея истории религии, об организации в 1935 г. экспедиций в Татарскую республику, Поволжье, Крым,

Дагестан, Башкирию, Среднюю Азию, Восточно-Сибирский край⁴⁸. В соответствии с этим решением в 1935 г. была снаряжена археографическая экспедиция Института востоковедения⁴⁹.

Широко стали практиковаться индивидуальные и коллективные командировки в восточные республики для изучения отдельных языков, фольклора, быта и т. д., например арабов в Средней Азии, памирских языков, различных кавказских говоров, диалектов и др.

В постановлении о создании ИВАН особо отмечалась культурно-просветительная работа института, которая должна была выражаться в устройстве политико-просветительных и научно-популярных лекций, докладов, выставок для ознакомления самых широких масс с актуальными проблемами Востока. К 60-летию со дня рождения В. И. Ленина институт подготовил выставку «Ленин и Восток», на ней были представлены переводы произведений Ленина на восточные языки, переводы биографии Ленина, художественная литература о нем, марксистско-ленинская литература на Востоке⁵⁰.

В 30-х годах Институт книги, документа и письма организовал постоянную Выставку по истории письменности древнего мира и раннего средневековья. Сотрудники ИВАН консультировали организаторов выставки, подготовили для демонстрации согдийские, арабские и другие материалы⁵¹. Аналогичное участие ИВАН принял в организации выставки «Японский империализм и захват Китая» в Музее антропологии и этнографии АН СССР⁵². Большая работа проводилась институтом при оформлении выставок, подготовленных к юбилейным торжествам, например Фирдоуси, Шота Руставели, «Давида Сасунского» и др., а также к III Международному конгрессу иранского искусства и археологии и др.

Поиски новых форм работы, пропаганда и популяризация востоковедных знаний побудили ученых выступить с лекциями на заводах, фабриках, в воинских частях. Например, в 1931 г. был организован выезд академиков на заводские митинги. А. Н. Самойлович выступил на Коломенском заводе с докладом о реорганизации научной работы, применении методов соревнования и ударничества; о перестройке деятельности АН СССР сделал сообщения в Орехово-Зуеве и в Выборгском доме культуры С. Ф. Ольденбург. С доклада-

ми в воинских частях выступали члены Ассоциации японоведения, возникшей при ИВАН⁵³.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ АССОЦИАЦИЙ
ПРИ ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.
НАУЧНЫЕ СЕССИИ, КОНФЕРЕНЦИИ И ЗАСЕДАНИЯ,
ПРОВОДИМЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЛИ С ЕГО УЧАСТИЕМ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ**

При образовании ИВАН имелось в виду его постепенное превращение в один из главных центров научного востоковедения в Советском Союзе, вокруг которого группировались бы все другие востоковедные учреждения. В задачу института поэтому входило установление тесного научного контакта с научными организациями и отдельными учеными как внутри Союза, так и за границей, особенно в странах Востока.

Институт должен был оказывать поддержку вновь возникающим и уже существующим научно-исследовательским организациям национальных республик.

Для выполнения поставленных задач институт организовывал широкие научные сессии, конференции, заседания, создавал научные ассоциации.

Первой (декабрь 1932 г.) при Японском кабинете ИВАН возникла Ассоциация японоведения, которая в 1935 г. объединяла 29 японистов разных специальностей. Председателем ассоциации являлся Н. И. Конрад.

В соответствии с принятым уставом⁵⁴ ассоциация вела систематический учет японоведов, а также ученых, которые могли вести японоведческую работу; следила за разработкой тем, обращая внимание японистов на наиболее актуальные; созывала не менее одного раза в месяц научные собрания; обсуждала планы японоведческой работы ленинградских востоковедных учреждений; содействовала повышению квалификации членов ассоциации; давала консультации; помогала в издании работ по японистике.

Работа Ассоциации японоведения проводилась по двум секциям: научно-исследовательской и культурно-просветительной. Научно-исследовательская секция занималась главным образом изучением современной Японии⁵⁵.

Наиболее активными членами ее были: Н. И. Конрад, Н. А. Невский, Ю. К. Шуцкий, Е. М. Колпакчи, Е. М. Жуков, Я. Б. Радуль, А. Р. Петров, Н. И. Фельдман, А. Е. Глускина, В. М. Штейн, Л. П. Кореян, Н. Е. Цейтлин, В. С. Животова, В. В. Ненароков, Д. Л. Ангора.

По культурно-просветительной линии члены ассоциации читали доклады о положении на Дальнем Востоке и современной Японии на предприятиях и в частях Красной Армии⁵⁶.

Вскоре организовалась при ИВАН и Ассоциация монголоведения, устав которой был принят в конце 1933 г. В состав правления Ассоциации монголоведения входили представители ряда ленинградских востоковедных учреждений — ИВАН, ИЯМ, ЛВИ, ЛИФЛ (Ленинградского института философии, истории и лингвистики). Ассоциация занималась научно-исследовательской и научно-популяризаторской деятельностью⁵⁷.

При ИВАН была организована также Ассоциация изучения Турции, но более широкий размах приняла работа Ассоциации арабистов, возглавлявшейся акад. И. Ю. Крачковским.

Ассоциация ленинградских арабистов была создана при Арабском кабинете ИВАН в январе 1934 г.⁵⁸ Она объединяла вокруг себя арабистов, работающих в различных учреждениях Ленинграда — институтах Академии наук СССР, Государственном Эрмитаже, Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, университете, в Ленинградском восточном институте и др., а также научных сотрудников, аспирантов, студентов старших курсов.

В состав правления ассоциации вошли И. Ю. Крачковский, А. Ф. Искандеров (ИВАН), А. М. Шами (ЛВИ), В. Сухотина (ГАИМК), Н. В. Юшманов (ИЯМ). Председателем ассоциации был избран И. Ю. Крачковский⁵⁹.

14—17 июня 1935 г. в Ленинграде была созвана Первая сессия арабистов, в работе которой участвовали ученые Москвы, Киева, Тбилиси и других городов. С докладами на сессии выступили И. Ю. Крачковский, А. Ю. Якубовский, А. М. Шами, Г. В. Церетели, В. Б. Луцкий, А. Я. Борисов и В. А. Крачковская⁶⁰. Сессия приняла резолюцию, в которой подводились ито-

ги работы советских арабистов и намечались основные аспекты работы по арабистике: исследования по истории и экономике арабских стран, новой арабской литературе и публицистике, издание текстов и переводов, изучение мусульманской идеологии, история арабской письменности у народов СССР, исследование арабских источников по истории СССР и т. д.

А. Ф. Искандеров писал о значении Первой сессии арабистов: «...во-первых, сессия арабистов, на которой впервые встретились арабисты Ленинграда, Москвы и других центров совместно с представителями арабского народа, является крупной вехой на пути развития советской арабистики. Во-вторых, сессия укрепила связь между представителями различных отраслей арабистики и наметила пути и формы их дальнейшего контактного сотрудничества. В-третьих, сессия подвела итог достижений и пробелов советской арабистики и наметила задачи дальнейшего развития науки в этой области. И, наконец, в-четвертых, сессия настолько сблизила старшее и молодое поколение советских арабистов, что все участники сессии твердо заявили о полной своей готовности... преодолеть все трудности и выдвинуть советскую арабистику на первое место в мировой востоковедной науке»⁶¹.

Деятельность Ассоциации арабистов способствовала укреплению научных связей между советскими арабистами, живущими в разных городах Союза.

Летом 1936 г. Ассоциация арабистов при содействии дирекции Института востоковедения организовала экспедицию в Среднюю Азию для изучения быта среднеазиатских арабов. В состав экспедиции вошли И. Н. Винников (Институт антропологии, этнографии и археологии), К. В. Оде-Васильева (Ленинградский восточный институт) и Г. В. Церетели (Грузинский государственный университет)⁶².

Ассоциация собирала материалы для библиографического словаря арабистов, составлявшегося Г. Г. Гульбиным. Машинописный экземпляр подготовленного словаря сейчас находится в Ленинградском отделении ИВАН.

19—23 октября 1937 г. проходили заседания Второй сессии арабистов, на которых присутствовало свыше 200 ученых, приехавших из многих городов Советского

Союза⁶³. На сессии было заслушано 18 докладов и сообщений по 5 разделам⁶⁴:

1) арабистика в СССР за 20 лет (И. Ю. Крачковский);

2) к 900-летию со дня смерти Авиценны (А. Ю. Якубовский, Е. Э. Бертельс, А. Я. Борисов, И. И. Гинцбург, А. Э. Шмидт);

3) история арабских стран (Н. В. Пигулевская, В. И. Беляев, А. Е. Крымский, В. Б. Луцкий);

4) арабы и история народов СССР (А. Н. Генко, В. И. Беляев, А. П. Ковалевский, С. Л. Волин, И. Н. Винников, Г. В. Церетели);

5) некоторые вопросы лингвистики (А. П. Рифтин, Н. В. Юшманов).

Арабисты, принимавшие участие в работе ассоциации, прошли хорошую школу под руководством И. Ю. Крачковского.

Очень интересно проходила в эти годы работа иранистов. Несколько юбилейных дат (Фирдоуси и др.), а также проведение в Ленинграде в 1935 г. III Международного конгресса иранского искусства и археологии определили направление исследовательской работы большой группы иранистов, сблизили их во время совместной разработки ряда проблем (изучение эпохи и творчества Фирдоуси, Низами, Хакани, Шота Руставели, изучение взаимовлияний персидской, азербайджанской и грузинской литератур).

Особенно торжественно был отмечен тысячелетний юбилей со дня рождения Фирдоуси. Президиум АН образовал Ленинградское отделение Всесоюзного комитета по подготовке к празднованию юбилея в составе И. А. Орбели (председатель), А. Н. Самойловича, Г. И. Вайнштейна, А. Ю. Якубовского и Г. В. Шитова (секретарь), утвердил редколлегия юбилейного сборника (В. П. Волгин, А. Н. Самойлович, Г. И. Вайнштейн, Б. В. Легран, И. А. Орбели, П. И. Воробьев) и выделил делегацию для поездки на торжества в Иран в составе А. А. Фреймана, И. А. Орбели, Е. Э. Бертельса, Г. В. Шитова и Л. Т. Гюзальяна⁶⁵.

Институт востоковедения в честь юбилея провел совместно с Государственным Эрмитажем сессию, на которой были заслушаны доклады крупных советских ученых об эпохе и творчестве Фирдоуси, прочитаны отрыв-

ки (в оригинале и переводах) из «Шах-наме», исполнены образцы классической персидской музыки. Эрмитаж организовал большую выставку иранского искусства ⁶⁶.

К юбилею вышло из печати несколько работ о Фирдоуси, об иранском искусстве и по истории Ирана и Средней Азии того периода ⁶⁷.

В связи с празднованием 750-летнего юбилея гениального грузинского поэта Шота Руставели Президиум АН СССР утвердил комиссию во главе с акад. И. А. Орбели для подготовки и проведения этого юбилея ⁶⁸. В залах Эрмитажа была развернута выставка (из материалов Эрмитажа, Института востоковедения и Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина) об эпохе Шота Руставели. К юбилею были подготовлены сборник статей с исследованиями об эпохе и творчестве поэта, том трудов Н. Я. Марра, посвященных Руставели, новый перевод «Витязя в тигровой шкуре», перевод отрывков из «Висрамиани». Некоторые сотрудники ИВАН (или ранее работавшие в институте — Ю. Н. Марр и др.) исследовали несколько интересных тем о связях грузинской литературы с другими литературами Востока и их взаимном влиянии.

Вся Академия наук праздновала тысячелетие великого армянского народного эпоса «Давид Сасунский». На торжественном заседании в Москве 6 сентября 1939 г., устроенном Академией наук, Комитетом по делам искусств при СНК СССР, Всесоюзным радиокомитетом и Постпредством АрмССР, с докладом о «Давиде Сасунском» выступил И. А. Орбели ⁶⁹.

В ноябре 1940 г. в Отделении литературы и языка (совместно с ИВАН и другими академическими учреждениями) состоялись заседания, посвященные великому узбекскому поэту Алишеру Навои (доклады о нем читали А. К. Боровков, С. Е. Малов, А. Усманов и Шейх-заде) и великому поэту XII в. Низами Ганджеви, с докладами и сообщениями о котором выступили Е. Э. Бертельс, И. Ю. Крачковский, Ф. Бабаев, Самед Вургун, И. Джафар-заде и И. П. Щерблыкин ⁷⁰.

15—16 июня 1938 г. в Институте востоковедения состоялась научная сессия на тему «Горький и литературы Советского и зарубежного Востока», на которой читали доклады И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев,

Г. В. Птицын, В. А. Гордлевский, А. П. Баранников и С. Г. Арешян⁷¹.

Несколько собраний Института востоковедения или Академии наук в целом было посвящено чествованию выдающихся советских востоковедов — С. Ф. Ольденбурга⁷², Н. Я. Марра⁷³, В. М. Алексеева⁷⁴ и русских дореволюционных ученых, например В. В. Радлова⁷⁵ и др.

Заседания секторов института, на которых обсуждались общетеоретические или узловые вопросы истории, литературоведения и лингвистики, привлекали внимание широких кругов ленинградской общественности.

Из других востоковедных центров, существовавших в 30-е годы в системе Академии наук, следует назвать Сектор истории колониальных и зависимых стран Института истории АН, который явился как бы объединением востоковедов, работавших над новой и новейшей историей стран Востока. Особенно большую помощь этот сектор оказал профессорско-преподавательскому составу, приступившему (после опубликования постановления партии и правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории) к чтению лекций по истории колониальных и зависимых стран Востока в университетах и институтах (МИВ, МИФЛИ и др.). Обсуждение недостатков и пробелов первых курсов (И. М. Рейснера, Е. Л. Штейнберга, Н. А. Смирнова и др.) послужило толчком для более глубокой разработки общих закономерностей новой и новейшей истории колониального мира в целом, чему в известной степени содействовал также отказ от «страноведческого» подхода к изучаемому предмету.

Сектор истории колониальных и зависимых стран взял на себя подготовку первого советского вузовского учебника по истории стран Востока. Выпущенный учебник получил высокую оценку многих специалистов. «Выход в свет первого тома учебника в 1940 г., — писал А. А. Губер, — несмотря на ряд его недостатков, явился событием в изучении новой истории Востока. Учебник явился не только первым марксистским обобщением новой истории колониальных и зависимых стран, но и первым учебником в этой области в мировой исторической литературе. Не удивительно поэтому, что выход его в свет нашел горячий, широкий отклик в нашей

стране и уже через несколько месяцев первый том был переведен и издан в независимом Китае»⁷⁶. Второй том учебника был подготовлен и сдан в производство в 1940 г., отпечатанный к началу Великой Отечественной войны тираж погиб в первые дни войны.

Между академическими учреждениями существовала постоянная связь; была договоренность о координации работы. Например, в конце 1936 г. в АН СССР при Отделении общественных наук была создана Группа истории для координации работы исторических институтов академии. При обсуждении на группе доклада акад. И. А. Орбели о плане работ Государственного Эрмитажа были высказаны предложения о необходимости постоянного сотрудничества Эрмитажа с Институтом востоковедения в области научно-исследовательской работы и в подготовке аспирантов⁷⁷. В предвоенные годы связи этих крупных ленинградских центров востоковедения значительно упрочились, что положительно сказалось на работе Отдела Востока Государственного Эрмитажа и Института востоковедения.

В 30-е годы, как мы уже говорили, востоковедением занималось несколько научно-исследовательских, учебных и различных ведомственных учреждений как в центре (Москве и Ленинграде), так и на периферии. Большое место востоковедной тематике уделялось в работе многих академических учреждений — Институте антропологии и этнографии, Академии истории материальной культуры, в гуманитарных институтах союзных академий наук, баз и филиалов Академии наук СССР, а также в Московском, Ленинградском, Киевском, Харьковском, Среднеазиатском, Азербайджанском, Грузинском, Армянском и других университетах. Специализированными востоковедными учебными заведениями были Московский институт востоковедения и Ленинградский восточный институт. Востоковедением занимались Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт, Северо-Кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов, Музей Адыгейской автономной области (Краснодар), Кабардино-Балкарский областной музей (Нальчик), Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения (Владикавказ) и т. д. Со всеми этими учреждениями Институт востоковедения АН СССР поддерживал тесные связи, участвовал в сов-

местных разработках, экспедициях, проводил сессии и научные заседания.

Институт поддерживал связи с учеными Запада и Востока. По приглашению турецкого правительства в 1933 г. в Турцию для укрепления научных связей в области лингвистики и истории ездили Н. Я. Марр и А. Н. Самойлович. При Академии наук СССР после их возвращения из Турции была создана Постоянная комиссия содействия научным связям СССР с Турцией. В августе 1934 г. А. Н. Самойлович и И. И. Мещанинов приняли участие в работе Второго лингвистического конгресса в Турции, где прочитали доклады «Литературный язык Золотой Орды» и «Одна форма турецкого глагола в свете нового учения о языке»⁷⁸. В августе 1936 г. А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов и Х. З. Габидуллин присутствовали на заседаниях Третьего лингвистического конгресса в Турции⁷⁹.

25 марта 1937 г. в Москве было проведено Отделением общественных наук и Комиссией по содействию научным связям с Турцией торжественное заседание, посвященное столетию со дня рождения акад. В. В. Радлова. С докладами на заседании выступили А. Н. Самойлович, Н. К. Дмитриев, А. К. Боровков, А. Н. Бернштам⁸⁰.

В сентябре 1935 г. в Ленинграде проходил III Международный конгресс иранского искусства и археологии. Такие конгрессы стали проводиться по инициативе большого знатока иранского искусства проф. А. У. Поопа (США). Первый конгресс состоялся в 1929 г. в Америке, второй, в котором принимала участие советская делегация, — в 1931 г. в Лондоне, третий конгресс проходил в Ленинграде в здании Государственного Эрмитажа, где была развернута большая выставка. Подробный отчет о конгрессе содержится в статье В. А. Крачковской «III Международный конгресс иранского искусства и археологии»⁸¹.

«Подводя итог, — пишет В. А. Крачковская, — необходимо отметить выдающийся успех выставки иранского искусства в Эрмитаже, которая превзошла всякие ожидания. Она оценена по заслугам и членами конгресса, и печатью, и широкими массами посетителей, получивших на нее доступ с 18 сентября. Созданная с научными целями, она имеет одновременно громадное педагогическое

значение благодаря умело организованному руководству бесчисленных экскурсий.

Работа III конгресса, когда будут напечатаны бюллетени конгресса с краткими резюме заслушанных докладов и его „труды“ с полным текстом докладов и иллюстрациями, составит, несомненно, крупный вклад в иранское искусствознание и мировую науку.

Однако есть еще одна сторона деятельности конгресса, не уложенная ни в какие официальные программы, но оставляющая глубокий след. Это живой контакт специалистов, работников в одной или сопредельных областях; непосредственный обмен мыслями и мнениями по интересующим научным вопросам, по планам и налаживанию коллективных работ, которые на расстоянии, путем корреспонденции, организовать гораздо труднее. Сюда относится также образование научных связей отдельными лицами и учреждениями, таких связей, которые часто стимулируют научную деятельность»⁸².

Создание Института востоковедения, призванного объединить всю востоковедную работу в Союзе, знаменовало известный перелом в академическом востоковедении. Влившиеся в институт новые силы, некоторое обновление тематики исследований, изучение марксистской философии, творческие дискуссии, развернувшиеся среди востоковедов (напр., о «деколонизации», кемализме, движущих силах иранской революции и др.), свидетельствовали о начавшихся сдвигах в научной работе.

Как отмечают многие советские ученые⁸³, недостаточное овладение марксистской методологией, наблюдавшееся у востоковедов старой школы, незнание конкретной истории народов Востока, характерное для некоторой части молодого поколения, отрицательно сказались на развитии востоковедения в 30-е годы. «Поэтому, например,— писал Б. Г. Гафуров,—недостаточно плодотворными оказались дискуссии об особенностях восточного феодализма, о так называемом «азиатском способе» производства и ряд других, хотя они, несмотря на все их недостатки, способствовали выявлению некоторых принципиальных вопросов исторической науки и определили ключевые проблемы, над которыми в дальнейшем долгие годы предстояло ей работать»⁸⁴. В качестве примера можно привести дискуссию о так называемом

«азиатском способе» производства. Как среди сторонников этой теории, так и среди ее противников имелись люди, которые плохо знали конкретную историю стран Востока и оперировали зачастую отвлеченными понятиями, социологическими схемами, не опирающимися на фактический материал. По этой же причине остались неразрешенными многие проблемы новой и новейшей истории стран Азии и Африки, в частности не были проанализированы выдвигавшиеся гипотезы об «отставании» восточных государств и «застойности» их социально-экономического строя, остались недоведенными до конца споры о путях и особенностях формирования наций на Востоке, о роли госкапитализма, о характере некоторых движений в странах Востока (дискуссии о движущих силах иранской революции и кемализме).

Тридцатые годы были в известной мере также годами исканий и заблуждений, учебы, труда и борьбы для востоковедов. Но все же деятельность Института востоковедения свидетельствует о неуклонном подъеме востоковедной работы в нашей стране. Можно было надеяться, что с помощью партии и правительства, постоянно уделявших большое внимание востоковедению, Президиума АН СССР, общественных организаций и отдельных лиц, принимавших живое участие в востоковедении, Институт востоковедения АН СССР со временем превратился бы в тот научный центр востоковедения, который отвечал бы задачам, поставленным перед ним Советским государством. Однако нападение гитлеровских полчищ на нашу страну, затяжная, кровопролитная война, потребовавшая напряжения всех сил советского народа, отодвинули на второй план все проблемы мирного времени и поставили перед востоковедами иные задачи.

¹ Г. В. Князев, А. В. Кольцов, Краткий очерк истории Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 92.

² В. В. Струве, Х. И. Муратов, В. И. Кальянов, Институт востоковедения АН СССР, — «Вестник АН СССР», 1937, № 10—11, стр. 270.

³ В. В. Струве, Х. И. Муратов, В. И. Кальянов, — там же, стр. 272. В 1932 г. в институте функционировало десять кабинетов — Арабский, Персидский, Японский, Среднеазиатский, Кавказский, Монгольский, Китайско-Маньчжурский, Турецкий, Индо-Тибетский и Еврейский («Институт востоковедения /ИВ/», — «Вестник АН СССР», 1932, № 3, стр. 48).

⁴ Там же, 1931, № 1, стр. 54.

⁵ Там же, 1938, № 4, стр. 92.

⁶ Там же, № 2—3, стр. 140—141.

⁷ В. П. Волгин, Реорганизация Академии наук, — «Вестник АН СССР», 1931, № 1, стр. 5.

⁸ Постановление Президиума АН СССР от 24 августа 1936.

⁹ «Вестник АН СССР», 1933, № 7, стр. 1—8.

¹⁰ Аспирантура и докторантура в Академии наук были введены в 1927 г. для подготовки научных сотрудников высшей квалификации.

¹¹ С. Ф. Ольденбург, Единая востоковедная работа, — «Вестник АН СССР», 1932, № 8, стр. 72; в 1932 г. в ИВАН было 23 члена ВКП(б), 1 кандидат в члены ВКП(б) и 8 комсомольцев. См. С. Ольденбург, О деятельности Института востоковедения Академии наук, — «Революция и национальности», 1932, № 6, стр. 21.

¹² «Совещание при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР по вопросу о работе ИВАН по линии советских республик 15 мая 1932 г.», — Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, 1932, д. 1.

¹³ «Вестник АН СССР», 1938, № 2—3, стр. 132—133.

¹⁴ В. В. Струве, Х. И. Муратов, В. И. Кальянов, Институт востоковедения, стр. 271. В справке об ИВАН указано, что в институте в 1932 г. числилось 6 академиков, 39 штатных научных сотрудников и 29 аспирантов («Вестник АН СССР», 1932, № 3, стр. 48).

¹⁵ «Вестник АН СССР», 1934, № 5, стр. 59—61.

¹⁶ Там же, № 11—12, стр. 25.

¹⁷ Там же, 1938, № 9—10, стр. 138—139. В 1938 г. состав Ученого совета был несколько изменен — А. П. Баранников, В. М. Алексеев, П. К. Коковцов, И. Ю. Крачковский, И. И. Мещанинов, И. А. Орбели, В. В. Струве, Ф. И. Щербатской, В. А. Гордлевский, Н. Н. Поппе, А. А. Фрейман, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, И. П. Байков, В. Д. Дондуа, Л. И. Думан, П. П. Иванов, М. С. Иванов, А. А. Ромаскевич, А. А. Холодович, А. А. Петров (там же, 1939, № 7, стр. 87).

¹⁸ Там же, 1937, № 1, стр. 141.

¹⁹ Там же, № 12, стр. 109.

²⁰ Там же, 1931, № 6, стр. 52.

²¹ Конференция по планированию научной работы состоялась в 1931 г.

²² «Отчет АН СССР за 1931 г.», — «Вестник АН СССР», 1932, № 00, стр. 00.

²³ «Институт востоковедения», — там же, № 3, стр. 49—50. Более подробно план работы института изложен в докладе С. Ф. Ольденбурга «О деятельности Института востоковедения Академии наук» («Революция и национальности», 1932, № 6, стр. 20—25).

²⁴ В. П. Волгин, Академия наук СССР на новом этапе, — «Вестник АН СССР», 1935, № 4, стр. 22.

²⁵ См. Приложения, стр. 244—245.

²⁶ «Вестник АН СССР», 1936, № 4—5, стр. 34—35.

²⁷ «Историк-марксист», 1937, кн. 1, стр. 195.

²⁸ «Вестник АН СССР», 1938, № 7—8, стр. 126.

²⁹ Там же, № 2—3, стр. 132—133.

³⁰ П. П. Иванов, Из работ Института востоковедения Академии наук (исторические исследования по Средней Азии), — там же, 1934, № 6, стр. 15—22.

³¹ См. «Материалы по истории каракалпаков» (1935), «Материалы по истории туркмен и Туркмении», I—II (1935—1939) и др.

- ³² «Вестник АН СССР», 1940, № 11—12, стр. 125.
- ³³ А. Фрейман, Согдийские рукописи в развалинах замка на Зеравшане, — там же, 1934, № 3, стр. 49—52.
- ³⁴ «Февральская сессия Академии наук СССР», — там же, 1934, № 3, стр. 62.
- ³⁵ А. Ковалевский, Работа над источниками по истории Восточной Европы и Кавказа в Академии наук СССР, — «Историк-марксист», 1937, кн. I, стр. 197—198.
- ³⁶ См. стр. 117.
- ³⁷ «Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии наук СССР», — «Вестник древней истории», 1938, № 3 (4), стр. 255—257.
- ³⁸ Д. Тихонов, Важнейшие работы, законченные Институтом востоковедения Академии наук СССР в 1940 г., — «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 315.
- ³⁹ «Вестник АН СССР», 1940, № 10, стр. 49.
- ⁴⁰ Там же, 1938, № 5, стр. 95.
- ⁴¹ Д. Тихонов, Важнейшие работы, законченные Институтом востоковедения..., стр. 315—316.
- ⁴² А. Л., Фольклорная работа в Академии наук СССР, — «Вестник АН СССР», 1935, № 7—8, стр. 71—74.
- ⁴³ Там же, 1938, № 5, стр. 105.
- ⁴⁴ В связи с 30-летием со дня смерти В. Р. Розена в институте был подготовлен сборник «Памяти академика В. Р. Розена». Сборник был уже набран, но во время блокады Ленинграда набор погиб; вышел сборник после войны, в 1947 г.
- ⁴⁵ Л. А. Джалалбекова, Первая туркменская конференция, — «Вестник АН СССР», 1934, № 5, стр. 73.
- ⁴⁶ С. Ф. Ольденбург, Бригада Академии наук в Таджикистане, — там же, № 12, стр. 35—46.
- ⁴⁷ Там же, № 1, стр. 33—34.
- ⁴⁸ Там же, 1935, № 2, стр. 43—44.
- ⁴⁹ Там же, 1936, № 1, стр. 106.
- ⁵⁰ Там же, 1931, № 1, стр. 54—56.
- ⁵¹ В. Беляев, Ценности Института книги, документа, письма. Арабские папирусы, — там же, 1934, № 11—12, стр. 71—76.
- ⁵² Там же, 1932, № 6, стр. 23—30.
- ⁵³ Там же, 1931, № 5, стр. 91—98, 107; «Записки ИВАН», т. III, 1935, стр. 212.
- ⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 152, оп. I, 1933, д. 27.
- ⁵⁵ «Ассоциация японоведения», — «Записки ИВАН», т. III, 1935, стр. 212.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же, стр. 211—212.
- ⁵⁸ «Ассоциация арабистов», — «Записки ИВАН», т. III, стр. 211.
- ⁵⁹ [А. И.], О работе Ассоциации арабистов, — «Вестник АН СССР», 1937, № 4—5, стр. 81.
- ⁶⁰ «Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г.», — «Труды ИВАН», т. XXIV, 1937.
- ⁶¹ А. Ф. Искандеров, Первая сессия арабистов, — «Вестник АН СССР», 1935, № 9, стр. 64.
- ⁶² [А. И.], О работе Ассоциации арабистов, — там же, 1937, № 4—5, стр. 81.

- ⁶³ «Вторая сессия Ассоциации арабистов», — там же, 1938, № 1, стр. 38—43.
- ⁶⁴ «Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.», под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского (1941).
- ⁶⁵ «Вестник АН СССР», 1934, № 9, стр. 19.
- ⁶⁶ Е. Бертельс, Фирдоуси, — там же.
- ⁶⁷ Там же, 1935, № 4, стр. 21—22.
- ⁶⁸ Там же, 1936, № 8—9, стр. 99; см. также № 1 за 1938 г., стр. 28—33.
- ⁶⁹ Там же, 1939, № 8—9, стр. 176.
- ⁷⁰ Там же, 1940, № 11—12, стр. 147—148.
- ⁷¹ Там же, 1938, № 6, стр. 106.
- ⁷² Там же, 1933, № 2, стр. 11—27.
- ⁷³ Там же, 1933, № 4, стр. 57—58.
- ⁷⁴ Ю. В. Бунаков, Юбилей академика В. М. Алексеева, — «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 313—315.
- ⁷⁵ «Вестник АН СССР», 1937, № 1, стр. 122, 124—125.
- ⁷⁶ А. Губер, 25 лет изучения истории стран Востока в СССР, — «Исторический журнал», 1942, № 10, стр. 94.
- ⁷⁷ «Историк-марксист», 1937, кн. 1, стр. 195.
- ⁷⁸ А. Н. Самойлович, Второй лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения, — там же, 1935, № 1, стр. 17—28.
- ⁷⁹ А. Н. Самойлович, Третий лингвистический конгресс в Турции, — там же, 1936, № 11—12, стр. 51—55.
- ⁸⁰ Там же, 1937, № 4—5, стр. 222.
- ⁸¹ Там же, 1936, № 1, стр. 59—72.
- ⁸² Там же, стр. 71—72.
- ⁸³ А. Губер, 25 лет изучения..., стр. 93.
- ⁸⁴ Б. Г. Гафуров, Актуальные задачи советского востоковедения, — «Вестник АН СССР», 1957, № 9, стр. 15.

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК СССР
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

**РАБОТА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ВО ВРЕМЯ ЭВАКУАЦИИ В ТАШКЕНТЕ (1942—1944 гг.)
И ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЛЕНИНГРАД**

Разбойничье нападение гитлеровских полчищ на нашу страну не прервало исследований по Востоку, которые проводились в Институте востоковедения АН СССР и в других востоковедных учреждениях и учебных заведениях.

Великая Отечественная война поставила перед советским востоковедением ряд новых задач¹. Прежде всего надо было изучить захватнические планы фашистов в отношении стран Востока, методы колониального проникновения фашистской Германии и милитаристской Японии в страны Азии и Африки. Многие востоковеды, не прекращая своей работы над ранее запланированными темами, приняли участие в капитальных коллективных исследованиях, вскрывающих сущность политики германского фашизма и японского милитаризма в странах Азии. Антифашистские сборники были подготовлены Институтом истории АН СССР, Московским государственным университетом и другими научно-исследовательскими и учебными заведениями. О разрабатываемой тематике этого времени дают некоторое представление названия статей, опубликованных в годы войны: Г. Гельбрас «Крах фашистской авантюры в Иране», Г. Н. Войтинский «Война на Тихом океане» и «Пять лет национально-освободительной войны китайского народа», А. А. Губер «Германский империализм на Дальнем Востоке», А. Л. Гальперин «Экономические ресурсы Японии» и др.

Сотрудники Института востоковедения сразу же после начала войны стали перестраивать не только свою привычную работу, но и жизнь. Многие востоковеды ушли на фронт. Военная блокада Ленинграда, постоянные бомбежки и обстрел сделали невозможным нормальное продолжение научной работы в городе. Советское правительство, придавая огромное значение развитию нашей науки, приняло решение о срочной эвакуации ряда научных учреждений из осажденного Ленинграда. Вместе со многими академическими институтами был эвакуирован и Институт востоковедения.

Для сохранения богатейших рукописных и книжных фондов и архива института в Ленинграде была оставлена группа ученых-востоковедов во главе с А. Н. Болдыревым. Группа должна была также в труднейших условиях Ленинграда сберечь наиболее значительные частные востоковедные библиотеки, сосредоточив их в институте. Так были спасены и пополнили книжный фонд института большие и исключительно ценные библиотеки крупных советских востоковедов — академиков П. К. Коковцова и Ф. И. Щербатского и сохранены личные архивы некоторых востоковедов (во время войны для института была приобретена также библиотека покойного А. Э. Шмидта).

Несмотря на трудности осадного времени, научная жизнь в Ленинграде продолжалась. С 1 апреля 1942 г. под председательством акад. И. Ю. Крачковского, сыгравшего большую роль в спасении научных ценностей Ленинграда во время блокады, начал работу объединенный Ученый совет ряда гуманитарных институтов: востоковедения, истории материальной культуры, языка и мышления, литературы, Ленинградского отделения Института истории, Архива АН². Даже в самые трудные дни блокады продолжались заседания Ученого совета, на котором востоковеды выступали с докладами.

Во время Великой Отечественной войны — на фронтах и в осажденном Ленинграде — погибли многие востоковеды: А. М. Баранов, И. Г. Бендер, А. Я. Борисов, Ю. В. Бунаков, Е. В. Ветошникова, Н. Г. Гельфрейх, А. Н. Генко, И. И. Гинцбург, А. В. Гребенщиков, Г. Г. Гульбин, А. Ф. Елкина, Н. П. Журавлев, А. С. Зимин, П. П. Зубарев, Е. Д. Зюзин, П. П. Иванов, В. Н. Казин, П. К. Коковцов, О. А. Крауш, Е. И. Кузнецова,

И. Н. Леманов, Н. И. Любин, Е. Н. Медовая, А. Э. Муллокандов, А. И. Пономарев, К. И. Разумовский, А. А. Ромаскевич, Б. Т. Руденко, Л. Н. Рудов, Д. В. Семенов, Ф. Е. Старостина, В. П. Таранович, К. К. Флуг, Л. А. Хетагуров, Х. М. Цовикян, А. К. Юрашевская, В. Д. Якимов. В Ленинградском отделении ИВАН висит мемориальная доска, на которой перечислены имена погибших в годы Великой Отечественной войны. Московские востоковеды (Г. Н. Войтинский³, Г. С. Кара-Мурза и др.) также ушли на фронт. Профессор Московского университета, бывший аспирант ИВАН, Г. С. Кара-Мурза заявил: «Не будет свободной Родина — не может быть и науки, поэтому каждый гражданин в такой момент не может сидеть в кабинете. Он должен быть на самой передовой позиции, в самом пламени сражений»⁴. Г. С. Кара-Мурза погиб в 1943 г. Беспартийный профессор Б. Н. Заходер (член Московской группы востоковедов) подал в партийное бюро Московского университета заявление, в котором писал: «Заявляю о своем решительном желании пойти добровольцем на фронт или выполнять любую оборонную работу на любом участке, которая мне будет поручена. Обязуюсь порученное мне дело преданно, не щадя ни сил, ни жизни, выполнять на благо моей Родины»⁵.

Ленинградские востоковеды много сделали для того, чтобы сохранить память о погибших товарищах и завершить их труды. Были собраны (правда, частично) архивы ученых, их библиотеки. В послевоенные годы товарищи и ученики погибших востоковедов подготовили к печати и издали некоторые труды А. М. Баранова, П. П. Иванова, К. К. Флуга и др. Акад. В. М. Алексеев написал некрологи о китаистах Л. Н. Рудове, В. Н. Казине, К. К. Флуге, Ю. В. Бунакове, Н. И. Любине, К. И. Разумовском и Е. Н. Медовой⁶. Акад. И. Ю. Крачковский написал некрологи об арабистах. Памяти погибших товарищей был посвящен III том «Советского востоковедения» (1945).

«Настоящий том „Советского востоковедения“, — писал И. Ю. Крачковский в предисловии к тому, — навсегда останется памятником гордости и скорби для ленинградских востоковедов — гордости, потому что он был закончен работой и набором в суровые дни осажденного Ленинграда осенью 1941 года, скорби, потому что

из восемнадцати авторов, участников его, восьми уже нет в нашей среде... Все они до последней минуты оставались на своем посту, охраняя веками накопленные культурные сокровища Института востоковедения Академии наук СССР и других учреждений Ленинграда. Ни воздушные налеты, ни артиллерийские обстрелы не могли заставить их отойти от научной работы».

В 1942 г. Институт востоковедения почти полностью перебазировался в столицу Узбекистана — г. Ташкент. Место эвакуации было выбрано не случайно. Впервые за время существования института, правда при чрезвычайных обстоятельствах, создавались благоприятные условия для осуществления на практике одной из основных задач, поставленных перед институтом Советским правительством, — расширения научных связей, организации помощи научным кадрам среднеазиатских республик, руководства их работой.

Задачи военного времени, эвакуация института в Узбекистан, распыление научных кадров — все это видоизменило работу Института востоковедения. В научно-исследовательский план были включены только наиболее важные проблемы по языкам, литературе и истории народов советского и зарубежного Востока. А. П. Баранников готовил грамматику хиндустани и переводил «Рамаяну», И. Ю. Крачковский продолжал исследование об арабской географической литературе средневековья, В. В. Струве готовил работу о зороастризме, Н. В. Пигулевская заканчивала монографию «Иран и Византия», Е. Э. Бертельс писал работу о персидской (таджикской) литературе в Средней Азии. Одновременно ученые подготовили и издали серию научно-популярных брошюр: В. В. Струве — «Фашистский антисемитизм — пережиток каннибализма» (М.—Л., 1941), В. Бужевич, А. Дьяков — «Народы Востока против фашизма» (Ташкент, 1943), Т. И. Райнов — «Великие ученые Узбекистана» (Ташкент, 1943) и др. Более интенсивно началась разработка истории Средней Азии (А. Ю. Якубовский, А. А. Семенов и др.).

В республиках Средней Азии ощущалась острая нужда в квалифицированных специалистах. Приезд большой группы ученых-востоковедов, имевших опыт педагогической работы, разработавших методику преподавания восточных языков, уже воспитавших целую

плеяду молодых советских ученых, значительно расширил и, что наиболее важно, повысил уровень подготовки молодых научных кадров в республиках Средней Азии. Сотрудники Института востоковедения не ограничивались только выполнением своих институтских планов — многие преподавали в университетах и институтах, активно участвовали в разработках важных проблем, которые проводились в научно-исследовательских институтах и других учреждениях Средней Азии. Например, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, А. Н. Кононов, В. И. Беляев и др. вели преподавание восточных языков, читали спецкурсы в Среднеазиатском государственном университете, в пединститутах, руководили аспирантами. Подготовка местных научных кадров велась и в самом Институте востоковедения. Только в 1944 г. было защищено шесть кандидатских диссертаций.

В конце января 1944 г. Институт востоковедения АН СССР провел в Ташкенте совещание по изучению культуры, истории и языка уйгуров⁷. На совещании по изучению уйгуров основной доклад «Уйгуры в истории культурной жизни Средней Азии» сделал проф. А. К. Боровков. С докладом о литературных связях народов Средней Азии в средние века выступил Е. Э. Бертельс (сообщение о «Кудатгу-Билик»). В докладах А. А. Семенова и Д. И. Тихонова рассматривались народные движения в Средней Азии в XIX в., в докладе А. Ю. Якубовского речь шла об истории Турфанского княжества до монгольского завоевания. Об изобразительном искусстве Восточного Туркестана доложила Н. В. Дьяконова. Г. В. Смыкалов дал географо-экономический обзор Восточного Туркестана⁸. Совещание способствовало привлечению внимания ученых к изучению уйгуров и Восточного Туркестана.

На конференции по изучению среднеазиатского фольклора, проходившей с 4 по 13 апреля 1944 г., было заслушано и обсуждено 17 докладов. В. В. Струве («Наследие фольклора древности в поэме Навои „Фархад и Ширин“») широко использовал в своем докладе фольклорный материал, восходящий к эпохе древнего Средиземноморья. Е. Э. Бертельс выступил с докладом «Образ Искендера в поэзии и предании народов Средней Азии», А. А. Семенов — «Восточные сборники рассказов и их отношение к фольклору». Доклад А. К. Боровкова

был посвящен «тюркологической транскрипции». С серией докладов о киргизском фольклоре выступили А. Н. Бернштам, М. И. Богданова, А. А. Валитова, К. Рахматуллин и др.; обстоятельный доклад сделал сотрудник Туркменского филиала АН СССР М. Сакали о туркменской сказке, Х. Т. Зарифов — об изучении узбекского фольклора и Е. М. Пещерова — о ягнобском фольклоре. Конференция, отметив большую работу по изучению фольклора народов Средней Азии, проведенную в годы Отечественной войны Академией наук УзССР, Киргизским и Туркменским филиалами АН СССР, наметила программу дальнейшего сбора фольклорных материалов, публикаций, исследований об особенностях национального фольклора, исторических взаимосвязях фольклора и т. д. Положительным явлением было активное участие ученых Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Казахстана в работе конференции, посвященной изучению среднеазиатского фольклора⁹.

Институт востоковедения участвовал в юбилейных сессиях, посвященных 20-летию УзССР (прочитано пять докладов по филологии), Академии наук УзССР (прочитано семь докладов по филологии и культуре народов Средней Азии) и Среднеазиатского государственного университета (четыре доклада по филологии).

Сотрудники института широко разрабатывали вопросы тюркской филологии, истории и культуры. Таковы исследования члена-корр. АН УзССР А. К. Боровкова по истории узбекского языка, работы проф. А. А. Семёнова по источниковедению Средней Азии XVI в., по истории узбеков эпохи Шейбани-хана, по истории Кокандского ханства в первой половине XIX в. и др. Член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс закончил научно-популярный очерк истории узбекской литературы до XV в., д-р истор. наук И. Н. Винников — исследования по этнографии и языку среднеазиатских арабов, Т. И. Райнов — разработку некоторых вопросов средневековой культуры, в частности античной научной традиции в теории государства ал-Фараби и др.

Структура Института востоковедения сохранилась в том же виде, какой она была в Ленинграде. В состав института входили Турецкий, Индийский, Китайский, Среднеазиатский, Японо-Корейский, Иранский, Арабский и Семито-Хамитский кабинеты.

Пребывание в Ташкенте позволило сотрудникам института организовать с наименьшими затратами научные командировки и чрезвычайно важные экспедиции для изучения истории и культуры народов Средней Азии. Большую помощь в этом начинании ученым оказало правительство УзССР. Для изучения памирских языков и диалектологических особенностей таджикского языка была организована командировка М. С. Андреева на Памир, проведены две диалектологические экспедиции по изучению диалектов Узбекистана, научные командировки И. Н. Винникова и других сотрудников в Бухарскую и Кашкадарьинскую области для изучения языка и быта среднеазиатских арабов.

Одновременно с изучением истории, культуры и языков народов Средней Азии продолжалось изучение зарубежного Востока. Большая часть исследований в этом направлении велась совместно сотрудниками Института востоковедения и специалистами Москвы, Ленинграда и других городов. Институт помимо плановых работ разрабатывал темы и выполнял поручения, имеющие непосредственное практическое, военное и политическое значение. Для подготовки сборника по Индии предполагалось привлечь сотрудников различных учреждений, эвакуированных в Ташкент: М. С. Андреева, Г. Г. Кочерьянца, В. В. Балабушевича, Н. М. Гольдберга, В. М. Штейна и др., посланы были приглашения Д. А. Сулейкину и В. М. Бескровному, из Ашхабада должен был приехать И. М. Рейснер, из Акмолинской области — акад. А. П. Баранников; часть глав должны были написать живущие в Москве А. М. Дьяков и С. М. Мельман. Этот пример наглядно показывает, с какими трудностями столкнулись востоковеды при подготовке страноведческих сборников, как приходилось сколачивать авторские коллективы, объединять востоковедов, разбросанных войной по разным городам Советского Союза.

Кроме научно-исследовательской и педагогической работы сотрудники Института востоковедения вели обширную научную пропаганду, выступали с лекциями и докладами в гражданских учреждениях Ташкента, в воинских частях. С ноября 1943 г. сотрудники института по поручению Ташкентского городского комитета КП(б) Узбекистана начали чтение двух циклов лекций: языки

мира и культура народов Востока. Лекции привлекли внимание широких слоев местной интеллигенции — преподавателей Среднеазиатского государственного университета, пединститута и других учреждений.

Институту удалось установить тесную связь с некоторыми отделениями штаба Среднеазиатского военного округа. Весьма интересной и плодотворной формой связи явились совместные заседания по некоторым вопросам, представляющим интерес как для соответствующих отделов штаба, так и для института. Сотрудники института провели цикл лекций по культуре, религии и истории народов Востока.

Деятельность Института востоковедения в военные годы была положительно оценена правительствами СССР и УзССР. Несколько сотрудников института были награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди награжденных были академики В. М. Алексеев, В. А. Гордлевский, И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс, Н. И. Конрад, а также ведущие востоковеды института Н. В. Пигулевская, П. Е. Ернштедт, В. М. Штейн¹⁰. За большую работу по изучению истории и культуры Узбекистана правительство УзССР присвоило звание заслуженных деятелей науки акад. В. В. Струве и проф. А. К. Боровкову. При создании Академии наук УзССР в действительные члены был избран М. С. Андреев и в члены-корреспонденты профессора А. А. Семенов и А. К. Боровков.

Плодотворная работа Института востоковедения в течение нескольких лет в Узбекистане сыграла положительную роль в оживлении научной работы во всех среднеазиатских республиках. После отъезда ученых ИВАН в Москву и Ленинград в Средней Азии осталась большая группа их учеников. Некоторые ученые, например А. К. Боровков, даже после реэвакуации института востоковедения продолжали жить в Средней Азии. Теснейшую связь с научным миром Узбекистана и Таджикистана до самых последних дней жизни сохранял Е. Э. Бертельс. За годы войны значительно расширились научные контакты востоковедов Москвы и Ленинграда с учеными Средней Азии и Закавказья. Взаимные командировки, участие в общих востоковедных совещаниях, совместная разработка некоторых тем (о творче-

стве Низами и др.) способствовали подъему востоковедения в республиках Средней Азии и в Азербайджане. Частым явлением стал приезд наиболее способных научных сотрудников из республик для прохождения докторантуры или аспирантуры при Институте востоковедения и подготовки диссертаций под руководством Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова и других ученых. И после реэвакуации института в Ленинград продолжалась совместная работа ученых из советских восточных республик и сотрудников ИВАН.

Благодаря знакомству сотрудников Института востоковедения с языками, бытом, памятниками материальной культуры узбеков, таджиков, туркмен и др. возрос интерес ученых к истории и культуре этих народов, расширилась тематика исследований по Средней Азии и прилегающим к ней странам. И как уже говорилось, пребывание Института востоковедения в Ташкенте явилось одной из причин роста молодых востоковедных кадров в Средней Азии, расширения востоковедной работы вообще. Все это помогало созданию востоковедной базы, образованию или укреплению таких центров востоковедения, как Институт востоковедения Академии наук УзССР, Среднеазиатский государственный университет, Таджикский государственный университет и др.¹¹. Силами среднеазиатских востоковедов, с большей или меньшей помощью ученых Москвы и Ленинграда, уже в те военные годы стали разрабатываться планы для написания обобщающих трудов по истории Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Казахстана и других республик, которые вышли в свет в конце 40-х — начале 50-х годов.

Деятельность Института востоковедения во время войны свидетельствует о максимальном использовании знаний ученых-востоковедов в научно-исследовательской, преподавательской, пропагандистско-агитационной и практической работе. Не все отрасли востоковедения в эти трудные для нашей страны годы развивались равномерно. И хотя ряд исследований временно был снят, сотрудники института по возможности стремились продолжать работу по всем отраслям востоковедных знаний.

После реэвакуации в Ленинград основной массы сотрудников Института востоковедения и приема новых

в институте начала постепенно восстанавливаться нормальная рабочая обстановка. Лингвистические темы разрабатывали А. А. Фрейман, А. К. Боровков, Е. Колпакчи, О. П. Петрова; литературные памятники изучали А. П. Баранников («Рамаяна» Тулси Даса) и С. А. Козин («Гесер» и «Сокровенное сказание»); И. Ю. Крачковский занимался историей науки; большое место отводилось исследованиям культурных связей России с Востоком — изучалось влияние на восточные литературы творчества А. М. Горького, А. П. Чехова, И. С. Тургенева и других русских писателей и поэтов. В институте было подготовлено несколько докторских (М. М. Дьяконов, И. М. Лурье, К. Д. Джумалиев) и кандидатских диссертаций (И. М. Дьяконов, Е. М. Пинус, Э. Р. Рыгдылон, Н. А. Мещерский, Е. Г. Саркисов, С. М. Кочетова, Л. И. Лавров, А. Т. Тагирджанов, Н. В. Дьяконова) ¹².

В первые послевоенные годы было издано несколько монографий сотрудников института. В 1946 г. вышла в свет «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи» А. М. Барбанова; изданы «Социально-экономический строй орхоно-енисейских турок VI—VIII вв.» А. Н. Бернштама, «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.» Н. В. Пигулевской, «Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции» А. С. Тверитиновой и др. Возобновилось издание «Советского востоковедения». Очередной III том журнала был подготовлен к набору осенью 1941 г. и издан без изменений в 1945 г. Вскоре были подготовлены и сданы в производство еще несколько томов.

Печатная продукция Института востоковедения свидетельствует о том, что в эти годы изучение истории нового, а особенно новейшего времени, экономики стран Востока, современных литератур, языков и идеологии народов Азии оставалось слабым местом в работе института. Информация о работе Института востоковедения в печати также говорила о некоторой односторонности исследовательской работы в ИВАН. Пожалуй, лучше всего была освещена работа по изучению истории и культуры древнего и раннесредневекового Востока ¹³. Преобладание старой академической тематики объясняется в известной степени отсутствием необходимых кадров экономистов, специалистов по современным литературам и т. д.

В институте стали созываться сессии; сотрудники ИВАН включились в работу различных комиссий, принимали участие в сессиях и конференциях, проводимых совместно с другими организациями. В 1946 г. в ИВАН проходила сессия «Новые данные восточных источников по истории народов СССР», на которой выступили с докладами В. В. Струве, А. А. Фрейман, О. И. Смирнова, И. Ю. Крачковский, Б. Н. Заходер, А. С. Тверитинова, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. Л. Троицкая и О. П. Петрова¹⁴. В работе сессии, посвященной Китайской Народной Республике (1949), приняли участие ученые Ленинграда и Москвы, научные сотрудники академических учреждений, профессора, преподаватели и студенты Ленинградского государственного университета и других высших учебных заведений Ленинграда. Сессию открыл акад. В. В. Струве. С докладами выступили Г. В. Ефимов, З. И. Горбачева, В. М. Алексеев, Л. З. Эйдлин и С. М. Кочетова¹⁵.

Сотрудники Института востоковедения приняли участие в работе научной сессии по вопросам развития национальных языков и письменности СССР, созданной Московским отделением Института языка и мышления 11—14 ноября 1949 г.¹⁶

Отдельные сессии и мероприятия проводились ИВАН совместно с Московской группой института.

Но, несмотря на все попытки оживить работу Института востоковедения, направить ее по нужному руслу, институт работал вяло, тематика не отвечала потребностям времени и задачам развития отношений Советского Союза с Востоком.

На повестку дня выдвигался вопрос о перестройке всей востоковедной работы в нашей стране и реорганизации Института востоковедения.

МОСКОВСКАЯ ГРУППА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Московские востоковеды перед войной объединялись вокруг Сектора колониальных и зависимых стран Института истории АН СССР. Это с самого начала определило характер исследований по новой и новейшей истории стран Востока, а также по экономике азиатских государств. До войны какой-либо специальной востоко-

ведной организации в системе Академии наук в Москве не существовало.

Во время войны часть ленинградских востоковедов переехала в Москву. Это были преимущественно филологи, которые по характеру своих интересов не могли примкнуть к историкам, занимавшимся современными проблемами в Институте истории или в Тихоокеанском институте. Поэтому-то и встал вопрос об объединении всех востоковедов в системе Академии наук. Это тем более было важно, что в связи с войной в Москве значительно сократилась востоковедная работа — здесь не осталось ни одного научного института, который занимался бы непосредственно востоковедением. Московский институт востоковедения, ведущий в основном педагогическую работу, также был эвакуирован из Москвы. Правда, в 1944 г. при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова было организовано отделение Востока на историческом факультете (несколько востоковедных кафедр было также на филологическом факультете). Но отделение Востока, руководимое проф. Б. Н. Заходером, только начинало разворачивать свою работу и не могло быть объединяющим центром, в котором нуждались столичные востоковеды¹⁷.

На отделении Востока исторического факультета Московского государственного университета были три кафедры: Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Здесь преподавались восточные языки, читались курсы по истории стран Востока, литературе, религии, а также велись научные исследования, информация о которых содержится в отчетах Б. Н. Заходера о деятельности этого отделения¹⁸. Здесь были подготовлены и защищены кандидатские диссертации Е. И. Поповым, П. И. Петровым, Л. В. Строевой, А. А. Поповой, Л. Р. Гордон, В. А. Ромодиным, В. Н. Никифоровым и многими другими востоковедами.

Московская группа Института востоковедения (МГИВАН) возникла стихийно. По инициативе акад. И. Ю. Крачковского на еженедельные заседания стали собираться оказавшиеся в Москве востоковеды, главным образом из ИВАН и других академических учреждений. Благодаря энергии И. Ю. Крачковского заседания группы стали популярными и привлекли внимание многих московских востоковедов независимо от того, в каких

учреждениях они работали. Вначале предполагалось, что Московская группа будет носить временный характер в связи с блокадой Ленинграда и эвакуацией ИВАН в Ташкент. В таком виде она и была утверждена Отделением литературы и языка и Отделением истории и философии Академии наук СССР во время совещания востоковедов в октябре 1943 г.

Однако Московская группа оказалась активной и работоспособной, в ее состав вошли некоторые московские востоковеды (с ноября 1943 г. — И. М. Рейснер, с декабря — В. И. Авдиев), организационная роль Московской группы по сплочению востоковедов и развертыванию научных исследований была настолько велика, что Президиум АН СССР принял постановление об организации Московской группы ИВАН (28 декабря 1943 г.). Бюро Отделения литературы и языка совместно с вице-президентом АН СССР акад. В. П. Волгиным предложило президенту АН СССР С. И. Вавилову включить Московскую группу в список структурных учреждений Академии наук по Отделению литературы и языка. Такое постановление было принято 9 февраля 1944 г. Председателем Московской группы был назначен акад. И. Ю. Крачковский.

В течение 1944 г. произошел ряд изменений в личном составе Московской группы. Основатель группы акад. И. Ю. Крачковский и один из ее активных членов, Н. В. Пигулевская, реэвакуировались в Ленинград. В Москве остались члены-корреспонденты Н. И. Конрад (назначенный председателем группы), Е. Э. Бертельс и старший научный сотрудник А. Е. Глускина. В этом же году в состав группы вошли кроме И. М. Рейснера и В. И. Авдиева акад. В. А. Гордлевский и проф. Б. Н. Заходер, из Ташкента были переведены Н. М. Гольдберг и Г. Г. Кочарьянц. Переезд из Ташкента в Москву многих аспирантов-москвичей, прикрепление их к Московской группе, а также начавшийся прием докторантов и аспирантов в Москве сделали группу еще более значительной организацией. К началу 1950 г. в Московской группе вместе с докторантами и аспирантами насчитывалось 36 востоковедов, по существу она уже являлась видным востоковедным научно-исследовательским институтом. Из всего числа аспирантов и докторантов ИВАН в Московской группе было более 50%.

К группе было прикреплено много прикомандированных аспирантов и докторантов из Средней Азии и Закавказья. Московская группа через аспирантуру подготовила более двух десятков востоковедов, специалистов в основном по современным проблемам истории, экономики и культуры стран Востока.

Несмотря на официальное признание Московской группы, отношение к ней в институте было двойственным. Московские сотрудники и руководство Московской группы поставили вопрос о преобразовании группы в Московское отделение ИВАН. Бюро Отделения истории и философии АН СССР, с которым контактировала МГИВАН по работе, поддержало ходатайство (решения отделения от 11 и 13 февраля 1946 г.). Вопрос о переименовании Московской группы в Московское отделение ИВАН обсуждался на Ученом совете ИВАН. Предложение московских ученых было поддержано И. Ю. Крачковским, В. М. Алексеевым, Н. В. Пигулевской, которые считали, что в Москве должен быть академический центр востоковедения и что возражать против организационного объединения московских востоковедов бессмысленно, потому что востоковедение развивается и это неминуемо ведет к возникновению все новых и новых очагов востоковедной науки. Против преобразования группы в Московское отделение ИВАН выступили С. А. Козин, А. К. Боровков и А. А. Фрейман, которые опасались распыления востоковедных сил, разбазаривания ленинградских востоковедных фондов¹⁹ и перемещения общесоюзного центра востоковедения из Ленинграда в Москву. Тем не менее Ученый совет ИВАН 28 марта 1946 г. вынес постановление (за подписью директора института акад. В. В. Струве) о преобразовании Московской группы в Московское отделение Института востоковедения.

В 1948 г. руководство МГИВАН направило на имя президента акад. С. И. Вавилова письмо и проект «Положения о Московской группе ИВАН»²⁰, в котором определялись права и обязанности группы, поскольку, несмотря на решение Ученого совета, статут группы в институте был во многом неопределен. Однако в конце 40-х годов намечалось произвести некоторые преобразования в системе гуманитарных институтов академии, поэтому вопрос о положении МГИВАН был оставлен до

разрешения структурных изменений в гуманитарных отделениях академии.

Московская группа ИВАН тем временем проводила большую организационную и научно-исследовательскую работу. Она созывала сессии, проводила заседания с актуальными повестками дня; сотрудники группы занимались изучением интересных проблем и публикацией источников.

В плане научно-исследовательских работ группы были: публикация в оригинале восточных источников и их переводы (проф. Б. Н. Заходер подготовил «Сияет-наме» Низам аль-Мулька); написание серии статей по теме «Россия и Восток»; подготовка двуязычных словарей (завершение редактирования I тома большого японо-русского словаря, составленного Н. И. Конрадом и А. Е. Глускиной); изучение связей русской литературы с литературами Востока (Н. И. Конрад)²¹.

В связи с юбилеем А. П. Чехова группой было организовано специальное заседание, посвященное влиянию творчества великого русского писателя на литературу стран Востока. Сотрудники группы приняли участие в работе сессии, посвященной 150-летию со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. Здесь были зачитаны доклады Е. Э. Бертельса «Пушкин и Восток», В. А. Гордлевского «Кто такой Кирджали (историко-фольклорный комментарий)», Л. З. Эйдлина «Пушкин в Китае» и З. Г. Фильштинской (Османовой) «Переводы прозы А. С. Пушкина на персидский язык».

По инициативе И. Ю. Крачковского, неоднократно указывавшего на необходимость серьезного изучения мусульманских источников по истории народов СССР, группе была дана тема «Восточная Европа в средневековой мусульманской письменности», разрабатывать которую начал проф. Б. Н. Заходер.

К концу войны наметилось стремление многих стран Востока встать на путь демократического, независимого развития. Изучение путей и особенностей национально-освободительного и демократического развития, движущих сил, вопроса, кто является гегемоном в движении, стало актуальной задачей советского востоковедения. Сотрудники группы обратились к изучению этой проблематики. Из тем по новейшей истории разрабатывались главным образом индийские (И. М. Рейснер, Г. Г. Ко-

чарьянц, Н. М. Гольдберг), турецкие (А. М. Шамсутдинов) и иранские (П. В. Милоградов).

В связи с этим же возникли темы «Исторические предпосылки демократизации стран Востока» и «Сложение наций и государств на Востоке». Исследование этих проблем было важно для изучения закономерностей социально-экономической эволюции народов Востока, особенно тех восточных государств и народов, которые складывались в непосредственном соседстве от нашей страны. В частности, это относится к Афганистану, двухтомное исследование о котором подготовил крупнейший советский ученый-востоковед И. М. Рейснер (впоследствии работа защищена как докторская диссертация).

Следующая группа изучаемых проблем касалась вопросов идеологии и культуры народов Востока. Советские востоковеды столкнулись с необходимостью показать несостоятельность тенденциозного мнения об изоляции Востока и неучастии народов Азии в формировании современной (имеется в виду буржуазная) мировой культуры. В этом направлении в группе вели работу Е. Э. Бертельс, Н. И. Конрад, Т. И. Райнов и др. В. И. Авдиев продолжал свои исследования по истории и идеологии древнего Египта, А. Е. Глускина начала работать над переводами японского автора VIII в. Манъёсю, Н. И. Конрад изучал историю японской литературы, а Е. Э. Бертельс — историю таджикско-персидской. В. А. Гордлевский работал над завершением очерков о Стамбуле XVI в.

В Московской группе велась также большая работа по словарям: редактировался уже упоминавшийся I том японо-русского словаря А. Е. Глускиной и Н. И. Конрада, большим авторским коллективом составлялся китайско-русский словарь, над которым работал сотрудник группы Л. З. Эйдлин, продолжал работу над русско-таджикским словарем Е. Э. Бертельс.

Однако в плане научных исследований группы было много недостатков, присущих в известной мере и всему Институту востоковедения. В группе были представлены специалисты далеко не по всем отраслям востоковедения. Не было специалистов по Корее, Монголии, странам Юго-Восточной Азии и др. Если в группе были знатоки литературы Японии, Китая и Турции, то специа-

листов по истории и экономике этих стран не было. Индологи и иранисты были представлены в основном историками. Такая неукомплектованность группы безусловно отражалась на ее работе, на выборе тем.

Руководство Московской группы приняло большую группу аспирантов и докторантов, которым были предложены такие темы для кандидатских и докторских диссертаций, которые смогли бы заполнить имеющиеся пробелы в изучении истории, экономики, литературы, идеологии и языков народов Востока. Многие сотрудники Московской группы работали в Московском государственном университете, в Московском институте востоковедения и других учебных и научно-исследовательских учреждениях и по плану этих заведений готовили статьи, монографии, учебники. Так, три сотрудника группы работали над составлением вузовских учебников. В. И. Авдиев составил «Историю Древнего Востока». И. М. Рейснер возглавлял авторский коллектив из профессоров, доцентов и преподавателей Московского университета по составлению учебников новой и новейшей истории стран зарубежного Востока, которые вышли в начале 50-х годов. Учебник по средневековой истории стран Ближнего и Среднего Востока писал Б. Н. Заходер.

Значение Московской группы состояло в том, что она объединила вокруг себя большую часть востоковедов Москвы (за исключением тех, кто занимался тихоокеанскими проблемами и больше тяготел к Тихоокеанскому институту Академии наук). Московские востоковеды охотно посещали еженедельные заседания группы и принимали активное участие в их работе. Московская группа в течение нескольких лет была подлинным центром востоковедения в Москве. По словам акад. И. Ю. Крачковского, «группа показала жизненность, и если не является единственным востоковедным учреждением, то, во всяком случае, является учреждением с хорошим научным тонусом... Группа созывала сессии, делала больше Института востоковедения...»²².

Научные сотрудники, докторанты и аспиранты Московской группы принимали участие в работе многих научных заседаний и сессий, организованных как по инициативе группы, так и других учреждений Академии наук. Так, 18 декабря 1944 г. на объединенном заседа-

нии Отделения литературы и языка АН СССР и Московской группы был отмечен 40-летний юбилей научной деятельности И. Ю. Крачковского. Яркую характеристику крупнейшему советскому арабисту дал В. А. Гордлевский²³. В 1946 г. в Московской группе были прочитаны доклады — И. Ю. Крачковским («Арабская версия повести о Варлааме и Иосафе и ее русский перевод»), В. А. Крачковской («Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике»), В. В. Струве («Датировка династии Хаммурапи»), Е. Э. Бертельсом (о персидском арузе и новых работах, полученных из Ирана)²⁴. В 1948 г. состоялось расширенное заседание группы, посвященное 70-летию И. Ю. Крачковского. В 1950 г. было отмечено 60-летие А. П. Баранникова²⁵. Совместно с Институтом востоковедения еще в 1945 г. были проведены две научные сессии в связи с празднованием 220-летия Академии наук и памяти Б. А. Тураева²⁶, на которых было заслушано и обсуждено 30 докладов.

Большого внимания заслуживали научные сессии, посвященные проблемам развития стран Азии после второй мировой войны.

После многих лет перерыва аграрники вернулись к обсуждению вопросов об аграрных отношениях в странах Востока. На индологической сессии были обсуждены вопросы об экономическом и политическом развитии Индии в период второй мировой войны и о состоянии индийской культуры²⁷. Внимание китаистов привлекла китайская сессия, созданная группой. Одно из заседаний было посвящено подведению итогов исследований по теме «Россия и Восток». Всего на этих сессиях был заслушан 51 доклад.

Очень интересно прошла научная сессия, организованная совместно Отделением литературы и языка и Московской группой 16 мая 1950 г., посвященная замечательному турецкому поэту Назыму Хикмету. Собравшиеся приняли обращение к Назыму Хикмету, томившемуся в то время в турецких застенках и в знак протеста против незаконного содержания в тюрьме объявившему длительную голодовку²⁸.

Деятельность Московской группы Института востоковедения была многообразной. По ее инициативе в 1950 г. был проведен сбор материалов для хроники востоковедной жизни в СССР, что дало возможность

осветить, правда неполно, развитие востоковедения в СССР²⁹.

В первые послевоенные годы советские ученые начинают устанавливать научные контакты с востоковедами стран народной демократии. Одним из первых по приглашению Академии наук посетил Советский Союз в конце 1947 г. видный чехословацкий ученый Ян Рыпка, который прочитал в Московской группе доклады о датах жизни Низами и о некоторых суфийских течениях в современном исламе³⁰.

Из обсуждавшихся в Московской группе работ, вызвавших оживленные прения, следует назвать доклады Б. Н. Заходера «Шах Аббас. К вопросу о социальной сущности позднесредневекового государства на Среднем Востоке», Г. Г. Кочерьянца «Новый этап национально-освободительного движения в Индии», Г. А. Шмидта «Критика буржуазных теорий роста населения Индии», И. С. Брагинского «О периодизации таджикской литературы», диссертацию М. К. Кудрявцева «Происхождение и этнический состав мусульман Северной Индии» (на объединенном заседании сектора Востока Института этнографии им. Миклухо-Маклая и индианистов Московской группы), статью И. С. Брагинского «В стороне от актуальных вопросов» и доклад А. К. Боровкова «За марксистско-ленинскую историю литературы народов Средней Азии и Кавказа», который вскоре стал предметом такого же серьезного обсуждения в Институте востоковедения в Ленинграде.

Вопрос о литературном наследстве народов СССР, например, литературном наследстве таджиков, о причислении литературных произведений, написанных на арабском, персидском и других языках, к арабской, персидской или какой-либо другой литературе без учета исторической обстановки, культурной среды, в которой творил писатель, поэт или ученый, был поставлен на XII пленуме Союза советских писателей. А. Фадеев в своем докладе обратил особое внимание на необходимость создания национальных литератур народов Средней Азии.

Обсуждение поднятой проблемы выявило ошибочные точки зрения некоторых востоковедов, неправильно понимавших развитие отдельных национальных литератур. Впоследствии многие востоковеды пересмотрели свои взгляды на персидскую, таджикскую, арабскую, китай-

скую, индийскую литературы, а также на литературу тюркоязычных народов. Обсуждение показало, что надо глубже разрабатывать конкретные проблемы литературоведения, критически осваивать литературное наследство, не умаляя при этом заслуг народов Востока. Прения по докладу А. К. Боровкова приняли характер большой востоковедной дискуссии, в которой участвовали видные советские ученые — Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, Б. Н. Заходер, М. Турсун-заде, И. М. Рейснер, В. Б. Луцкий, М. Г. Асланов, К. В. Оде-Васильева, Л. И. Климович и др.

Институт востоковедения, потерявший во время войны многих своих сотрудников, испытывал большие трудности в работе после эвакуации. Отчасти поэтому инициатива проведения отдельных мероприятий — научных сессий, коллективных разработок и т. д. — исходила от Московской группы. Доклад А. К. Боровкова «За марксистско-ленинскую историю литературы народов Средней Азии и Кавказа» (с небольшими изменениями) был заслушан на расширенном заседании Ученого совета в Ленинграде. Как и в Москве, вокруг доклада, а больше по обсуждавшимся вообще в эти дни вопросам о литературном наследстве и развитии национальных литератур здесь развернулись прения. С обоснованиями своих взглядов на происхождение отдельных народов, языков и литератур, с критикой существующих теорий по этим вопросам выступили В. В. Струве, В. И. Беляев, И. П. Петрушевский, А. М. Беленицкий, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. Н. Бернштам, А. Н. Болдырев, Д. И. Тихонов, М. М. Дьяконов, И. Ю. Крачковский, А. Ю. Якубовский, Л. И. Климович.

Поднятые на этих дискуссиях вопросы продолжали дискутироваться и в 1949 г. (в Московском государственном университете, в Московском институте востоковедения и на расширенном заседании Ученого совета Тихоокеанского института). На совместном заседании Московской группы и Тихоокеанского института по докладу Е. М. Жукова выступили Е. Э. Бертельс, А. М. Дьяков, Б. Н. Заходер, А. А. Губер, Г. В. Астафьев, Л. В. Позднеева, Н. Н. Коротков, Ф. И. Шабшина (Куликова), Л. З. Эйдлин, В. И. Авдиев, Л. И. Климович, В. Б. Луцкий, А. Ф. Миллер, А. С. Перевертайло, В. С. Колоколов и другие ученые. Своеобразным про-

должением этой дискуссии было обсуждение частного вопроса — о периодизации истории таджикской литературы, поднятого в докладе И. С. Брагинского.

Советское правительство, как уже неоднократно подчеркивалось, уделяло большое внимание развитию востоковедения. Даже в тяжелые годы войны (1943 г.) было проведено заседание Президиума АН СССР по востоковедению, на котором были поставлены вопросы о координации работ между отдельными институтами, изучающими Восток, и обсуждены меры по подъему востоковедной работы в АН СССР. После войны перед востоковедением были поставлены новые, еще более обширные задачи. Окончание Великой Отечественной войны, образование в результате второй мировой войны демократических государств на Востоке, расширение связей Советского Союза с восточными странами ставили перед востоковедением задачи государственного значения. Установление и углубление культурных и экономических связей Советского Союза с азиатскими государствами требовали серьезного изучения истории, экономики, культуры народов Востока; с другой стороны, для укрепления этих связей необходимо было познакомить широкие круги советских читателей с культурой Востока, популяризировать лучшие произведения восточных литератур, содействовать распространению разнообразных знаний о Востоке.

К 1945 г. научная разработка отдельных проблем востоковедения велась в институтах Академии наук СССР, в некоторых филиалах академии (Казахском, Туркменском, Таджикском, Киргизском), в ряде республиканских академий — Азербайджанской, Грузинской, Армянской, Узбекской, а также в высших учебных заведениях — Московском, Ленинградском, Азербайджанском, Среднеазиатском университетах, в Московском институте востоковедения, в Военном институте иностранных языков и т. д.

В системе Академии наук востоковедная работа проводилась в институтах востоковедения, тихоокеанском, антропологии и этнографии, истории, мирового хозяйства и мировой политики, мировой литературы, языкознания, истории материальной культуры (археологии). В Институте антропологии и этнографии работа велась в плане общей этнографии, в Институте истории — в пла-

не создания всеобщей истории, в Институте мирового хозяйства и мировой политики изучались в основном экономические проблемы. Институт языкознания занимался изучением различных восточных языков в плане общего языкознания, а Институт истории материальной культуры производил раскопки в восточных республиках Советского Союза, изучал материальные памятники Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Сибири.

Советская востоковедная наука не могла находиться в стороне от важнейших задач современности, от нее требовалось дать ответ на многие сложные вопросы, касающиеся современного Востока. Институт востоковедения должен был явиться деятельным помощником в установлении дружественных отношений нашей страны со странами Востока. Но изучение истории нового, а особенно новейшего времени, экономики стран Востока, современной литературы народов Азии, языков, идеологии было слабым местом в работе Института востоковедения. В старом своем виде институт не мог осуществить эти задачи, поэтому все настойчивее ставился вопрос о реорганизации востоковедной работы в системе Академии наук СССР. Вопрос о реорганизации востоковедной работы был поставлен еще в 1945 г.

В 1947—1948 гг. был предложен проект создания специального академического института по новой и новейшей истории народов Азии, который занимался бы современной тематикой (27 ноября 1948 г. было принято постановление Президиума АН СССР по этому вопросу). Несколько раз выдвигались планы перевода Института востоковедения из Ленинграда в Москву. Практические задачи, поставленные перед советским востоковедением партией и правительством, требовали расширения востоковедной работы в Советском Союзе, особенно в Москве. А организационные формы, в которых проходила работа Московской группы, мешали развертыванию научных исследований и выполнению ряда практических задач в виде консультаций по востоковедным проблемам и т. д.

Отставание востоковедной работы к концу 40-х годов стало ощущаться особенно остро. В передовой статье журнала «Вопросы истории» (1949, № 4)—«Неотложные задачи советских историков-востоковедов»—отмечалось, что изучение истории Востока — отстающий участок со-

ветской исторической науки, что работы носят узкофилологический, односторонний характер, нет обобщающих работ по истории восточных стран и по отдельным проблемам исторического развития народов Востока и т. д.

О недостатках в работе Института востоковедения был поднят вопрос в статье-рецензии И. С. Брагинского «В стороне от актуальных вопросов», опубликованной 11 января 1950 г. в газете «Культура и жизнь». В статье говорилось, что редколлегия «Советского востоковедения», отражая общую направленность работы Института востоковедения, «избрала для себя позицию в стороне от жизни, от острых и актуальных вопросов».

Московская группа организовала широкое обсуждение статьи И. С. Брагинского³¹. Мнение большинства востоковедов свелось к следующему: необходимо провести полную перестройку всей востоковедной работы, изменить тематику, разрабатывать теоретически важные и политически актуальные вопросы, произвести организационную перестройку института, значительно пополнить институт молодыми кадрами, обеспечив по возможности специалистами по всем странам Востока и по всем профилям работы.

Таким образом, зимой и весной 1950 г. вновь был поднят вопрос о реорганизации востоковедных учреждений в системе Академии наук, причем большинство ученых-востоковедов высказалось за желательность перевода Института востоковедения из Ленинграда в Москву. Постановление Президиума Академии наук СССР летом 1950 г. о переводе Института востоковедения в Москву знаменовало собой начало нового этапа в его истории.

ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Изучение Дальнего Востока представляет большой интерес для Советского государства. Обширные границы нашей страны на Дальнем Востоке, длительные дипломатические и торговые отношения с Китаем, Монголией, Кореей, Японией, комплекс международных проблем на Тихом океане, крупные изменения, происшедшие на Дальнем Востоке в последние десятилетия — победа демократических сил в Монголии, установление народ-

ной власти в Китае, Корее, Вьетнаме, возникновение Республики Индонезии, развитие многих стран Дальнего Востока по новому пути и т. д., — выдвинули изучение стран Дальнего Востока и Тихого океана на первое место в советском востоковедении. С целью изучения дальневосточных и тихоокеанских проблем и был создан Тихоокеанский институт Академии наук СССР.

Тихоокеанский институт возник первоначально не как академическое учреждение.

В 1920 г. по инициативе научных организаций США была создана Тихоокеанская научная ассоциация *PSA (Pacific Scientific Association)*, которая созывала международные конгрессы для обсуждения тихоокеанских проблем объединенными силами ученых разных стран. На III конгрессе в Токио в 1926 г. советская делегация (от Академии наук) была принята в число членов ассоциации. В 1927 г. постановлением Совнаркома был организован Тихоокеанский комитет Академии наук СССР. Перед V конгрессом советский Тихоокеанский комитет, возглавляемый акад. В. Л. Комаровым, предложил вести плановое изучение тихоокеанских проблем и представил расширенную программу научных исследований по океанографии, геодезии и геофизике, по геологии, биологии, ихтиологии, исследованиям морского зверя, антропологии и этнологии и т. д.

С созданием Международного института тихоокеанских сношений (*Institute of Pacific Relations — IPR*) встал вопрос об организации национального Тихоокеанского института СССР, каковой и был учрежден 28 июля 1934 г.³²

Однако Тихоокеанский институт не мог обеспечить изучение важнейших тихоокеанских проблем. Вхождение института в международную организацию предопределило планирование его работ и иногда даже тормозило разработку востоковедной тематики по истории стран Дальнего Востока и международным отношениям в районе Тихого океана. До 1942 г. деятельность института выражалась преимущественно в установлении связей, обмене научной литературой и информацией по тихоокеанским вопросам с *IPR* и другими национальными институтами, а также в представительстве СССР на международных конференциях *IPR*. С 1939 г., с начала второй мировой войны, и особенно во время Оте-

чественной войны, институт фактически не мог сотрудничать с *IPR*, прекратил официальную переписку и уплату членских взносов. Руководство же *IPR* в течение всего военного времени считало Тихоокеанский институт своим членом и продолжало присылать информационные материалы, официальные приглашения на заседания и конференции. А в 1946 г. директор Тихоокеанского института был избран на очередной конференции вице-президентом *IPR*.

Однако к этому времени в положении Тихоокеанского института СССР произошли существенные изменения. Еще в марте 1942 г. Тихоокеанский институт был реорганизован в научно-исследовательский институт, а осенью по распоряжению Совета Народных Комиссаров СССР от 6 ноября 1942 г. был включен в состав Отделения истории и философии Академии наук СССР на правах академического института. Передача Тихоокеанского института в систему Академии наук преследовала в первую очередь задачу расширения и углубления научно-исследовательской работы по вопросам истории, экономики и политики тихоокеанских стран в связи с международными отношениями на Тихом океане³³.

Небольшой штат научных сотрудников, вошедших в Тихоокеанский институт при его переводе в систему Академии наук (Г. Н. Войтинский, А. Л. Гальперин, Н. К. Вайнцвайг, А. С. Перевертайло, А. Я. Климов, Е. Н. Грачева и З. Н. Артэмьева), естественно, не мог справиться с возложенной на него разработкой сложнейших тихоокеанских проблем. Уже с первых лет в работе Тихоокеанского института участвовали научные сотрудники других академических и неакадемических институтов и учреждений: А. А. Губер, А. М. Дьяков, И. С. Звавич, Л. И. Зубок, Л. Н. Иванов, К. М. Попов, Э. Я. Файнберг и др. Большие усилия должны были приложить сотрудники института и привлеченные к работе ученые разных профилей, чтобы исследовать вопросы истории, экономики и политики тихоокеанских стран. Кроме подготовки к печати большого коллективного труда «Война на Тихом океане» в институте изучались следующие темы: «Минеральные ресурсы стран Тихого океана и их переработка» (совместно с Институтом геологии Академии наук), «Международные отношения на Тихом океане в эпоху империализма», «Экономические и людские

ресурсы воюющих стран на Тихом океане», «Положение колониальных и полуколониальных стран Тихого и Индийского океанов и вторая мировая война», «Японские планы установления так называемой сферы взаимного процветания в Восточной Азии и политическое и экономическое положение захваченных Японией стран на Тихом океане». Разрабатывались также темы по истории и экономике отдельных стран — Китая, Японии, Бирмы, Индии и т. д.—«Народно-хозяйственное и культурное развитие МНР», «Англо-японский союз», «Национально-освободительная война и экономика Китая», «Индия во второй мировой войне», «Японский империализм во Внутренней Монголии», «Основные проблемы послевоенной экономической реконструкции Китая», «Голландская Индия во второй мировой войне», «Особые районы Китая в национально-освободительной войне китайского народа», «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм», а после окончания второй мировой войны институт готовил коллективную работу «Колониальная проблема после второй мировой войны».

С июня 1943 г. при Тихоокеанском институте был создан Ученый совет и институт получил право присуждать ученые степени и звания. После войны в институте работало уже несколько десятков человек (включая докторантов и аспирантов).

Последние три года перед реорганизацией востоковедных учреждений Академии наук Тихоокеанский институт продолжал изучать актуальные темы современности и новейшей истории в области социально-экономических и политических проблем стран Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, а также проблем международной политики, значительно расширил тематику исследований, увеличил выпуск печатной продукции и организовал несколько научных сессий и дискуссий. На сессии, посвященной изучению Японии, 20—22 февраля 1947 г. были прочитаны доклады Е. М. Жуковым «Письмо Котоку из тюрьмы в 1910 г.», А. Л. Гальпериным «Из истории японской дипломатии в период русско-японской войны» и К. М. Поповым «Некоторые проблемы послевоенной экономики Японии».

Очень интересно прошла 14—18 июня 1947 г. организованная Тихоокеанским институтом научная сессия,

посвященная изучению Индии, где было заслушано 16 докладов. Доклады акад. А. П. Баранникова «Философские идеи Тулси Даса», акад. В. В. Струве «К вопросу о расшифровке протоиндийских надписей» и член-корр. АН СССР Е. М. Жукова «Межазиатский конгресс в Индии (март—апрель 1947 г.)» опубликованы в 1948 г. (см. «Общее собрание АН СССР 10—13 июня 1947 г.»), а остальные доклады (В. В. Балабушевича, С. М. Мельман, А. М. Дьякова, И. М. Рейснера, Н. М. Гольдберга, К. А. Антоновой, Д. А. Сулейкина, В. М. Бескровного и В. И. Кальянова) составили II том «Ученых записок Тихоокеанского института»³⁴. На сессии были зачитаны также доклады А. А. Губера, А. М. Осипова, С. И. Тюляева и др.

17—19 ноября 1947 г. в институте была проведена научная сессия, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, на которой были заслушаны доклады и сообщения Е. М. Жукова, А. С. Перевертайло, Г. В. Астафьева, А. М. Дьякова, А. А. Губера, Ф. И. Шабшиной, Б. Г. Сапожникова, О. И. Забозлаевой, А. Б. Козоровицкой и др. 27 января—3 февраля 1948 г. в институте прошла дискуссия «О новой демократии в Азии», а в марте 1948 г. — научная сессия, посвященная изучению Китая. Материалы этой сессии (14 докладов и сообщений) составили III том «Ученых записок Тихоокеанского института» («Китайский сборник», М. — Л., 1949).

8—11 июля 1949 г. совместно с Институтом экономики была проведена научная сессия, посвященная проблемам национально-колониального движения после второй мировой войны. На расширенном заседании Ученого совета Тихоокеанского института совместно с Московской группой Института востоковедения в апреле 1949 г. был обсужден вопрос о борьбе с буржуазным космополитизмом в востоковедной науке.

24 августа 1946 г. Президиум АН СССР по просьбе правительства Монгольской Народной Республики принял постановление о совместном написании советскими и монгольскими учеными «Истории Монгольской Народной Республики». С этой целью Тихоокеанский институт направил своих специалистов — И. Н. Устюжанинова и Е. А. Цибилова, а Институт истории материальной культуры — С. В. Киселева в Улан-Батор, где совет-

ские ученые просмотрели свыше 35 тыс. названий разных книг, рукописей и документов, находящихся в Государственной библиотеке и в других библиотеках Монголии, а также в Государственном архиве. И. Н. Устюжанинов, С. В. Киселев и Е. А. Цибилов выявили много ценных материалов по древней и средневековой истории Монголии, ознакомились с археологическими памятниками и письменными источниками. 3 мая 1947 г. в Академии наук была организована Специальная монгольская комиссия, которая 2 декабря 1949 г. созвала конференцию ученых Москвы и Ленинграда для выяснения вопросов, связанных с историей Монголии времен Чингисхана. В результате большой совместной работы советских и монгольских ученых был создан капитальный труд — «История Монгольской Народной Республики» (1952).

Заканчивая этот небольшой обзор работ Тихоокеанского института Академии наук СССР, следует подвести итог: научный коллектив института за сравнительно небольшой срок разработал несколько важных проблем, связанных с историей, экономикой и политикой тихоокеанских стран, издавал «Ученые записки», монографии и сборники статей своих сотрудников и авторов из других научно-исследовательских и учебных учреждений, сплотил вокруг себя большой коллектив востоковедов и подготовил в докторантуре и аспирантуре значительные кадры молодых ученых.

В соответствии с постановлением Президиума АН СССР от 2 августа 1950 г. Тихоокеанский институт полностью вошел в состав Института востоковедения АН СССР.

¹ Пересмотру тематики научно-исследовательских работ применительно к нуждам войны было посвящено расширенное заседание Президиума АН СССР с участием директоров академических институтов (2 октября 1941 г.).

² Г. А. Князев, А. В. Кольцов, Краткий очерк истории Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 122.

³ Б. В. Левшин, Ученые-москвичи — фронту, — в кн. «Беспримерный подвиг». Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, М., 1968, стр. 280.

⁴ «История Московского университета», т. II, М., 1955, стр. 271.

⁵ «Выстояли и победили» (Документы и материалы), М., 1966, стр. 21.

⁶ «Работы академика В. М. Алексеева», — «Памяти советских китаистов, погибших при блокаде Ленинграда», — в кн. «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение литературы и языка АН СССР», М.—Л., 1947, стр. 37.

⁷ Д. Тихонов, Институт востоковедения АН СССР, — «Известия АН СССР ОЛЯ», т. III, вып. 4, 1944, стр. 177.

⁸ Архив ЛОИВАН, ф. 97, оп. 1, д. 156.

⁹ Там же. См. также Д. Тихонов, Институт востоковедения АН СССР, — «Известия АН СССР ОЛЯ», т. III, вып. 4, 1944, стр. 178—181.

¹⁰ «Вестник АН СССР», 1945, № 6.

¹¹ Более подробно о деятельности среднеазиатских учреждений и организаций, занимавшихся востоковедной тематикой в те годы, см. в статьях: Е. Э. Бертельс, Востоковедение в Узбекской ССР, — «Труды МИВ», № 4, стр. 124—129; Б. А. Каррыев, Итоги востоковедческой науки в Туркменистане и перспективы ее развития, — «Известия Туркм. ФАН», 1946, № 5, стр. 35—44; А. П. Поцелуевский, Итоги двух лет языковедной работы в Туркменистане, — там же, стр. 45—49.

¹² Д. Тихонов, Институт востоковедения Академии наук СССР в 1946 г., — «Известия АН СССР ОЛЯ», т. VI, вып. 2, 1947, стр. 167—170.

¹³ И. Амусин, Сектор древнего и раннесредневекового Востока ИВАН, — «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 164—167; его же, Институт востоковедения АН СССР (Деятельность сектора истории древнего Востока в 1948 г.), — там же, 1949, № 3, стр. 192—193.

¹⁴ Д. Тихонов, Институт востоковедения Академии наук СССР 1946 г., — «Известия АН СССР ОЛЯ», т. VI, вып. 2, 1947, стр. 170.

¹⁵ «Вестник АН СССР», 1950, № 2, стр. 66—68.

¹⁶ Там же, стр. 74—80.

¹⁷ Б. Н. Заходер, Отделение Востока исторического факультета Московского университета, — «Исторический журнал», 1945, № 1—2, стр. 107.

¹⁸ Там же.

¹⁹ С 1 января 1945 г. открылся Отдел зарубежного Востока при Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина. В книгохранилище этого отдела к 1949 г. имелось 150 тыс. томов книг и периодических изданий на 32 восточных языках, причем ежегодно фонд Отдела зарубежного Востока увеличивался. Столичные востоковеды таким образом получили в свое распоряжение прекрасное собрание книг по востоковедению (см. Н. Луцкая, Отдел зарубежного Востока Всесоюзной библиотеки имени Ленина, — «Вопросы истории», 1949, № 4, стр. 153).

²⁰ См. Приложения.

²¹ Об изучении древневосточных проблем в Московской группе в 1946—1947 гг. см.: Д. Редер, Московская группа ИВАН, — «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 168—169.

²² Из выступления И. Ю. Крачковского на Ученом совете ИВАН 28 марта 1946 г. (стенограмма заседания). См. Архив Института востоковедения АН СССР (Москва), ф. Московской группы ИВАН.

²³ «Советское востоковедение», т. IV, 1947, стр. 13—18 (этот том посвящен И. Ю. Крачковскому).

²⁴ «В Московской группе Института востоковедения АН СССР», — «Известия АН СССР ОЛЯ», т. VI. вып. 1, 1947, стр. 85—88.

²⁵ «Чествование академика А. П. Баранникова», — «Вестник АН СССР», 1950, № 6, стр. 102—104.

²⁶ Д. Редер, Московская группа ИВАН, — «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 168.

²⁷ Н. М. Гольдберг, Индологическая сессия Московской группы Института востоковедения Академии наук СССР (11.IV—12.V.1946), — «Труды МИВ», сб. 4, 1946, стр. 145—152.

²⁸ «Письмо Назыму Хикмету от участников открытого собрания Отделения литературы и языка и Института востоковедения Академии наук СССР 16 мая 1950 года», — «Вестник АН СССР», 1950, № 5, стр. 53; см. также отчет о сессии, — там же, № 8, стр. 114—115.

²⁹ А. И. Фалина, В Московской группе Института востоковедения, — там же, № 4, стр. 103—105.

³⁰ Там же, 1948, № 3.

³¹ А. И. Фалина, В Московской группе Института востоковедения, — там же, 1950, № 4, стр. 103—105.

³² См. Приложения; «220 лет Академии наук СССР», Справочная книга. М., 1945, стр. 250; «Институт тихоокеанских сношений СССР», — «Тихий океан», 1934, № 1, стр. 217—218.

³³ А. Климов, В Тихоокеанском институте АН СССР, — «Исторический журнал», 1943, № 3—4, стр. 109.

³⁴ «Индийский сборник», М.—Л., 1949.

РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В результате разгрома германского фашизма и японского милитаризма и решающей роли Советского Союза во второй мировой войне создались благоприятные условия для успешной национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки за освобождение от колониального порабощения, за демократические преобразования в своих странах.

Китайский народ под руководством коммунистической партии добился свободы и независимости, создал Китайскую Народную Республику.

Разгром японского милитаризма и освобождение Кореи от японских захватчиков дали возможность корейскому народу создать независимую Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Упорную борьбу против колонизаторов, не желавших мириться с потерей своих владений, вел героический вьетнамский народ.

После длительной борьбы приобрела независимость многомиллионная Индия. Национально-освободительное движение, борьба за свободу и демократические преобразования развернулись в других странах Востока — Индонезии, Иране, в арабских странах — и в Африке. Колониальная система империализма начала распадаться.

Империалистические государства, не желавшие терять свои колониальные владения, но вынужденные считаться с нараставшим национально-освободительным и демократическим движением, стали менять тактику. В одних случаях она сводилась к действиям дипломатического и политического характера (например, расчленение Индии на два государства — Индию и Пакистан, создание различных блоков и пактов и т. д.), в

других — к разного рода экономическим санкциям. Большое значение приобретала идеологическая борьба.

В каждой стране Азии и Африки развернувшееся после второй мировой войны движение принимало свои, отличительные формы. Знание этих форм, причин, обусловивших своеобразие движения, перспектив развития, предвидение возможных поворотов в колониалистской политике империалистических государств становились первоочередной задачей. Советская общественность, Советское государство вправе были ожидать от востоковедов ответа на все эти вопросы.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Постановление Президиума АН СССР «О состоянии научной работы в области востоковедения в институтах Академии наук СССР» положило начало новому этапу в деятельности Института востоковедения.

В постановлении Президиума (от 1 июля 1950 г.) указывалось, что научная работа в области востоковедения, ведущаяся в академических институтах, находится в неудовлетворительном состоянии: Институт востоковедения и Тихоокеанский институт за последние годы не создали крупных научных трудов по актуальным вопросам востоковедения.

Освещение востоковедами истории, экономики, филологии и политики стран современного Востока не отвечало задачам, стоящим перед советской наукой. «В дни, когда на Востоке происходят события всемирно-исторического значения, — отмечалось в постановлении Президиума АН СССР, — когда кризис колониальной системы империализма принял небывало острые формы, подобное отставание советской науки от актуальных проблем востоковедения нетерпимо»¹.

Для объединения научных кадров и коренного улучшения научной работы в области востоковедения, а также обеспечения повседневного руководства Институтом востоковедения со стороны Президиума АН СССР было решено перевести Институт востоковедения из Ленинграда в Москву, ликвидировать Тихоокеанский институт, передать его кадры и часть востоковедов, работавших в других академических учреждениях (в институтах

экономики, истории, языкознания и др.), Институту востоковедения; перевести Институт востоковедения из Отделения литературы и языка в Отделение истории и философии².

Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву. После ликвидации Тихоокеанского института, передачи его кадров реорганизованному Институту востоковедения и перевода в него многих востоковедов, работавших ранее в других академических учреждениях, Институт востоковедения превращался в крупный научный коллектив, которому следовало возглавить и координировать всю востоковедную работу в Советском Союзе.

Была образована новая дирекция института: директор — д-р истор. наук, проф. С. П. Толстов, заместители директора института — д-р истор. наук, проф. В. И. Авдиев, член-корр. АН СССР Е. М. Жуков и канд. истор. наук И. С. Брагинский³.

По новой структуре были созданы следующие сектора: Сектор Китая (зав. В. А. Масленников); Сектор Монголии и Кореи (зав. Г. Д. Санжеев); Сектор Японии (зав. Е. М. Жуков); Сектор стран Юго-Восточной Азии (зав. А. А. Губер); Сектор Индии и Афганистана (зав. А. М. Дьяков); Сектор Ирана (зав. Б. Н. Заходер); Сектор Турции и арабских стран (зав. В. А. Гордлевский); Сектор Советского Востока (зав. Е. Э. Бертельс); Сектор восточных рукописей (исполнял обязанности заведующего Д. И. Тихонов). Ученым секретарем института был назначен С. Д. Дылыков⁴.

При институте были организованы три секции Ученого совета: историческая, экономическая и филологическая.

Директору Института востоковедения С. П. Толстову предложили укомплектовать штат научных работников и разработать план исследовательской работы на 1951 г., предусмотрев в нем в первую очередь подготовку капитальных трудов по новейшей истории, экономике, языкам и литературе стран современного Востока⁵.

В постановлении Президиума АН СССР намечались и основные задачи, которые должны были решить советские востоковеды. Эти задачи были сформулированы в преамбуле к «Перспективному плану работы Института востоковедения Академии наук СССР...» в первом номе-

ре «Кратких сообщений Института востоковедения», вышедшем вскоре после реорганизации института, и сводились к следующему.

«Реорганизованный Институт востоковедения призван возглавить всю работу по коренному улучшению научной деятельности в области всех востоковедных дисциплин. Для этой цели необходимо объединить вокруг института все основные кадры востоковедов, координировать всю востоковедную работу различных научных учреждений и обратить главное внимание на разрешение наиболее важных и актуальных проблем. Эти проблемы выдвигаются ныне самой жизнью.

Советские востоковеды должны заняться углубленным изучением вопросов экономики, политики, национально-освободительной борьбы, всех проблем новой и новейшей истории, языка и литературы современного Востока. Вполне естественно, что изучение этих важнейших проблем должно базироваться на полном и исчерпывающем исследовании всех первоисточников, всего документального материала, обязано стоять на уровне требований, поставленных партией и Советским правительством перед советскими учеными. Углубленная научная разработка этих проблем обязательно должна основываться на серьезном изучении всей истории восточных народов, включая древнюю и средневековую историю, но основной задачей Института востоковедения является изучение проблем современного Востока, а в изучении древнего и средневекового Востока необходимо сосредоточить внимание на вопросах, имеющих актуальное значение. Охватить, проанализировать, творчески переработать и обобщить весь этот огромный фактический материал советские востоковеды смогут лишь на основе марксистско-ленинской методологии. Только применяя эту единственно правильную методологию и руководствуясь историческими решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, можно в полной мере научно осветить и разрешить сложные проблемы востоковедения и разоблачить лженаучные „теории“ реакционной буржуазной ориенталистики»⁶.

На первый план, таким образом, в работах Института востоковедения выдвигались важнейшие теоретические проблемы, связанные с изучением кризиса колониальной системы, национально-освободительного дви-

жения, социально-экономических и культурных преобразований в народно-демократических странах Востока, политики англо-американских империалистов в Азии и Африке.

Перестройка работы института нашла отражение в плане его научно-исследовательских работ на 1951 г. и на вторую послевоенную пятилетку. Новый план работы был направлен на разрешение актуальных задач по изучению современного Востока. Мы уже неоднократно подчеркивали, что планирование научно-исследовательской работы в Институте востоковедения в то время находилось в неудовлетворительном состоянии.

В предыдущих планах основное внимание уделялось филологическим исследованиям, а также изучению древней и средневековой истории. После реорганизации в план института вошли наиболее актуальные задачи, стоящие перед советским востоковедением: изучение проблем современного Востока в области истории, экономики, политики, литературы и языка. Кризис колониальной системы в эпоху империализма, национально-освободительное движение в странах Востока, восточная политика империалистических держав, коллективные труды по истории, экономике и культуре Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Монгольской Народной Республики⁷ — вот те основные проблемы, на которые было нацелено внимание сотрудников института. Одновременно с этим институт уделял внимание исследованиям по древней, средневековой, а также новой истории — возникновению и развитию рабовладельческого и феодального общества на Востоке, вопросам классовой борьбы, истории сельского хозяйства и ремесла, истории средневековых восточных городов, многочисленным проблемам культурного наследия народов Азии и Африки. По наметкам перспективного плана Институт востоковедения должен был продолжить изучение истории культуры народов советских восточных республик, истории русского востоковедения, создать серию словарей, справочников, учебников, издавать исторические и литературные памятники, описания и каталоги рукописей и т. д.

Научный коллектив института, взявшись за выполнение поставленных перед ним задач, столкнулся с рядом трудностей, главная из них — острый недостаток

квалифицированных кадров по многим отраслям востоковедения. Неукомплектованность секторов, отсутствие специалистов по ряду дисциплин (экономике, литературе, языкам) не позволяли приступить к комплексному изучению ряда стран (Арабского Востока, Юго-Восточной Азии, Кореи) и своевременно закончить некоторые запланированные работы⁸.

В секторе Юго-Восточной Азии, где изучались история, экономика, язык и литература Демократической Республики Вьетнам, Индонезии, Малайи, Бирмы, Таиланда, Филиппин, было всего четыре сотрудника. Изучением арабских стран занимались два научных сотрудника. В большинстве секторов не было экономистов. Уже объединение в один сектор специалистов по Турции и арабским странам, Кореи и Монголии, Индии и Афганистану⁹ говорило само за себя¹⁰.

С первых же дней после реорганизации институт вплотную занялся подготовкой кадров через аспирантуру и докторантуру, тщательным подбором специалистов, созданием научно-материальной базы — укомплектованием библиотек. Ленинградская библиотека и рукописный фонд не могли обеспечить потребности института. Возникла необходимость создания специальной востоковедной библиотеки в Москве, которая комплектовалась бы с учетом новой институтской тематики. Потребовалось несколько лет для создания большой востоковедной библиотеки при институте в Москве. Одновременно продолжался рост и ленинградской востоковедной библиотеки, являющейся одной из лучших в Советском Союзе.

Для публикации трудов института было предусмотрено издание «Ученых записок ИВАН» и «Кратких сообщений ИВАН», а также был поставлен вопрос о специальном востоковедном журнале¹¹.

Реорганизация института и значительное изменение тематики научных исследований в области востоковедной науки потребовали длительной, упорной работы руководства института и всего коллектива востоковедов.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИКА РАБОТ ИНСТИТУТА

Перестройка работы института — дело не одного года. Надо было подготовить кадры, разработать новую тематику, создать базу для исследования. Фактически в течение первых лет образования нового Института востоковедения продолжались поиски наиболее правильных путей построения его работы.

Уже первый год деятельности института ознаменовался некоторыми успехами¹²: были изданы три тома «Ученых записок», первый выпуск «Кратких сообщений», «История международных отношений на Дальнем Востоке в 1870—1945 гг.», две монографии, посвященные проблемам современной Индии, — «Индия во время и после второй мировой войны» А. М. Дьякова и «Экономика Индии и политика английского империализма» С. М. Мельман.

Институт продолжал разработку древней и средневековой истории и истории культуры народов Азии. Были изданы работы ленинградских востоковедов — «Хорезмийский язык» А. А. Фреймана и «Византия на путях в Индию» Н. В. Пигулевской. Из трудов по языкознанию, начатых еще до реорганизации Института востоковедения совместно с Институтом языкознания, были опубликованы «Урду-русский словарь» В. Н. Бескровного и В. Е. Краснодембского и «Грамматика монгольского языка» Б. Х. Тодаевой. Одновременно сотрудники института продолжали работать над I томом «Всемирной истории», переданным из Института истории в Институт востоковедения, и главами по истории стран Азии и Африки для последующих томов «Всемирной истории», над томами по Азии и Африки для серии «Народы мира», которые издавались Институтом этнографии им. Миклухо-Маклая, активно участвовали в подготовке статей для Большой советской энциклопедии, в составлении вузовских учебников — «Новая история стран зарубежного Востока» и «История стран Востока в средние века».

В 1952 г. было издано три тома «Ученых записок», шесть номеров «Кратких сообщений», ряд монографий и сборников (А. А. Драгунов «Исследования по грамматике современного китайского языка», К. А. Антонова «Очерки общественных отношений и политического

строю Монгольской Индии эпохи Акбара», М. С. Иванов «Очерки по истории Ирана», «История стран зарубежного Востока в новое время», Ф. И. Шабшина «Народное восстание в Корее в 1919 г.» и др.), два словаря — «Китайско-русский» и «Хинди-русский». Три работы института были отмечены премиями Президиума АН СССР: «История Монгольской Народной Республики», подготовленная коллективом сотрудников Института востоковедения и Института истории материальной культуры АН СССР совместно с Комитетом наук МНР; «Китайско-русский словарь» И. М. Ошанина, выдержавший два издания: в 1953 и 1955 гг.; работа П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов»¹³.

Отдельные научные проблемы явились предметом обсуждения в институте на специальных сессиях и заседаниях. Первая научная сессия, проведенная в институте после реорганизации, была посвящена Китайской Народной Республике¹⁴. В 1950 г. происходило обсуждение характера движения Шамиля и мюридизма. На расширенном заседании Ученого совета Института востоковедения с сообщениями по этому вопросу выступили Е. Э. Бертельс, Б. Н. Заходер, И. С. Брагинский и А. А. Шариф. В 1951 г. в институте были проведены дискуссии об исторических корнях «Гесериады» (монголо-бурято-тибетский народный эпос). Филологическая секция Ученого совета института совместно с китайским сектором института провела в 1951 г. сессию, посвященную основным проблемам изучения китайского языка¹⁵, которая привлекла большую аудиторию. С докладами на сессии выступили Н. И. Конрад, И. М. Ошанин, И. М. Колоколов, В. М. Коротков. В обсуждении проблемы приняли участие Г. Д. Санжеев, Г. Г. Стратонович, Чжан Ожень, Б. К. Пашков, Г. П. Сердюченко. Состоялись дискуссии о научной грамматике восточных языков, о расстановке классовых сил в Индии, периодизации истории; четырехдневная научная конференция о характере и особенностях народной демократии в странах Востока, подробно обсудившая особенности происхождения и развития народно-демократических режимов в КНР, КНДР, МНР, ДРВ; научное совещание, посвященное проблемам периодизации истории феодализма на Востоке¹⁶. В 1952 г. состоялись дискуссии о движущих силах национально-освободительного движения народов Ближ-

него и Среднего Востока, историческом значении завоевания Россией Средней Азии.

В 1953 г. Президиум АН СССР, рассматривая отчет Института востоковедения о его работе после реорганизации, принял постановление «О научной деятельности и состоянии кадров Института востоковедения». В постановлении говорилось, что в течение 1951—1952 гг. институт перестраивал свою работу в соответствии с решением Президиума АН СССР от 1 июля 1950 г., выпустил и подготовил ряд печатных работ, провел несколько научных конференций и дискуссий, на которых были подвергнуты обсуждению важные проблемы филологии, истории и экономики стран советского и зарубежного Востока. Планы научно-исследовательских работ института за отчетный период по количественным показателям были выполнены, но некоторые работы оказались подготовленными на низком идейно-политическом уровне.

На годичном собрании Академии наук в 1953 г. в качестве главного недостатка деятельности Института востоковедения было названо отставание по экономическим и филологическим вопросам¹⁷.

Президиум отметил, что институт не стал еще полным центром научного востоковедения и все еще не способен удовлетворительно разрешать возложенные на него задачи. В институте не хватало специалистов, часть сотрудников была теоретически слабо подготовлена, отсутствовали систематический контроль и проверка качества выполнения работ и т. д. Президиум признал необходимым коренным образом улучшить работу Института востоковедения в свете решений XIX съезда партии и наметил ряд соответствующих мероприятий.

Перед институтом поставили следующие задачи:

«а)• работа над проблемами экономики, истории, литературы и языков Востока; создание капитальных и обобщающих трудов, разоблачающих колониальную политику империализма, освещающих кризис колониальной системы, национально-освободительное и коммунистическое движение в колониальных и зависимых странах; изучение и обобщение политических и экономических процессов, происходящих в странах народной демократии Азии;

б) всесторонняя разработка проблем литературы и

языков зарубежного Востока, особенно Китая, Индии, Японии;

в) систематическое разоблачение буржуазной идеологии, борьба против лженаучных фальсификаций буржуазной ориенталистики, человеконенавистнических расовых „теорий“, оправдывающих колониальную разбой;

г) выпуск научно-популярной литературы, освещающей успехи народной демократии на Востоке, освободительную борьбу народов зависимых и колониальных стран;

д) обеспечение квалифицированной помощи академиям наук союзных республик и филиалам Академии наук СССР по вопросам истории и литературы народов Советского Востока, а также содействие союзным республикам в подготовке кадров-востоковедов»¹⁸.

В постановлении указывалось и на необходимость повысить теоретический уровень подготовки аспирантов, готовить специалистов с более широким профилем, а также провести ряд мероприятий по уточнению планов научно-исследовательской работы, подбору и расстановке кадров, созданию постоянной редколлегии для «Кратких сообщений».

В центре внимания коллектива была поставлена разработка важнейших теоретических вопросов востоковедения, значительное улучшение практики организации научных конференций по наиболее актуальным проблемам: рабочий класс в борьбе за гегемонию в национально-освободительном движении стран Востока, крестьянство как главный союзник рабочего класса в национально-колониальной революции, национальная буржуазия в колониальных и зависимых странах Востока, единый национальный фронт в странах Востока, характер феодальной собственности на землю, проблема некапиталистического пути развития стран народной демократии на Востоке и др. Был пересмотрен и тематический план института на 1953—1955 гг.¹⁹. Этот пересмотр выразился в значительной актуализации тематики и в направлении внимания всего коллектива научных сотрудников на разработку основных проблем национально-освободительного движения в странах Востока; на подготовку ряда работ по истории, экономике и филологии стран Востока; на разоблачение империализма, в первую очередь американского и английского.

В целях создания наиболее благоприятных условий для выполнения институтом своих основных задач его структура в феврале—марте 1953 г. подверглась некоторому изменению.

Постановлением Президиума АН СССР от 13 февраля 1953 г. была введена новая структура института, предусматривающая создание отделов с двумя секторами в каждом. Если по старой структуре института его основной организационный принцип — комплексность — был осуществлён в пределах одного страноведческого сектора, то по новой структуре комплексность сохранялась в пределах отдела, объединяющего историков и экономистов нескольких смежных стран в один сектор, а языковедов и литературоведов — в другой.

Соответственно этому были созданы три отдела: 1) Дальнего Востока (зав. В. А. Масленников); 2) Индии и стран Юго-Восточной Азии (зав. А. А. Губер); 3) Ближнего и Среднего Востока (зав. И. С. Брагинский).

Кроме отделов было три самостоятельных сектора: истории и культуры Советского Востока (зав. Е. Э. Бертельс); древнего Востока (зав. В. И. Авдиев); в Ленинграде — восточных рукописей (зав. Д. И. Тихонов), а также справочно-информационный отдел и редакционно-издательская группа. В связи с болезнью и большой занятостью С. П. Толстов был освобожден от своих обязанностей, и директором института был назначен В. И. Авдиев, его заместителями — Е. Ф. Ковалев и А. А. Губер, ученым секретарем — П. П. Бушев²⁰.

В 1955 г. директором института был назначен А. А. Губер²¹, его заместителями — Е. Ф. Ковалев и А. М. Шамсутдинов.

Новая структура института, утвержденная в 1953 г., оказалась неудачной и потребовала некоторых изменений как в отношении упразднения отделов, так и разделения секторов. Три отдела института: Дальневосточный, Индии и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, объединяющие по территориальному принципу сектора истории и экономики с секторами языка и литературы, оказались нежизненными. Укрупненные сектора, куда входили специалисты по ряду стран, были бы приемлемы, если бы количество специалистов не превышало 10—15 человек. Если же их оказывалось больше, прак-

тика приводила неизбежно к созданию групп по странам, которые и обсуждали свои вопросы. В связи с этим встал вопрос о пересмотре структуры и переходе к такому научно-организационному построению секторов, которое обеспечило бы наилучшим образом комплексное изучение стран Востока²².

Постановлением Президиума АН СССР от 12 августа 1955 г. была объявлена новая структура института:

1. Сектор истории и экономики Китая (зав. А. С. Перевертайло).

2. Сектор языка и литературы народов Китая (зав. И. М. Ошанин).

3. Сектор истории и экономики Монголии и Кореи (зав. С. Д. Дылыков).

4. Сектор языка и литературы народов Кореи, Монголии, Японии (зав. Г. Д. Санжеев).

5. Сектор истории и экономики Японии (зав. М. И. Лукьянова).

6. Сектор истории и экономики Индии и Юго-Восточной Азии (зав. В. В. Балабушевич).

7. Сектор языка и литературы народов Индии и Юго-Восточной Азии (зав. М. Г. Асланов).

8. Сектор истории и экономики стран Среднего и Ближнего Востока (зав. Б. Н. Заходер).

9. Сектор языка и литературы народов Среднего и Ближнего Востока (зав. В. А. Гордлевский).

10. Сектор истории и культуры народов Советского Востока (зав. Е. Э. Бертельс).

11. Сектор древнего Востока (зав. В. И. Авдиев).

12. Сектор восточных рукописей в Ленинграде (зав. Д. И. Тихонов)²³.

В 1955 г. были созданы группы при секциях Ученого совета. Они возглавлялись избранным Ученым советом председателем, в помощь которому выделялся ученый секретарь. Группы объединяли ученых, заинтересованных в разработке и коллективном обсуждении какой-либо проблемы. При исторической секции было создано пять таких групп (по проблемам средневековья, по истории русского востоковедения, по проблемам формирования наций, по историографии, по изучению освободительного движения). При филологической секции — две (по вопросам лексикографии, по транскрипции).

Для лучшей организации научно-исследовательской

работы при секторах института создавались научные кабинеты, в которых сосредоточивалась основная литература по изучаемым странам.

В течение 1953—1955 гг. было принято еще несколько постановлений, направленных на улучшение востоковедной работы, в частности о созыве совещания по восточной филологии, об издании журнала «Советское востоковедение» и др.

В 1955 г. при Президиуме АН СССР было создано общесоюзное филологическое совещание, в работе которого приняли участие востоковеды Москвы, Ленинграда, Казани, Баку, Тбилиси, Еревана, Ташкента, Сталинабада, Ашхабада, Алма-Аты, Фрунзе и других городов. Совещание, отметив отставание восточной филологии, выявило его причины и наметило пути преодоления недостатков в работе востоковедов-филологов.

Необходимо было восстановить изучение тибетологии и семитологии, коптского, амхарского и других языков Африки, приступить к глубокому исследованию языков Южной Индии — тамильского, гуджерати, маратхи, и не изучавшихся до последнего времени языков — пенджаби, бирманского, таи, тагалогского (филиппинского), малайского и др., усилить занятия арабским, корейским и другими современными языками, а также древними — санскритом, древнекитайским, авестийским и др., причем изучение всех языков нужно было вести путем сравнения их, составления исторических грамматик, создания разнообразных словарей и грамматик. Намеченные совещанием мероприятия требовали большого напряжения сил всех ученых, а также привлечения к научной работе молодых специалистов, преимущественно из числа оканчивающих аспирантуру.

С 1955 г. начал издаваться новый востоковедный журнал — «Советское востоковедение». В постановлении Президиума АН СССР об издании журнала «Советское востоковедение» были перечислены его основные задачи: «...разработка актуальных вопросов истории, экономики, политики, культуры, литературы и языков стран зарубежного Востока, в первую очередь — восточных стран народной демократии, а также освещение национально-го вопроса в СССР, хозяйственного и культурного развития республик Советского Востока, проведение творческих дискуссий по важнейшим вопросам востоковедения».

ния, регулярное освещение достижений советских востоковедов, публикация критических обзоров трудов по востоковедению, борьба с буржуазными фальсификаторами в области востоковедения»²⁴.

В состав редколлегий нового журнала вошли известные советские востоковеды: В. В. Струве, А. А. Губер, Е. Э. Бертельс, В. А. Масленников, А. М. Дьяков, И. М. Лемин, А. Ф. Миллер, М. И. Лукьянова, И. С. Брагинский, Е. Ф. Ковалев и А. А. Драгунов.

Отстающим участком было изучение истории, экономики, языка и литературы народов Африки. Особенно значительные пробелы были в изучении африканских языков (не было даже словарей). А между тем после второй мировой войны резко усилилась национально-освободительная борьба в Африке, стали возникать самостоятельные государства, народы Африканского континента, сбросив колониальное иго, выходили на широкую арену международной жизни.

Для лучшей организации и усиления работы по африканистике Президиум АН СССР принял решение сосредоточить изучение истории, экономики, языка и литературы народов арабских стран Африки (Египет, Алжир, Тунис, Марокко и др.) преимущественно в Институте востоковедения, а народов Южной и Центральной Африки — в Институте этнографии²⁵.

В результате проведенных мероприятий востоковедная работа в Академии наук налаживалась.

Постепенно институт набирал темпы в работе. Значительно выросли штаты института: 220 научных сотрудников, из которых историков — 105, экономистов — 37, литературоведов — 25, языковедов — 50. Специалистов по Китаю — 45, по Индии — 44, по странам Ближнего и Среднего Востока — 66²⁶.

С каждым годом росло число публикуемых работ, расширялась тематика исследований. Всего за пятилетие с момента реорганизации была опубликована 71 работа, включая 25 томов «Ученых записок» и «Кратких сообщений».

Не останавливаясь подробно на отдельных темах этих лет, отметим лишь основную проблематику, которой был занят коллектив сотрудников. Основная проблема, объединявшая до 40% всех тем, — это кризис колониальной системы. Сюда включались разделы новей-

шей истории, национально-освободительного движения и экономики стран Востока. Вторая группа проблем — изучение современного языка и литературы стран Востока. Третья — изучение древней, средневековой и новой истории стран Востока. Четвертая — публикация памятников по истории, литературе и языкам.

Институт приступил к составлению очерков по новейшей истории ряда стран Востока: Китая, Индии, Кореи, Японии, Монгольской Народной Республики; справочников о государствах Азии: «Современный Иран», «Современная Турция», «Сирия» и т. д.; подготавливались монографические исследования: коллективные работы «Аграрный вопрос на Востоке» и «Борьба за гегемонию рабочего класса в национально-освободительном движении»; «Крах американской агрессии в Китае» (Г. В. Астафьев), «Экономический строй Китайской Народной Республики» (В. А. Масленников), «Японские монополии в годы второй мировой войны» (М. И. Лукьянова), «Послевоенная экономика Японии» (М. И. Лукьянова), «Борьба вьетнамского народа за национальную независимость» (С. А. Мхитарян) и др.²⁷.

В эти годы остро встал вопрос о филологической работе в Институте востоковедения. Совпавшая с периодом реорганизации языковая дискуссия не могла не отразиться на работе востоковедов — не только лингвистов или филологов в широком смысле слова, но и историков, особенно медиевистов²⁸. Издание уже упоминавшихся работ члена-корр. Академии наук А. А. Фреймана о хорезмийском языке, А. А. Драгунова о современном китайском языке, а также исследование Г. Д. Санжеева по грамматике монгольских языков, подготовка «Очерков по истории японского языка» (Е. М. Колпакчи), «Грамматики современного турецкого литературного языка» (А. Н. Кононов), «Грамматики курдского языка» (К. К. Курдоев) и т. д. говорят о широком использовании сравнительно-исторического метода в востоковедных исследованиях. Постепенно освобождаясь от груза прошлых представлений, советские лингвисты начинали создавать серьезные исследования по общему языкознанию и отдельным лингвистическим проблемам.

В области литературоведения в эти годы разрабатывались проблемы турецкой, таджикско-персидской, сирийской, курдской, индийской, японской, китайской, мон-

гольской литератур. Завершены и изданы в 1955 г. очерки китайской, монгольской и японской современных литератур. Закончены большие монографии И. С. Брагинского: «Таджикская народная поэзия в ее историческом развитии» и «Фольклорные традиции и наследство таджикского народа». Институт подготовил к печати шесть томов произведений покойного академика И. Ю. Крачковского. Выполнялась эта работа по решению Совета Министров СССР.

Большое внимание было уделено подготовке исследований по новой истории Индии и Японии, а также отдельных монографий и сборника документов «Русско-индийские отношения XVII в.», который составлялся сотрудниками института К. А. Антоновой и Н. М. Гольдбергом совместно с работниками Центрального государственного архива древних актов и Архива внешней политики России при МИД СССР.

Средневековая история стран Востока изучалась в меньшем объеме, древняя была представлена в основном работами по египтологии: В. И. Авдиев заканчивал II том «Военной истории Египта», Ю. Н. Перепелкин — «Государственный строй древнего Египта в период Древнего царства». По разделу публикации исторических и литературных памятников институт приступил к серьезной работе. Кроме вышедших уже названных работ под руководством члена-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса началось издание замечательного памятника средневековой литературы — «Шах-наме» Фирдоуси, продолжалось издание перевода «Свода летописей» Рашид ад-Дина, велись подготовительные исследования по «Кутадгу-билиг», «Родословной туркмен» Абуль-Гази и др.²⁹ Заканчивали большой перевод японского памятника VIII в. «Манъёсю» (А. Е. Глускина), арабского — «Ат-Табари» (В. И. Беляев). Впервые в истории советского и русского востоковедения началось полное научное описание рукописных фондов: таджикских и персидских рукописей (Н. Д. Миклухо-Маклай), грузинских (Р. Р. Орбели), монгольских (В. Л. Пучковский), корейских (О. П. Петрова).

Наряду с научно-исследовательской работой не менее важным было проведение научных сессий, конференций и заседаний, посвященных наиболее актуальным и спорным вопросам востоковедения.

Институтом неоднократно проводились заседания в честь юбилейных дат и наиболее значительных событий в Китайской Народной Республике³⁰. После организации Института китаеведения в 1956 г.³¹ многие юбилейные даты (например, десятилетие советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи) отмечались в этом институте³². В Институте востоковедения были проведены: заседания в честь десятой годовщины со дня освобождения Кореи Советской Армией, 10-летия Демократической Республики Вьетнам³³, 50-летия первой русской революции³⁴, годовщины Бандунгской конференции³⁵, 30-летия Монгольской Народной Республики³⁶, научная сессия, посвященная борьбе египетского народа против империалистической агрессии, за мир и независимость³⁷.

23 ноября 1953 г. в институте состоялась научная сессия филологической секции Ученого совета совместно с сектором языка и литературы народов Индии и Юго-Восточной Азии, посвященная проблеме языков и литератур народов Индии (докладчики М. Г. Асланов, А. М. Дьяков и Е. П. Челышев)³⁸.

1—2 июля 1953 г. в Институте востоковедения проводилась специальная научная сессия, посвященная памяти основоположника русского китаеведения, ученого-патриота и общественного деятеля Никиты Яковлевича Бичурина (Иакинфа), столетие со дня смерти которого исполнилось 23 мая 1953 г. Доклады о жизни и творчестве Н. Я. Бичурина, о его заслугах перед русской наукой прочитали В. И. Авдиев, Л. И. Думан, Д. И. Тихонов, Н. В. Кюнер, Б. К. Пашков, А. И. Стадниченко, Л. В. Симоновская и З. И. Горбачева³⁹.

В 1955 г. институт провел очень интересную научную сессию о социалистическом реализме в литературе народов Востока. С докладами выступили И. С. Брагинский, Л. З. Эйдлин, В. И. Иванова, Г. И. Михайлов, В. А. Новикова, Д. С. Комиссаров, В. В. Логунова, Д. И. Юсупов. Подробный отчет о сессии опубликован в 17-м выпуске «Кратких сообщений Института востоковедения»⁴⁰. В 1955 г. Ученым советом института и его секциями были проведены дискуссии: по докладу В. А. Масленникова «Особенности экономического развития колониальных и зависимых стран в эпоху империализма», о периодизации новой истории стран Востока.

28—29 октября была проведена научная сессия, посвященная влиянию первой русской революции 1905—1907 гг. на страны Азии. В этой сессии впервые в институте приняли участие ученые стран народной демократии Дальнего Востока: Китая, Кореи, Вьетнама, МНР, приглашенные Отделением исторических наук АН СССР для участия в научной сессии отделения. Ученые КНР, КНДР, ДРВ сделали на сессии доклады по истории своих стран⁴¹.

В связи со столетием со дня смерти первого бурят-монгольского ученого — востоковеда Доржи Банзарова (1823—1855) Институт востоковедения провел 7 мая 1955 г. сессию. Заседание открылось вступительным словом А. А. Губера, с докладами выступили Г. Д. Санжеев, П. И. Хадалов, Г. И. Михайлов, Н. П. Шастина, Б. К. Пашков. В работе сессии приняли участие представители Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры⁴². Совместно с ним, Бурят-Монгольским педагогическим институтом им. Доржи Банзарова, областной партийной школой, Иркутским и Казанским университетами 25—26 марта юбилейная научная сессия была проведена также в Улан-Удэ⁴³. Институт востоковедения издал сборник трудов «Доржи Банзаров» (составил Г. Н. Румянцев под ред. Г. Д. Санжеева, М., 1955), в котором кроме трудов Банзарова приведены интересные документы. Книга снабжена обстоятельным предисловием и примечаниями.

Очень торжественно был отмечен юбилей великого писателя древней Индии Калидасы. Торжественный вечер (12 ноября 1956 г.) был организован в Колонном зале Советским Комитетом защиты мира, правлением Союза писателей СССР, Академией наук СССР, ВОКСом и Министерством культуры СССР. На вечере присутствовали посол Республики Индии в СССР К. П. Менон, советник индийского посольства П. Ратнам, известный индийский санскритолог и знаток Калидасы проф. Д. Шастри, индийские писатели У. Ашк и Рао. Вступительное слово произнес А. А. Губер, доклад о Калидасе сделал В. И. Кальянов, с речью к собравшимся обратился индийский посол в Москве К. П. Менон. Выступлениями Д. Шастри и У. Ашка закончилась эта интересная сессия⁴⁴.

Сессия, посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена, состоялась в Институте китаеведения 30 ноября 1956 г. С докладами о жизни и деятельности Сунь Ят-сена выступили А. С. Перевертайло, А. Г. Крымов (Куо Шао-тан), В. Н. Никифоров, В. И. Данилов, Е. А. Белов, Н. П. Виноградов и В. А. Масленников⁴⁵.

Специальные заседания в Институте востоковедения были проведены в связи с юбилейными датами выдающихся советских ученых: Н. И. Конрада⁴⁶, В. А. Гордлевского⁴⁷, В. В. Струве (совместно с восточным факультетом Ленинградского университета)⁴⁸, Е. Э. Бертельса⁴⁹, а также передовых представителей дореволюционного русского востоковедения⁵⁰.

Арабский кабинет ЛО ИВАН посвятил свое заседание 23 января 1956 г. памяти крупнейшего советского арабиста И. Ю. Крачковского в связи с пятилетием со дня его смерти. На заседании присутствовали представители общественности Ленинграда, друзья ученого и его ученики, выступившие с научными докладами и сообщениями⁵¹.

Научная сессия, посвященная столетию со дня рождения выдающегося русского египтолога В. С. Голенищева, состоялась в Ленинграде 7—8 декабря 1956 г. После вступительного слова И. А. Орбели с докладами выступили В. В. Струве, В. И. Авдиев, В. В. Павлов, М. А. Коростовцев, И. М. Лурье, Ю. Я. Перепелкин, М. Д. Матье, Д. А. Ольдерогге и Б. Б. Пиотровский⁵².

На многих заседаниях Ученого совета ИВАН, его секций, секторов и отделов обсуждались конкретные проблемы, над которыми работали сотрудники института: например, национальные традиции народов Средней Азии и критика националистических ошибок в работах историков и литературоведов, изучение экономики, литературы и языков стран Востока, характер и особенности народной демократии в странах Востока, о становлении наций на Востоке, о периодизации новой истории Востока и др.

Говоря о дискуссиях и конференциях, нужно отметить, что они способствовали разрешению ряда сложных, малоизученных проблем востоковедения, но не всегда проходили на должном научном уровне. Обсуждение некоторых востоковедных проблем носило скорее

схоластический характер; доклады изобиловали цитатами, в них отсутствовали оригинальные выводы, в обсуждении сказывался догматизм, развившийся под влиянием культа личности.

Последствия культа личности обусловили основные недостатки в работе института. Советская востоковедная наука значительно отстала от требований времени. Важнейшие события на Востоке — образование народно-демократических режимов, усилившийся распад колониальной системы, освобождение многих стран Азии и Африки от империалистической зависимости, национально-освободительная борьба народов Востока и т. д. — оставались нередко без внимания советских востоковедов или истолковывались ими не совсем правильно⁵³. Состояние филологической работы было неудовлетворительным. Поэтому на XX съезде КПСС деятельность института подверглась критике.

Начиная с 1954 г. ЦК КПСС и Советское правительство взяли курс на всестороннее развитие международных связей Советского Союза со странами зарубежного Востока, многие из которых, добившись национальной независимости, нуждались в активной помощи. В этих условиях от советского востоковедения потребовалась своевременная разработка актуальных проблем экономики, философии, права, истории, литературы, языков стран Востока.

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В АКАДЕМИИ НАУК

Президиум АН СССР, учтя суровую, но справедливую критику деятельности Института востоковедения АН СССР на XX съезде и решение ЦК КПСС о необходимости усилить работу востоковедов, принял 7 сентября 1956 г. развернутое постановление «О задачах и структуре Института востоковедения»⁵⁴.

В постановлении отмечалось, что Институт востоковедения должен глубже изучать современное положение в странах Востока, подготовить труды по национально-освободительному движению, кризису колониальной системы; разоблачать реакционные теории буржуазных ученых, оправдывающие колониальный гнет и политику расовой исключительности в отношении некоторых на-

родов; исследовать литературу и языки стран Азии и Африки.

Для выполнения новых, огромной важности сложных задач было решено пополнить штат научных сотрудников высококвалифицированными специалистами; улучшить подготовку аспирантов; организовать поездки аспирантов и сотрудников в страны Азии и Африки; пригласить для консультаций ученых-специалистов из стран Азии и Африки; для издания литературных и исторических памятников народов Востока, для быстреего издания печатной продукции Института востоковедения организовать при институте Издательство восточной литературы.

В 1956 г. в системе Академии наук СССР был организован Институт мировой экономики и международных отношений, который должен был заниматься изучением экономических проблем стран Азии (ранее эта проблематика изучалась в Институте востоковедения). Оба института координировали свою работу⁵⁵.

Научный коллектив Института востоковедения обсудил на заседаниях Ученого совета и на собраниях общественных организаций вопрос о задачах института в свете решений XX съезда КПСС, а также тематику работ и конкретные мероприятия по осуществлению постановления Президиума АН СССР от 7 сентября 1956 г.

Работа института не только подверглась критике, но ему была оказана и существенная помощь: обновлено руководство, значительно усилен штат, расширены помещения, увеличены ассигнования на выпуск иностранной литературы и научные командировки за границу⁵⁶.

Директором института был назначен Б. Г. Гафуров. Его заместителями — Н. А. Дворянков⁵⁷, Р. А. Ульяновский⁵⁸. Институт значительно вырос: он пополнился молодыми кадрами за счет окончивших аспирантуру и вобрал в себя ученых и квалифицированных работников старшего поколения, распыленных по разным учреждениям и ведомствам⁵⁹.

Реорганизация института была проведена в направлении значительного изменения тематики научно-исследовательской работы, что нашло свое выражение в пятилетнем (1956—1960) плане, разработанном институ-

том, а также по линии коренного изменения внутренней структуры института с целью создания бóльших возможностей для глубокого изучения стран Востока.

Постановлением Президиума АН СССР от 7 сентября 1956 г. была принята новая структура Института востоковедения. В институте создавалось 6 отделов (с секторами), построенных по региональному признаку: Отдел стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (зав. Х. Т. Эйбус), сектора: Японии (зав. М. И. Лукьянова), Кореи (зав. Г. Ф. Ким), Монголии (зав. С. Д. Дылыков), Филиппин, Индонезии, Индокитая (зав. В. Я. Васильева); Отдел Китая⁶⁰; Отдел Индии (зав. В. В. Балабушевич), сектора: истории и философии (зав. И. М. Рейснер), экономики Индии (зав. С. М. Мельман), языка и литературы (зав. Е. П. Челышев); Отдел стран Ближнего и Среднего Востока (зав. Б. Н. Заходер), сектора: Ирана (зав. Б. Н. Заходер), Турции (зав. А. М. Шамсутдинов), Пакистана (зав. А. М. Дьяков); Отдел стран Арабского Востока (зав. Е. А. Беляев), сектора: арабских стран Ближнего Востока (зав. И. П. Беляев), арабских стран Северной Африки (зав. Е. А. Беляев); Отдел Африки (зав. И. И. Потехин)⁶¹. Четыре сектора были самостоятельными: древнего Востока (зав. В. И. Авдиев)⁶², конъюнктуры (зав. Б. М. Данциг), публикации памятников и документов народов Востока (зав. Е. Э. Бертельс, с 1957 г. — И. С. Брагинский), современного Востока (зав. Г. Л. Бондаревский). Было создано Ленинградское отделение Института востоковедения, объединившее большинство ленинградских востоковедов. В Ленинграде образованы три сектора: истории, филологии, восточных рукописей. Заведующим Ленинградским отделением был назначен акад. И. А. Орбели.

В 1957—1958 гг. внесены частичные изменения в структуру: из Отдела стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии образовано два отдела⁶³; на базе секторов современного Востока и конъюнктуры создан Отдел международных вопросов⁶⁴; сектор Пакистана был включен в Отдел Индии; создан сектор философии и истории религий. Для лучшей организации и расширения работы в области восточного языкознания в 1957 г. был создан Отдел языков народов Востока (зав. Г. П. Сердюченко) в составе секторов: языков Южного

Китая и Юго-Восточной Азии, тюрко-монгольских и Дальнего Востока (зав. Г. Д. Санжеев), иранских и семитских языков (зав. Н. А. Дворянков).

При Ученом совете были созданы группы по рабочему движению, аграрному вопросу и крестьянскому движению.

Создание в 1957 г. Издательства восточной литературы (директор О. К. Дрейер) разрешило вопрос издания трудов востоковедов в наиболее короткие сроки. Поездки сотрудников и аспирантов института в страны Азии и Африки — знакомство с жизнью народов этих стран, личные наблюдения — дали возможность востоковедам сделать обстоятельные выводы в своих работах. Расширились международные связи востоковедов Советского Союза. В Институт востоковедения стали приезжать ученые из стран народной демократии и капиталистических государств. Впервые советские ученые-востоковеды стали принимать участие в международных конгрессах, съездах и конференциях.

Критика работы советских востоковедов на XX съезде партии заставила востоковедную общественность страны обсудить свою работу, наметить пути устранения недостатков, а также провести ряд мероприятий, обеспечивающих выполнение поставленных перед востоковедением задач⁶⁵. С этой целью была создана Первая всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте (4—11 июня 1957 г.).

В конференции участвовало около 250 востоковедов из Москвы, Ленинграда, из городов Украины, Закавказья и Средней Азии, из Татарской, Дагестанской и Кабардинской автономных республик, а также гости из Китая, Монголии, Кореи, Вьетнама, Польши и Румынии.

Участники конференции прочитали много докладов о развитии советского востоковедения и об основных проблемах востоковедения. Однако, как отметил в своем заключительном слове Б. Г. Гафуров, из большинства докладов явствовало, что основное внимание востоковедов направлено на изучение далекого прошлого и что этот серьезный недостаток необходимо возможно быстрее изжить⁶⁶.

С учетом критики на XX съезде партии, пожеланий Президиума АН СССР и предложений, высказанных на Первой всесоюзной конференции востоковедов, в

Институте востоковедения был разработан новый пятилетний план исследовательских работ на 1956—1960 гг.⁶⁷. Одна из важнейших проблем плана — кризис и распад колониальной системы. О ее значении можно было судить по количеству посвященных ей тем (43 из 224)⁶⁸. Близко к этой проблеме примыкали исследования роли и значения Африки в колониальной системе империализма, экономического и политического развития стран Востока, вставших на путь независимости, и возникновения и развития строя народной демократии в странах зарубежного Востока. В соответствии с планом институт наметил на 1957 г. подготовку ряда монографий, сборников и справочников, освещающих современное состояние стран зарубежного Востока.

Большое место в плане занимали также проблемы возникновения и развития рабовладельческих отношений в странах зарубежного Востока, генезис и развитие феодальных отношений в странах Востока, генезис капитализма и особенности его развития, история востоковедческой науки, развитие общественной мысли в странах зарубежного Востока и роль религий.

В области языкознания была намечена разработка тем, освещающих и анализирующих процесс развития общенародных языков и местных диалектов на разных этапах истории общества и дающих синхронное описание системы современного языка или диалекта; кроме того, была намечена подготовка словарей восточных языков, многие из которых до настоящего времени не изучались в Советском Союзе (например, вьетнамский, южноиндийские и др.).

Исследование восточных языков по пятилетнему плану предполагалось вести в трех направлениях:

закономерности исторического развития общенародных разговорных языков и диалектов;

описательная и историческая лексикография и общая теория лексикографии;

описание фонетического и грамматического строя языков и диалектов.

Литературоведение было представлено комплексом исследований, объединенных общей темой — закономерности исторического развития национальных литератур. Основное внимание литературоведов направлялось на изучение литературного развития в периоды, предшест-

вовавшие образованию национальных литератур; на изучение развития национальных литератур; на определение значения классической литературы в формировании современной прогрессивной литературы и роли литературы в борьбе народов за социализм, за мир и национальное раскрепощение⁶⁹.

Впервые в 50-е годы в плане института большое место стали занимать публикации литературных и исторических памятников. Планом предусматривалось издание письменных источников народов Востока, убедительно показывающих огромную роль и место этих народов в истории мировой культуры, публикации текстов рукописей с переводами и комментариями, а также описаний восточных рукописей. Все это давало возможность ознакомить широкие круги востоковедов с рядом ценнейших и зачастую уникальных письменных памятников, хранящихся в Ленинграде и рукописных хранилищах других городов Советского Союза⁷⁰.

План работы Института востоковедения на 1956—1960 гг. свидетельствовал о большой программе и широком диапазоне исследований, которые должен был осуществить научный коллектив института.

В соответствии с планом сотрудники института вели исследования по всем странам Востока, включая изучение древней, средневековой, новой и новейшей истории, экономики, литературы, культуры, языков и идеологии. Обширный объем исследовательской работы определил значительное увеличение выпуска печатной продукции в виде «Ученых записок», «Кратких сообщений», тематических сборников, монографических исследований, публикаций восточных текстов, переводов памятников и т. д. В 1956 г. было издано 499 авт. л., в 1957 г. — 444, в 1958 г. — 999, в 1960 — 2235 авт. л.

С 1955 г. стал издаваться новой востоковедный журнал — «Советское востоковедение»⁷¹. В январе 1959 г. на базе объединенных журналов «Советское востоковедение» и «Советское китаеведение» был создан журнал «Проблемы востоковедения»⁷² (с 1961 г. он стал называться «Народы Азии и Африки» — главный редактор И. С. Брагинский). Перед журналом стояла задача — освещать актуальные вопросы истории, экономики, политики, культуры, литературы и языков народов стран Азии и Африки, публиковать материалы о жизни трудя-

щихся народно-демократических стран Востока и их борьбе за построение социализма.

С 1957 г. стал выходить новый востоковедный журнал — «Современный Восток» (с 1961 г. он стал называться «Азия и Африка сегодня» — главный редактор Б. Г. Гафуров⁷³), несколько иного профиля, чем «Проблемы востоковедения». Основные цели журнала — освещение современного положения в странах Востока, вопросы общего кризиса капитализма и распад колониальной системы, развитие национально-освободительного движения, деятельность коммунистических и рабочих партий, рост международной солидарности народов восточных стран в борьбе за мир, свободу и независимость, пропаганда опыта социалистического строительства республик Советского Востока и восточных народно-демократических стран, разоблачение идеологической и экономической экспансии империалистических держав на Востоке.

В 1957 г. перестройка работы института в основном была завершена. Определенная актуализация научных исследований, и особенно разработка ряда проблем современного состояния и развития зарубежных стран Востока, несомненно способствовала известному подъему советского востоковедения и свидетельствовала о первых шагах, сделанных на путях реализации решений XX съезда КПСС. В 1957—1958 гг. вышел целый ряд монографий, сборников, справочников, подготовленных институтом⁷⁴.

В 1959 г. были опубликованы первые монографии об аграрных отношениях после войны в Индии, Японии, Иране. Институт проделал большую работу, чтобы ликвидировать отставание в изучении рабочего движения в странах зарубежного Востока. Изучению рабочего движения уделено большое место в упомянутых уже исследованиях по новейшей истории стран Востока. Вышли работы, освещающие положение рабочего класса в Индии, Японии, Турции, странах Африки, Вьетнаме и др.

Определенные успехи были достигнуты в изучении системы международных отношений на Востоке: дружба и сотрудничество СССР и Индии, американская политика в Таиланде, сущность афро-азиатского сообщества.

Естественно, что для подготовки трудов к печати

требовалось время. Но уже в конце 50-х годов были изданы такие ценные исследования, как сборники «Великий Октябрь и народы Востока», «Ленин и Восток», «Аграрные преобразования в народно-демократических странах Востока», «Аграрные отношения в странах Востока», «Народное восстание в Индии. 1857—1859 гг.», «Очерки истории и экономики Юго-Восточной Азии», «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака», библиографии Турции и Индии, документы по истории отношений России со странами Востока, а также многочисленные монографические исследования по актуальным проблемам экономики, истории, литературы и языкам Востока.

Об интенсивной работе советских ученых говорят вышедшие тома «Очерков по истории русского востоковедения», издания трудов академиков И. Ю. Крачковского и В. А. Гордлевского. Институт востоковедения АН СССР принимал участие в подготовке некоторых коллективных трудов, например «Всемирной истории», совместно с другими академическими учреждениями.

Проведенная в соответствии с решениями XX съезда партии и постановлениями ЦК КПСС в 1956—1957 гг. реорганизация института благотворно сказалась на развертывании научно-исследовательской работы во всех отраслях советской востоковедной науки. Более остро и смело стали выдвигаться и доказываться оригинальные точки зрения по вопросам политического положения в странах Востока, экономического развития, идеологической борьбы. Это нашло отражение и в печатной продукции института, а также и в обсуждении ряда вопросов, например о госкапитализме, аграрных преобразованиях, становлении прогрессивных национальных литератур на Востоке и т. п.

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ (1960—1969 гг.)

XXI съезд КПСС открыл новые перспективы в работе института, подчеркнув необходимость дальнейшего изучения современного Востока и, в частности, изучения взаимоотношений Советского государства со странами Азии и Африки.

Для более успешной работы востоковедов было при-

знано целесообразным несколько видоизменить структуру академических востоковедных учреждений.

В 1960 г. на базе Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР были созданы Институт народов Азии АН СССР (с отделением в Ленинграде) и Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР⁷⁵.

В постановлении Президиума АН СССР от 16 декабря 1960 г. «О задачах, структуре и руководстве Института народов Азии АН СССР» указывалось, что основными задачами ИНА следует считать:

а) По несоциалистическим странам Азии — изучение актуальных проблем современного положения и развития этих стран, в первую очередь национально-освободительного движения; кризиса и распада колониальной системы; колониальной политики империализма на современном этапе и новых форм и методов действий колониальных держав; экономического и политического развития стран Азии, вставших на путь независимости; экономических связей стран Азии с капиталистическими и социалистическими странами и международные отношения в Азии; рабочего и крестьянского движения; развития культуры и общественной мысли азиатских народов; исследования по истории народов Азии, их литературе и языкам.

б) По социалистическим странам Азии основное внимание сосредоточить на изучении современных проблем, в первую очередь на социалистическом и государственном строительстве, международных отношениях, развитии социалистической культуры. Проводить также исследования по истории народов этих стран»⁷⁶.

Были внесены некоторые изменения в руководство института. Директором института оставался Б. Г. Гафуров, его заместителями — С. Л. Тихвинский⁷⁷, Р. Т. Ахрамович⁷⁸ и с 1965 г. В. М. Солнцев⁷⁹. Заведующим Ленинградским отделением Института востоковедения был назначен И. А. Орбели, после его кончины — А. Н. Кононов⁸⁰, а впоследствии — Ю. А. Петросян⁸¹.

Постановлением Президиума АН СССР от 10 февраля 1961 г. была утверждена следующая структура института. Регионально-страноведческие отделы: Отдел стран Ближнего и Среднего Востока (зав. В. В. Цыбульский),

сектора: экономики и современных проблем, истории; Отдел арабских стран Азии и Африки (зав. Е. А. Лебедев); Отдел Индии, Пакистана, Цейлона и Непала (зав. В. В. Балабушевич); сектора: экономики и современных проблем, истории⁸²; Отдел стран Юго-Восточной Азии и Океании (зав. Р. А. Ульяновский, с 1963 г. — В. А. Жаров), сектора: экономики и современных проблем, истории; Отдел Китая (зав. С. Л. Тихвинский, с 1966 г. — Р. В. Вяткин, с 1968 г. — Л. П. Делюсин), сектора: социалистического и государственного строительства, современных проблем, истории; Отдел Кореи, Монголии, Вьетнама (зав. Г. Ф. Ким), сектора: социалистического и государственного строительства, истории; Отдел Японии (зав. М. И. Лукьянова)⁸³. Проблемно-отраслевые отделы: международных вопросов (зав. Г. Л. Бондаревский); научной информации (зав. А. А. Вартамян); литературы и публикации памятников народов Азии (зав. И. С. Брагинский, с 1967 г. — Е. П. Челышев), сектора — литературы Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока; Отдел языков народов Азии (зав. Г. П. Сердюченко, с 1964 г. — В. М. Солнцев), сектора: языков Китая и стран Юго-Восточной Азии, тюрко-монгольских языков, индийских и иранских языков, восточных словарей; Отдел древнего Востока (зав. М. А. Коростовцев).

В Ленинградском отделении института было три сектора: Ближнего и Среднего Востока, Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, рукописей.

Новым явлением в структуре института явилось создание проблемных групп. Это позволило сосредоточить усилия ученых разных профилей на изучении важнейших проблем востоковедения, поставленных перед институтом государством. Кроме того, практиковалось временное объединение различных специалистов для создания коллективных монографий по наиболее сложным и малоизученным вопросам.

Одной из первых проблемных групп была организована группа по вопросам рабочего движения⁸⁴ для разработки актуальных проблем, связанных с развитием рабочего движения в странах Азии, издания работ по рабочему вопросу и координации исследований по данной тематике в пределах института (руков. Ю. Н. Розалиев, с 1969 г. — В. И. Киселев). Вскоре была создана

группа финансово-кредитных проблем стран Азии⁸⁵ изучающая вопросы государственного бюджета, кредита и денежного обращения стран Азии (руков. А. И. Динкевич). В 1965 г. начала функционировать группа по изучению аграрно-крестьянских проблем; ее основной задачей была подготовка коллективной монографии по аграрному вопросу и крестьянскому движению в зарубежных странах Азии и Северной Африки (руков. Г. Г. Котовский); в 1967 г. — группа по изучению истории Средней Азии (руков. Н. А. Халфин); в 1968 г. — группа тихоокеанских проблем (руков. К. В. Малаховский)⁸⁶.

С августа 1963 г. начала работу группа по подготовке коллективной монографии по национально-освободительному движению (руков. С. Н. Ростовский). Были созданы группа по изучению национального вопроса в Азии и Северной Африке (руков. Б. Г. Гафуров)⁸⁷, группа географов (руков. В. Г. Зайчиков)⁸⁸, межотдельская творческая группа по изучению современной идеологии стран Востока (руков. А. Д. Литман)⁸⁹, группа письменности народов Востока (руков. А. С. Тверитинова), группа по изучению генезиса капитализма в странах Азии (руков. В. И. Павлов), комиссия по истории востоковедения (председатель И. Я. Златкин) и др.⁹⁰.

В институте имеется Большой ученый совет (председатель — Б. Г. Гафуров) с тремя секциями — исторической (председатель — Г. Ф. Ким), экономической (председатель — М. И. Лукьянова) и филологической (председатель — В. М. Солнцев). На Ученом совете проходят защиты докторских и кандидатских диссертаций, обсуждения научных работ сотрудников, дискуссии по актуальным проблемам востоковедения.

Активизировало работу Ленинградское отделение института. Основная научно-исследовательская работа в Ленинградском отделении проходит в научных кабинетах и проблемных группах. Работой кабинетов руководят следующие ученые: Арабским — П. А. Грязневич, Ближнего Востока — член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская (до 1970 г.), Иранским — З. Н. Ворожейкина, Курдским — К. К. Курдоев, Кавказским — Р. Р. Орбели, Индийским — Г. А. Зограф, Тюрко-монгольским — С. Г. Кляшторный, Китайским — О. Л. Фишман, древнего Востока — М. А. Дандамаев. Проблемно-тематические группы воз-

главляют И. М. Дьяконов (группа древневосточной филологии при кабинете древнего Востока), Л. Н. Меньшиков (группа по описанию и публикации рукописей и ксилографов дальневосточного фонда), В. Н. Горегляд (японская группа), М. И. Никитина (корейская), Е. А. Западова (бирманская), Архивом востоковедов заведовал Д. Е. Бертельс (до 1969 г.), Отделом рукописей — М. П. Волкова.

Профиль научно-исследовательской работы Ленинградского отделения Института народов Азии был уточнен на выездном заседании секции общественных наук Президиума АН СССР, состоявшемся в Ленинграде в октябре 1964 г. В постановлении секции от 19 октября 1964 г. были определены главные направления исследовательской работы. Основная задача отделения — исследование в области истории культуры народов Востока в древности, средневековье и в новое время. Это исследование ведется по следующим направлениям: научное описание и научное издание памятников восточной письменности; зарождение классового общества, особенности развития и смены докапиталистических формаций на Востоке, история письменных языков Востока; закономерности и специфика развития художественной литературы в странах Востока; история идеологических течений на Востоке.

В связи с наличием в хранилищах отделения одной из богатейших в мире коллекций восточных рукописей — первоисточников, содержащих оригинальные письменные памятники культуры народов Востока, — в плане работ важное место занимают научные описания восточных рукописей и научные издания письменных памятников.

После XX съезда КПСС работе по научному описанию восточных рукописей был придан размах, не имеющий аналогии в мировом востоковедении, а начиная с 1960 г. в отделении широко развернулась работа по научному изданию письменных памятников.

При Отделении исторических наук АН СССР создана имеющая международную известность серия «Памятники письменности Востока», основу которой составляют издания, подготовляющиеся в ЛО ИНА АН СССР. Масштабы и высокий научный уровень работ по описанию и публикации памятников письменности Востока в

Академии наук обеспечили нашей стране одно из первых мест в мировом востоковедении. Об этом свидетельствует, в частности, присуждение группе сотрудников Ленинградского отделения — Л. Н. Меньшикову, М. И. Воробьевой-Десятковской, И. С. Гуревич, В. С. Спирину, С. А. Школяру, Б. Л. Смирновой — международной премии им. Станислава Жюльена. Премия присуждена французской Академией надписей и изящной словесности в 1965 г. за комплекс работ по описанию и публикации древних китайских рукописей из Дуньхуана.

В настоящее время значительное число рукописного собрания уже описано в опубликованных каталогах, а оставшаяся часть коллекции описывается по краткой схеме, что дает возможность в короткий срок завершить работу и расширить масштабы изданий письменных памятников, а также исследований частных и общих проблем истории культуры народов Востока.

В области исследования социально-экономической истории стран Ближнего Востока в древности и средние века, древневосточной филологии, памятников среднеиранской письменности и языков, грамматики турецкого и тюркских языков, курдоведения, дуньхуановедения и тангутоведения Ленинградское отделение занимает передовые позиции в мировой науке.

Здесь следует назвать школу В. В. Струве, А. Н. Кононова, Н. В. Пигулевской, И. М. Дьяконова, работы В. А. Лившица, А. Г. Периханян, Л. Н. Меньшикова, Е. И. Кычанова и др.

Отделение постепенно становится одним из важных центров мирового востоковедения. Об этом свидетельствует все возрастающий интерес к трудам сотрудников отделения, все увеличивающийся поток рецензий, приглашений на симпозиумы, конференции и конгрессы, визиты зарубежных ученых.

В настоящее время институт является большим научным коллективом, насчитывающим в своем составе академика, четырех членов-корреспондентов АН СССР, члена-корреспондента АН ТаджССР, более 50 докторов наук и более 400 кандидатов наук. За последние годы в институте защищено много докторских диссертаций (Р. М. Алиев, Р. Т. Ахрамович, К. З. Ашрафян, А. Б. Беленький, Г. Л. Бондаревский, И. С. Брагинский, Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, Л. Г. Гу-

касян, Н. М. Гуревич, Н. А. Дворянков, А. И. Динкевич, И. Я. Златкин, В. П. Илющечкин, Г. Ф. Ким, Д. С. Комиссаров, Ф. И. Куликова, И. А. Латышев, А. И. Левковский, В. А. Лившиц, М. И. Лукьянова, К. В. Малаховский, П. П. Моисеев, С. А. Мхитарян, В. Н. Никифоров, Ю. Н. Розалиев, Б. Г. Сапожников, Н. А. Халфин, В. В. Цыбульский, Е. П. Челышев, А. М. Шамсутдинов, Т. А. Шумовский, Л. З. Эйдлин), четырьмя сотрудниками — В. В. Балабушевичу, Б. М. Данцигу, Л. И. Думану, С. М. Мельман — присвоена степень доктора наук по совокупности опубликованных работ. В 1968 г. на общем собрании Академии наук СССР директор института Б. Г. Гафуров был избран в академики, а С. Л. Тихвинский — в члены-корреспонденты АН СССР.

Все это свидетельствует о качественном росте кадров института, о повышении их научной квалификации.

При институте имеется большая аспирантура — очная и без отрыва от производства. Аспирантуру проходят лица, прикомандированные из Азербайджана, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана и других советских республик Востока. В аспирантуре готовятся экономисты, историки, литературоведы по странам Юго-Восточной Азии, по арабским странам, специалисты по структурной лингвистике, лексикографы и др. За последние 8 лет аспирантуру закончило более 500 человек. Институт в значительной степени укомплектовывается за счет лиц, успешно закончивших аспирантуру.

При составлении проблемно-тематических планов научно-исследовательских работ на 1959—1965 и 1966—1970 гг. Институт востоковедения исходил из задач, которые были поставлены перед советскими востоковедами историческими решениями XXI, XXII и XXIII съездов КПСС.

Основными направлениями научно-исследовательской деятельности института являлись: проблема строительства социализма и некапиталистического пути развития стран Востока; изучение социально-экономического и политического развития стран зарубежного Востока на современном этапе, в том числе рабочего и коммунистического движения; аграрного строя и крестьянского движения; сельского хозяйства, промышленности, финансов, внешнеэкономических связей; национального вопроса и национального движения; борьбы освободившихся

стран за экономическую независимость; международных отношений на Востоке; история общественной мысли и идеологической борьбы в странах Востока на современном этапе; изучение особенностей развития и смены общественных формаций в странах Востока; гражданской истории стран Азии и Северной Африки, культуры, литературы и языков народов Востока, истории древнего Востока; научное описание и издание памятников письменности Востока.

Согласно семилетнему плану все больше научных сил переключалось на изучение экономического, политического и культурного развития стран Востока, завоевавших национальную независимость, их взаимоотношений с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, а также с лагерем империализма. Как отмечалось в одной из статей, анализирующих план научно-исследовательских работ института на 1959—1965 гг., «особенно большое внимание уделяется глубокому изучению и теоретическому обобщению огромного опыта социалистического строительства, накопленного народно-демократическими государствами Азии... В институте будет продолжаться изучение истории национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока в дооктябрьский период. Большое место в проблемно-тематическом плане занимают труды, посвященные анализу проблем кризиса и распада колониальной системы империализма... В плане предусмотрено написание ряда работ по аграрному вопросу и крестьянскому движению в странах зарубежного Востока — как по отдельным странам, так и обобщающих трудов, посвященных положению крестьянства, крестьянскому движению и послевоенным аграрным преобразованиям на Востоке... Одной из важнейших задач научной работы института является изучение экономических, политических и культурных связей социалистического лагеря со странами Востока... Семилетний план предусматривает написание ряда работ, дающих обобщающую характеристику социально-экономических и общественно-политических процессов, развертывающихся в странах Востока в новейшее время. При этом обращается внимание как на выявление общих закономерностей, так и специфических черт современного развития отдельных государств... Весьма большое место в плане научно-исследовательской

работы института отводится изучению закономерностей исторического развития зарубежного Востока... Ряд исследований посвящается различным проблемам древней, средневековой и новой истории стран зарубежного Востока... В центре работы по изучению культуры стран Востока будет находиться подготовка серии однотомников по национальным литературам: от их возникновения до настоящего времени... Одной из важных задач советского востоковедения является изучение общественной мысли народов Востока в ее прошлом и настоящем... основное внимание востоковедов-лингвистов нацелено на ряд современных языков (Южной Индии, Южного Китая и Юго-Восточной Азии), мало исследованных или не изучавшихся в нашей стране. По семилетнему плану намечается составление грамматики таких языков, как индонезийский, вьетнамский, тайский, бирманский и кхмерский»⁹¹.

Советские востоковеды, писал академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков, не отказываются и «от изучения культурно-исторического „фона“, на котором разыгрываются современные события», но стремятся не превращать свои исследования по истории стран Востока в самоцель⁹².

В свете теоретических положений, сформулированных в проекте программы партии и материалов XXII съезда КПСС, была пересмотрена тематика научно-исследовательских работ института в сторону ее дальнейшей актуализации⁹³.

Определяя актуальность той или иной проблемы, нужно исходить из положения, что эта актуальность обуславливается в первую очередь задачами, которые стоят перед нашей партией и мировым революционным движением. Актуальность нельзя сводить к понятию хронологии. Любое исследование должно быть написано на высоком научном и идейном уровне, чтобы, опираясь на него, можно было сделать выводы, полезные для практики, для дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории. Всей своей научно-исследовательской работой институт старался активно помогать партии в решении выдвигаемых ею задач на фронте идеологической борьбы. «Мы стремились, — отмечал в своем докладе директор института Б. Г. Гафуров, — максимально приблизить нашу науку к практическим

потребностям строительства коммунизма, оказывать помощь благородной борьбе ЦК нашей партии и нашему правительству за обеспечение всеобщего мира и безопасности народов»⁹⁴.

Стержнем работы института над современными проблемами стали исследования по новейшей истории стран Востока. Были изданы «Новейшая история Индии», «Очерки новейшей истории Кореи», «Очерки новейшей истории Малайи» и очерки новейшей истории стран Азии, которые до сих пор в значительной степени оставались вне поля зрения советских востоковедов (Непал, Таиланд, Цейлон). Готовились новейшие истории по Турции, Ирану, Афганистану и другим странам Востока.

При изучении новейшей истории стран Востока главное внимание было уделено национально-освободительной борьбе народов Азии и Африки против колониализма, кризису и распаду колониальной системы империализма, аграрному вопросу и крестьянским движениям, национальному вопросу, проблемам экономического развития и так называемой индустриализации развивающихся стран.

Важное место в работах института занимала проблема строительства социализма в странах Востока. Были опубликованы монографии, анализирующие методы и формы социалистических преобразований, осуществляемых в МНР, КНДР, ДРВ. На большом фактическом материале, в значительной мере впервые обобщенном, показана, в частности, роль народно-революционных марксистских партий этих стран в мобилизации трудящихся и руководстве ими в борьбе за строительство социализма на различных этапах народно-демократической революции. Издание этих работ в значительной степени помогло преодолеть наблюдавшееся в последние годы отставание в изучении проблем этого важнейшего направления. Велись исследования по темам: основные тенденции буржуазной философии и идеологическая борьба в современной Индии, по истории общественно-политической мысли Индии в новейшее время, католическая церковь в странах Юго-Восточной Азии, проблемы арабского единства и др.

В связи с новыми задачами подверглась пересмотру расстановка творческих кадров научных сотрудников института. Созданы авторские коллективы, объединяющие

наиболее квалифицированных сотрудников института. Разработка самых важных тем и исследований ведется на коллективной основе. Основная масса творческих работников сосредоточена на наиболее важных темах: лагерь социализма и Восток, история национально-освободительного движения народов Азии и Африки, рабочее движение в странах Азии и Северной Африки, аграрный вопрос и крестьянские движения в странах Азии и Северной Африки, колониальная политика империалистических держав на Востоке, современная литература народов Востока, языки народов Азии и Африки, новые и новейшие истории большого числа стран Азии и Северной Африки⁹⁵.

Идеологический аспект востоковедных исследований серьезно усилился. В связи с этим можно назвать такие исследования, как «Общественно-политическая и философская мысль Индии», «Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана», исследования по проблемам национального социализма в Тунисе, Алжире, ОАР, Индии, Камбодже и Индонезии.

В 1964—1965 гг. в институте разрабатывался новый перспективный план научно-исследовательской работы на 1966—1970 гг.⁹⁶. Новый пятилетний план научно-исследовательских работ предусматривает продолжение разработки ряда важнейших проблем, начатых по предыдущему плану, а также изучение новых вопросов. Были определены основные направления научно-исследовательской работы института на предстоящее пятилетие: теория и практика социалистического строительства в азиатских странах народной демократии; международные отношения в Азии на современном этапе; монополистический капитал Японии и его роль в системе современного капитализма; роль пролетариата, его партии в росте международного рабочего движения, в революционном прогрессе на Востоке; Советский Союз и пути социально-экономического развития стран Азии и Северной Африки; проблемы создания самостоятельной экономики в развивающихся странах; аграрный и национальный вопрос в странах Востока; идеологическая концепция национальных революций и освободительного движения в Азии и Северной Африке; исторические формы и особенности развития общественно-экономических формаций; закономерности развития литературы,

языков, истории общественной мысли и культуры народов Востока.

Сотрудники Института народов Азии добились больших успехов в научно-исследовательской работе. Прежде всего об этом говорит количество продукции, выпущенной Главной редакцией восточной литературы⁹⁷. Всего за 8 лет со дня образования Институт народов Азии издал около 1300 книг, брошюр и сборников общим объемом около 18 тыс. печатных листов.

За плодотворную научную и общественную работу несколько сотрудников института получили ордена Советского Союза: А. А. Вартанян, А. В. Волков, Б. Г. Гафуров, А. М. Дьяков, И. Я. Златкин, Н. И. Конрад, С. М. Мельман, А. С. Перевертайло, Н. П. Савченко, Г. З. Соркин, А. Т. Якимов, многие сотрудники награждены медалями. Н. А. Невскому за монографию «Тангутская филология» посмертно была присуждена Ленинская премия. Звания заслуженных деятелей науки присвоены докторам исторических наук А. М. Дьякову и Ф. И. Куликовой.

Работы сотрудников института заслужили высокую оценку у нашей общественности и за рубежом, где они переведены или переводятся на иностранные языки⁹⁸.

Сосредоточение усилий института на наиболее острых в политическом и сложных в научном отношении темах требовало дальнейшего повышения уровня теоретической работы в коллективе, необходимым условием чего являются творческие конференции, дискуссии и обсуждения. Научный уровень дискуссий значительно вырос. В институте были проведены научные конференции и дискуссии по темам: социально-экономические итоги аграрных реформ в слаборазвитых странах Востока, современные идеологические течения в несоциалистических странах Азии, проблемы некапиталистического развития стран Востока на современном этапе, особенности колониальной политики империализма на современном этапе, столетие со дня основания I Интернационала, состояние исторической науки в МНР, семитские языки, языки народов Юго-Восточной Азии и др.⁹⁹.

В мае 1962 г. Отдел Индии провел дискуссию на тему: политические позиции индийской национальной буржуазии и деятельность ее основных организаций.

Дискуссия помогла выявлению ряда новых процессов

в общественно-политической жизни современной Индии и новых тенденций в различных слоях национальной буржуазии.

Большое внимание было уделено рассмотрению позиций важнейших буржуазных партий и выяснению политического лица ряда региональных политических организаций Индии.

Отдел международных вопросов организовал дискуссию: основные черты современного колониализма и позиция афро-азиатских членов Британского содружества.

Широкая дискуссия была организована по периодизации новой и новейшей истории социалистических стран Востока.

Важным аспектом работы лингвистов института были подготовка и проведение двух крупных научных конференций, состоявшихся в октябре — ноябре 1964 г. и организованных впервые по данной группе языков. Конференция по семитским языкам была посвящена основным отраслям семитологии, как-то: гебраистике, эфиопистике, арабистике, урартоведению, кумранистике и др. В работе конференции принимали участие представители всех основных востоковедных центров Москвы, Ленинграда, Грузии, Азербайджана, Средней Азии. Были прочитаны 64 доклада. Конференция сыграла большую роль в координации научно-исследовательской работы в области исследования древних и современных семитских языков. Особенно важными были доклады по изучению национально-языковой ситуации в странах Азии и Африки.

Конференция по языкам Юго-Восточной Азии посвящалась рассмотрению основных аспектов изучения языков: бирманского, тайского, кхмерского, индонезийского, тагильского, вьетнамского, лаосского и др. Созванная впервые в Советском Союзе конференция показала значительный рост наших научных кадров в области изучения языков Юго-Восточной Азии, расширения сферы языков, ранее не изучавшихся в СССР.

В 1965 г. Ученый совет института провел значительное число научных конференций, дискуссий и обсуждений: памяти Асануму, роль Аун Сана в национально-освободительной борьбе бирманского народа, успехи Бирмы на некапиталистическом пути развития, общее и

особенное в историческом развитии стран Востока, социально-экономическая структура общества и классовая природа наемной рабочей силы в странах Азии и Африки. Специальная научная сессия, проходившая в Москве и Ленинграде, была посвящена И. П. Минаеву — основоположнику отечественной индологии.

24—26 марта 1965 г. в Институте народов Азии состоялось обсуждение, посвященное периодизации литератур народов Востока и явившееся завершающим этапом дискуссии по этой актуальной проблеме современного ориенталистского направления, развернувшейся ранее на страницах журнала «Народы Азии и Африки» и в известной степени позволившей установить основные закономерности литературного процесса в их возникновении, развитии и формировании вплоть до современного состояния. Итогом дискуссии явился сборник статей «Периодизация литератур народов Востока».

В июне 1965 г. в Баку состоялась сессия координационного совета по литературоведению, где обсуждался ряд литературоведческих работ.

Много дискуссий и конференций по наиболее сложным проблемам, разрабатываемым сотрудниками института, прошло и в 1966 г.

На заседаниях Ученого совета института была проведена научная конференция, на которой рассматривались проблемы изучения культуры народов Востока (доклады Н. И. Конрада и В. Н. Карпушина). Состоялась научная дискуссия по национальному вопросу и национальным движениям в странах Востока, вызвавшая оживленный обмен мнениями. Большое внимание научной общественности привлекла научная конференция, посвященная проблемам изучения некапиталистического пути развития стран Востока, а также научные сессии, посвященные 100-летию со дня рождения Сунь Ят-сена и 500-летию путешествия в Индию Афанасия Никитина. В 1966 г. состоялся Международный симпозиум по теоретическим проблемам восточных литератур, в работе которого принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Ташкента, востоковеды Чехословакии, ГДР, Болгарии и Польши. На симпозиуме было заслушано и обсуждено свыше 60 научных докладов по наиболее актуальным проблемам изучения восточных литератур.

Необходимо отметить серьезное научное значение проведенной в конце ноября 1966 г. теоретической конференции «Изучение универсальных и ареальных свойств языков».

На секциях Ученого совета были проведены дискуссии и обсуждения на следующие темы: религия и современная общественная мысль народов зарубежного Востока, продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки, новый этап формирования национальной буржуазии современной Индии.

Значительное число дискуссий и обсуждений состоялось в отделах и секторах института. Так, в Отделе Индии, Цейлона, Пакистана и Непала были проведены дискуссии по проблемам политического развития современной Индии, изменений в организационной структуре Национального конгресса. В Отделе стран ЮВА была проведена дискуссия о социальных структурах стран ЮВА, а также дискуссия, связанная с событиями 30 сентября 1965 г. в Индонезии. В Отделе Китая состоялся симпозиум по вопросам так называемой великой пролетарской культурной революции в Китае. Сотрудники института прочитали более тысячи научных докладов на международных, общесоюзных и институтских конференциях, сессиях, симпозиумах и дискуссиях по различным проблемам востоковедения. Кроме того, прекрасно зарекомендовала себя лекторская группа института: прочитано около 10 тыс. публичных лекций по международному положению, коммунистическому, рабочему и национально-освободительному движению на современном этапе, о положении в различных регионах и странах Востока, по исламу и другой востоковедной тематике.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АН СССР

Международные связи Института народов Азии развивались постепенно.

После второй мировой войны были установлены связи ученых Советского Союза с ориенталистами из стран народной демократии Европы и с учеными МНР, КНР, КНДР и ДРВ.

О содружестве советских и монгольских ученых свидетельствует созданный совместными усилиями том «Истории Монгольской Народной Республики»¹⁰⁰. Некоторые монгольские ученые кончили аспирантуру Института востоковедения, защитили в ИВАН диссертации (Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен и др.). В связи с месячником монголо-советской дружбы, проведенным в МНР с 4 июня по 4 июля 1953 г. «Монгольским обществом культурной связи с СССР», Институт народов Азии вместе с секцией востоковедения ВОКС подготовил выставку новых исследований советских ученых о Монгольской Народной Республике¹⁰¹.

Советские ученые приняли участие в работе двух конференций, проведенных в Китае по реформе китайского письма и нормализации китайского национального литературного языка¹⁰².

На совещании монгольских, советских и китайских ученых в Улан-Баторе в ноябре 1956 г. было принято решение о написании трехтомной «Истории Монгольской Народной Республики». В соответствии с постановлением Президиума АН СССР «О работе по созданию „Истории Монгольской Народной Республики“» в подготовке трехтомной истории принимали участие институты народов Азии, истории материальной культуры, китаеведения, всеобщей истории и Фундаментальная библиотека общественных наук (ФБОН). С монгольской стороны работу проводил Комитет наук МНР¹⁰³.

15—17 октября 1957 г. в Варшаве состоялась конференция востоковедов Польши, Венгрии, СССР, Чехословакии и Югославии по разработке проблемы «Восточные источники по истории стран Восточной и Центральной Европы». Конференция избрала организационный комитет в составе А. Зайончковского (председатель), Бр. Джурджева, Б. Н. Заходера, Л. Фекете и И. Хрбека (организатор созыва ежегодных конференций). Очередная конференция состоялась в 1958 г. в Праге. Советские востоковеды (Б. Н. Заходер, В. И. Беляев, А. С. Тверитинова и др.) начали составление библиографий работ по теме, описание и каталогизацию рукописных восточных коллекций, составление критических текстов. Незадолго перед кончиной Б. Н. Заходер закончил многолетнее исследование (первый том) о каспийском своде известий о народах Восточной Европы.

В. И. Беляев работал над рукописями арабских источников по истории стран Центральной и Восточной Европы.

Установилось научное сотрудничество советских, корейских и вьетнамских ученых¹⁰⁴.

Заметно оживились связи советских востоковедов с учеными капиталистических стран Востока и Запада — Индии, Англии, Франции, США и др. Советские востоковеды приняли участие в работе многих международных и национальных конгрессов и съездов востоковедов.

В 1954 г. советская делегация в составе Е. Э. Бертельса, Б. Н. Заходера, В. Н. Терновского, С. А. Азимджановой и А. Р. Рахимова ездила в Иран на конгресс, посвященный тысячелетию со дня рождения Абу Али ибн Сины (Авиценны)¹⁰⁵. В том же году на ежегодном конгрессе востоковедов в Варшаве советские востоковеды прочитали доклады: М. И. Лукьянова об аграрной реформе в Японии и Н. А. Баскаков о развитии тюркологии в СССР. В следующем 1955 г. в работе очередного конгресса польских востоковедов приняли участие М. Н. Иванова, прочитавшая доклад о национально-освободительном движении в Иране в 1918—1921 гг., и Г. Д. Санжеев, выступивший с докладом «Задачи сравнительно-исторической монголистики»¹⁰⁶.

Впервые в 1954 г. советская делегация выступила с докладами на XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже. Из 24 членов делегации 13 были сотрудниками Института востоковедения. Возглавлял делегацию А. А. Губер. Советские ученые прочитали 27 докладов¹⁰⁷.

В 1955 г. советские ученые участвовали в работе 8-й конференции молодых сиологов в Лейдене (Е. Ф. Ковалев, С. Д. Маркова, М. В. Сафронов), съезда по вопросам филологии и истории стран Восточной Азии (Е. Ф. Ковалев, И. М. Ошанин, С. Е. Яхонтов), съезда историков-античников в Варшаве (И. М. Дьяконов), Всемирного конгресса историков в Риме (А. А. Губер, В. Ф. Васильев)¹⁰⁸, 42-й сессии Индийского научного конгресса (А. А. Губер, Т. С. Захидов)¹⁰⁹, IX конгресса экономистов-аграрников в Хельсинки.

Советские ученые участвовали в работе конференции (Тегеран, 1956 г.), посвященной 700-летию со дня рождения известного средневекового ученого Насредди-

на Туси. С докладами на конференции выступили Б. Н. Заходер и М. Н. Иванова. Группа советских археологов и этнографов — И. И. Потехин, Б. Б. Пиотровский и А. П. Окладников — ездила в Египет¹¹⁰. В этом же году И. И. Потехин, Д. А. Ольдерогге и Г. Ф. Дебец участвовали в работе V Международного конгресса антропологов и этнографов в Филадельфии¹¹¹, а И. Я. Златкин, П. П. Старицына, Н. П. Шастина и А. Т. Якимов — в трехсторонней (МНР, КНР, СССР) конференции в Улан-Баторе.

В 1957 г. советские ученые участвовали в работе многих востоковедных конгрессов и съездов. Советская делегация во главе с Б. Г. Гафуровым была одной из многочисленных на XXIV Международном конгрессе востоковедов, который проходил в Мюнхене (ФРГ). Советские востоковеды прочитали 17 докладов и работали в 11 из 14 секций конгресса¹¹². А. Н. Кононов на VIII конгрессе турецкого лингвистического общества прочитал доклад «Проблема сложноподчиненного предложения в турецком языке» (А. Н. Кононов был избран членом Турецкого лингвистического общества). В. И. Кальянов ездил в Дели на III конгресс Индо-советского общества. На X конференции молодых сиологов в Марбурге (ФРГ) Институт народов Азии представляли четверо ученых¹¹³. 15—17 октября 1957 г. в Варшаве ученые наметили план изучения восточных источников по истории Восточной и Центральной Европы. В Оргкомитет от советских ученых вошел проф. Б. Н. Заходер.

В 1958 г. советские востоковеды продолжали развивать научные контакты: на Международном коллоквиуме по исламу в Лахоре были А. М. Шамсутдинов и Э. Н. Комаров; пять востоковедов во главе с А. К. Боровковым участвовали в работе XIV конгресса немецких ориенталистов в Галле (ГДР), один — в конгрессе по классической филологии в Будапеште; на VII Международной встрече ассириологов в Париже И. М. Дьяконов зачитал доклад «Урартские письма из Кармир-Блура»; Н. В. Пигулевская прочитала доклад «Византийская дипломатия и арабы в VI в.» на XI конгрессе византинистов в Мюнхене и приняла участие в дискуссии на тему «Византийский город».

Следующий год также был богат международными

встречами. В Улан-Баторе (МНР) состоялся I Международный конгресс филологов-монголистов. Г. Д. Санжеев прочитал доклад «Система монгольского глагола», Ю. Н. Рерих — «Тибетские заимствования в монгольском языке», Ц. Б. Цыбендамбаев — «Итоги и задачи дальнейшего изучения бурятских говоров». Возглавлял советскую делегацию Н. А. Дворянков. На I Международном конгрессе по турецкому и исламскому искусству в Анкаре с докладами выступили Ю. С. Яралов («Своеобразие архитектуры памятников Средней Азии VIII—XII вв.») и С. И. Тюляев («Турецкое искусство в музеях Советского Союза»). Г. Ф. Ильин выступил с докладом «Особенности рабовладения в древней Индии» на XX Всеиндийской конференции востоковедов в Бхубанесваре.

Значительно способствовал развитию международных контактов и признанию успехов советского востоковедения XXV Международный конгресс востоковедов, проходивший в 1960 г. в Москве¹¹⁴. В работе конгресса приняло участие около 2 тыс. ученых, представителей 50 стран. На 20 секциях конгресса было зачитано и обсуждено 658 докладов, из них 241 доклад представила советская делегация (58 — сотрудники института). Существенной особенностью XXV Международного конгресса востоковедов явилось более широкое, чем на предшествующих конгрессах, представительство ученых из стран Азии и Африки, а также стран социалистического лагеря. Проведение конгресса в Советском Союзе дало возможность убедительно продемонстрировать диапазон и глубину исследований, свойственные советской науке, ибо включение в состав советской делегации не 20—30 ученых, как это обычно было при проведении конгрессов за рубежом, а 500 делегатов показало, что советское востоковедение является передовым в мировой востоковедной науке.

Проведение конгресса в нашей стране дало также возможность развернуть большую выставку культурных достижений советских республик Средней Азии и Закавказья. Особо следует отметить положительную роль экскурсии делегатов конгресса в Закавказье и Среднюю Азию, где они воочию убедились в расцвете экономики и культуры наших республик, в огромном внимании, которое уделяется как развитию современной культуры,

так и сохранению, реставрации и изучению памятников материальной культуры прошлого.

Одним из важных результатов проведенного в Советском Союзе конгресса явилось воплощение в жизнь положений о том, что в связи с победой национально-освободительного движения на Востоке мировое востоковедение уже не может не уделять самого серьезного внимания проблемам современности. Впервые в истории востоковедных конгрессов в повестке дня многих секций стояли доклады, посвященные современному экономическому развитию стран Востока. Вопреки традиционным взглядам буржуазных ориенталистов, не считающих проблемы национально-освободительного движения объектом востоковедения, эти проблемы широко были представлены как в докладах советских ученых, так и в докладах ученых стран Востока. Обстановка на конгрессе отражала изменения международной обстановки: укрепление мировой социалистической системы и все возрастающее значение Востока в мировой истории и современной политике.

После XXV Международного конгресса роль советского востоковедения и роль Института народов Азии как основного и координирующего центра советской востоковедной науки неизмеримо возросли на международной арене. В 60-х годах ни одно крупное международное мероприятие по изучению прошлого и настоящего народов Востока уже не проходило без участия советских ученых.

Почти одновременно с XXV Международным конгрессом в столице Швеции — Стокгольме проходил XI Международный конгресс исторических наук, в работе которого приняли участие видные советские востоковеды — Е. М. Жуков, А. А. Губер, А. Ф. Миллер, С. Л. Тихвинский, Г. А. Меликишвили и др.¹¹⁵. Советские делегаты прочитали несколько докладов и выступили в прениях. Н. В. Пигулевская в 1960 г. ездила читать лекции в Сорбоннский университет¹¹⁶. В состав советской делегации на VI Турецкий исторический конгресс входили А. А. Али-Заде, А. Ф. Миллер и А. М. Шамсутдинов¹¹⁷.

В начале 1962 г. в Пакистан на Международную конференцию историков выезжали директор института членкорр. АН СССР Б. Г. Гафуров и научный со-

трудник С. С. Баранов. Делегация советских ученых впервые принимала участие в ежегодно проводящейся исторической конференции, на которой присутствовало около ста ученых из различных стран. Б. Г. Гафуров прочитал доклад «О культурных связях народов Средней Азии с народами Пакистана в XVII веке», вызвавший большой интерес участников конференции.

В августе 1962 г. во Франции проходила II Международная конференция по экономической истории, в которой приняли участие советские ученые; Э. Н. Комаров прочитал доклад «Колониальная эксплуатация — причина экономической отсталости слаборазвитых стран». На III Международной конференции по экономической истории (Мюнхен, 1965 г.) выступила О. Н. Барышникова с докладом «Налоги — основной метод бюджетного финансирования слаборазвитых стран».

Директор института Б. Г. Гафуров выезжал на проходивший в Марокко II конгресс Национального союза народных сил.

В 1964 г. советские востоковеды приняли активное участие в важном международном форуме — XXVI Международном конгрессе востоковедов в Дели¹¹⁸, на который собралось 1380 делегатов из 49 стран мира.

Советская делегация (38 человек) представила 33 доклада. Все они были посвящены актуальным проблемам востоковедения¹¹⁹. Оценивая итоги работы XXVI Международного конгресса востоковедов, редакция журнала «Народы Азии и Африки» писала: «Конгресс выявил большое значение трудов советских ученых и востоковедов стран народной демократии, рост авторитета марксистского востоковедения среди ориенталистов всего мира. Это было, в частности, заметно в том положительном отношении, которое проявилось на конгрессе к докладам советской делегации. Старые предрассудки (поддерживавшиеся иногда намеренной фальсификацией фактов) о декларативном характере методологических установок ориенталистов-марксистов уже не пользуются кредитом в среде серьезных ученых как на Востоке, так и на Западе. Растет стремление к контактам и сотрудничеству с советскими востоковедами, интерес к марксистской методологии, начинает осознаваться ее действительная научная ценность, объективность, гума-

нистическая направленность. Недостаточная (хотя бóльшая, чем в прежние годы) распространенность знания русского языка тормозит развитие международных контактов, и, естественно, должны быть найдены пути преодоления этих тормозящих моментов»¹²⁰. При подготовке к очередному конгрессу сотрудники института учли пожелания ученых зарубежных стран издать советские доклады на английском или французском языке и подготовили серию очерков по истории советского востоковедения за 50 лет на английском языке.

Китаисты участвовали в ежегодных конференциях синологов¹²¹; африканисты, уже выделившиеся в самостоятельный институт, — в конгрессах африканистов в Аккре (1962 г.) и Дакаре (1967 г.)¹²²; советские ученые, востоковеды и этнографы — в X (Гонолулу, 1961 г.) и XI (Токио, 1966 г.) Тихоокеанских конгрессах¹²³.

Большая группа сотрудников института (А. С. Тверитинова, Д. С. Комиссаров, М. А. Коростовцев, И. С. Кацнельсон, Г. М. Бонгард-Левин, Л. С. Переломов, Л. С. Васильев, В. В. Трубецкой, В. А. Тюрин, Л. А. Седов и др.) выступила с докладами на международном конгрессе этнографов и антропологов, проходившем в Москве в 1964 г.¹²⁴. Лингвисты института присутствовали на симпозиуме по языкам Юго-Восточной Азии в Лейпциге (1965 г.).

По приглашению иранского правительства на Всемирный конгресс иранистов (Тегеран, 1966 г.) в составе советской делегации ездили сотрудники института И. С. Брагинский, Р. Алиев, М. И. Занд. Официальной задачей конгресса было координирование работ иранистов в международном масштабе для подготовки подробной истории Ирана, включающей в себя историю иранских языков, литературы, науки и изобразительных искусств. Советские делегаты прочитали доклады, вызвавшие большой интерес собравшихся ученых.

Сотрудники института приняли участие в XI Турецком лингвистическом конгрессе (Анкара, 1966 г.) — советскую делегацию возглавлял А. Н. Кононов, в конгрессе балканистов (София, 1966 г.), в XIX съезде польского Общества востоковедов (1966 г.).

Советские литературоведы-иранисты были широко представлены на Международном симпозиуме, посвя-

щенном проблемам современной персоязычной поэзии (Душанбе, 1967 г.)¹²⁵.

Ученые института выезжали также на конференции, съезды и сессии, организованные ЮНЕСКО и различными общественными организациями и посвященные проблемам сохранения мира, планированию в развивающихся странах и др. Б. Г. Гафуров является участником международной конференции круглого стола на тему «Роль Джавахарлала Неру в современном мире», организованной ЮНЕСКО. Институт содействует работе ЮНЕСКО главным образом через советский комитет «Восток — Запад», созданный на базе институтов востоковедения и Африки¹²⁶.

Востоковеды были широко представлены на двух международных конференциях: «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки»¹²⁷ и «Пятидесятилетие Октября и рабочий класс (развитие рабочего класса за 50 лет и его воздействие на мировое революционно-освободительное движение)»¹²⁸.

В разделе «Хроника» журнала «Народы Азии и Африки» все чаще стали встречаться сообщения о поездках ученых Института народов Азии в страны Востока и на международные конференции, съезды, коллоквиумы. В 1962 г. в Демократическую Республику Вьетнам ездили Г. Ф. Ким и А. П. Шилтова; по случаю 1200-летия Багдада в Ираке находились Б. Г. Гафуров, Н. В. Пигулевская и Е. А. Лебедев, выступившие перед иракскими учеными с докладами и сообщениями. В конце 1962 г. сотрудники института присутствовали на I Международном конгрессе африканистов (Аккра, Гана)¹²⁹. Л. И. Мирошников, Р. Алиев, Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко, Е. П. Челышев и др. прочитали в странах Азии, в Европе, в США серию докладов и лекций о советском востоковедении.

Бывая в странах Азии, советские востоковеды работают в востоковедных научных учреждениях, библиотеках и архивах, знакомятся с памятниками культуры народов Востока и получают необходимые консультации у своих коллег.

Международный авторитет института возрос. Как уже говорилось, в 1965 г. сотрудникам Ленинградского

отделения института была присуждена международная французская премия С. Жюльена за лучшие исследования дуньхуанских рукописей. Сотрудники института М. А. Коростовцев и И. С. Кацнельсон избраны почетными иностранными членами Института египтологии Чехословакии, а В. В. Балабушевич и В. И. Кальянов — членами Института индологических исследований в Калькутте. Р. Алиеву присвоено звание профессора Гарвардского университета (США). Г. М. Бонгард-Левин получил предложение вступить в Общество индологических и буддологических исследований в Японии¹³⁰.

В 1962 г. в институте состоялась международная встреча с представителями развивающихся стран, участвовавшими в работе семинара по планированию экономики слаборазвитых стран, специалистами по планированию из Индии, Индонезии, Ирана, Пакистана, Японии, Ганы, Марокко, Сирии и др.

У института установились постоянные связи с рядом научных учреждений за рубежом. По межправительственному научно-культурному соглашению в институте работали ученые из Индии, Турции и других стран Востока¹³¹. В соответствии с договоренностью о безвалютном обмене в институте находились специалисты из Англии, Японии, арабских стран.

В институт приезжает много иностранных гостей, в том числе ученые, общественные деятели, журналисты и др. Часто институт посещают аккредитованные в Москве послы стран Азии и Африки.

В Институте народов Азии побывали и выступили с докладами многие видные ученые из стран Азии, Европы и Америки: французский египтолог Жорж Позенер, японские ученые Оути Цутому, Мисоно Хитоси, Арики Сёитиро, английский китаист Ондеу Донниторн, французский китаист Жан Шено, венгерский иранист Янош Харматта, английский библиограф-востоковед Джеймс Д. Пирсон и десятки других известных ученых-востоковедов.

Институт предоставляет зарубежным ученым для публикации их трудов страницы востоковедных периодических изданий — журналов «Народы Азии и Африки» и «Азия и Африка сегодня».

Одним из показателей развития сотрудничества советских востоковедов с учеными стран Востока являет-

ся издание переводных работ — исследований по истории, экономике стран Азии, по восточным литературам и культуре, написанных зарубежными учеными.

В 60-е годы продолжалось сотрудничество советских ученых с востоковедами социалистических стран по написанию совместных трудов и проведению совместных исследований по некоторым проблемам востоковедения.

Участники третьего международного совещания (Болгария, Венгрия, Польша, СССР и Чехословакия) по проблеме «Восточные источники по истории народов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы» (Москва, 1962 г.)¹³² сочли целесообразным углубить и расширить разработку восточных источников по истории и истории культуры народов Восточной Европы и стран Ближнего и Среднего Востока, а также исторически связанных с ними источников на языках народов Средней Азии и Закавказья, вопросов ближневосточной, средневосточной и среднеазиатской палеографии, дипломатики, исторической терминологии, археологии, эпиграфики, методики научного описания, каталогизирования и издания восточных рукописей и документов. Было намечено производить регулярный обмен планами научных исследований и научной информацией по указанным проблемам сотрудничества и приступить к составлению II тома сборника «Восточные источники по истории народов Восточной Европы» под редакцией А. С. Тверитиновой¹³³ (I том вышел в 1964 г., II том находится в издательстве).

В 60-е годы советские востоковеды кроме совместной разработки восточных источников по истории Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы приняли участие в подготовке и издании (с участием индологов Чехословакии, Польши и ГДР) сборника по культуре и истории древней Индии. По инициативе Восточного института при Университете им. Карла Маркса в ГДР с участием ученых ИВАН СССР был издан сборник «О европейской колониальной политике в Северной Африке и на Ближнем Востоке после второй мировой войны и проблемах неокOLONиализма» (1963). По предложению Института востоковедения Германской академии наук подготовлен совместный сборник, посвященный памяти видного прогрессивного ученого Индии проф. К. Ашрафа.

Советские ученые совместно с чехословацкими востоковедами написали «Историческую грамматику тамильского языка». Подготовка и издание пролегоменов к исторической грамматике тамильского языка явились результатом серьезных научных исследований, выполненных на хорошем теоретическом уровне, и представляют собой первый шаг на пути создания капитального труда — исторической грамматики языка тамиллов.

Для ознакомления советской общественности с научными достижениями в области востоковедения в социалистических странах были изданы сборники «Сообщения польских ориенталистов» (в серии «Зарубежное востоковедение»), содержащие рефераты трудов польских востоковедов (1961), и «Сообщения чехословацких ориенталистов» (1960).

Филологи-корееведы института продолжают совместную работу по составлению «Большого корейско-русского словаря». Работа проводится по международному соглашению ИНА с Институтом языка и литературы АН КНДР. Ученые КНДР пополнили словник словаря новыми неологизмами и фразеологией, проверили научно-техническую терминологию.

Для более успешной совместной разработки некоторых проблем организуются их обсуждения учеными. В 1966 г. состоялся первый симпозиум по теоретическим проблемам восточных литератур. В симпозиуме приняло участие более 150 востоковедов Москвы, Ленинграда, Баку, Ташкента, Тбилиси, а также ученые из ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии¹³⁴. Такие коллективные обсуждения помогают быстрее разрешить ряд неясных вопросов и подготовить к изданию намеченные исследования.

ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ВОСТОКОВЕДНЫХ ПРОБЛЕМ В ИНСТИТУТЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

«Характерной особенностью отечественного востоковедения советского периода является не только создание новых организационных форм для осуществления востоковедных исследований и подготовки специалистов, но и главным образом научное содержание, новый подход к предмету изучения, новые методологические основы, новое политическое содержание, новая идейная основа»¹³⁵.

Вся история Советского государства показывает, насколько важен высокий уровень развития советского востоковедения для осуществления внутренней и внешней «восточной» политики СССР.

Многомиллионное население Азии и Африки, борющееся за свободу и независимость, стало огромной потенциальной силой в мире. Вопрос, по какому пути пойдут освободившиеся и освобождающиеся от колониального гнета народы Востока, интересует не только народы Советского Союза и других социалистических стран; в такой же мере он интересует народы Азии и Африки. Изучение Востока сейчас прочно вошло в комплекс разнообразных научных исследований во всех странах мира.

В странах империализма изучение Востока стимулируется внешнеполитическими устремлениями и политической неокOLONиализма. Западные востоковеды поняли, что традиционное востоковедение с его проблематикой и методологией уже не отвечает требованиям сегодняшнего дня. «Кризис стучится в двери востоковедения с 1945 г.», — писал в 1963 г. арабский социолог и журналист Ануар Абдель-Малек, утверждая, что «необходимо произвести пересмотр, критическую переоценку общих концепций, методов и технических средств, которые применяются Западом для познания Востока, особенно с начала XX в., как в общем плане, так и по отраслям»¹³⁶.

В настоящее время «практическое направление» востоковедения уже не считается зазорным, а сторонников «чисто академического изучения» Востока в старом понимании этого выражения остается все меньше и меньше. Ведущим направлением востоковедения во всем мире стало изучение современных проблем, связанных с развитием восточных народов.

Народы Азии и Африки, борющиеся за освобождение и уже строящие свое будущее по новому, некапиталистическому пути, ищут ответы на многие проблемы социально-экономического и политического развития своих стран. Для молодых суверенных государств Азии и Африки изучение истории, экономики, социальных институтов и культуры своего народа связано с формированием национальной идеологии и желанием освободить национальную культуру от всяких наносных явлений. С большим вниманием они относятся к трудам советских уче-

ных, изучающих развитие восточных республик Советского Союза и государств Востока.

Советские востоковеды, являясь последовательными и активными проводниками марксистско-ленинской теории в общественных науках, ведут борьбу с антинародными неокOLONиалистскими взглядами современных буржуазных ученых, а также с шовинистическими и крайне националистическими воззрениями отдельных публицистов и политических деятелей стран Азии и Африки.

В последнее десятилетие в советском востоковедении отмечаются новые тенденции. Это прежде всего углубление исследований по отдельным востоковедным проблемам, большая их детализация и тщательность в обработке источников. Затем — создание обобщающих работ по истории стран Востока или проблемным вопросам. Наряду с этим важное значение придается созданию справочной, информационной, библиографической, научно-популярной литературы по Востоку. В востоковедении сохраняется страноведческо-региональный принцип и первостепенное значение придается изучению социально-экономических и политических проблем современности.

Структура Института востоковедения в известной мере определяет проблемно-тематические и страноведческие аспекты научно-исследовательской работы.

Арабистика — одна из старейших отраслей русского востоковедения. Однако в силу некоторой односторонности развития ее с преимущественным интересом к истории арабских халифатов, исламу и филологическим исследованиям многие проблемы арабистики фактически не изучались до последнего времени.

В послевоенный период значительно возрос научный интерес к странам Аравийского полуострова в связи с достижением независимости рядом арабских стран, перемещением сюда центра арабского национально-освободительного движения и повышенным вниманием империалистических государств к богатым нефтью арабским землям.

Арабистам института¹³⁷ пришлось начать изучение некоторых арабских стран фактически на пустом месте — на русском языке не было ни одного серьезного исследования по Йемену, Кувейту, Ираку и другим странам. Сейчас в институте изучают историю, экономику и

культуру Алжира, Туниса, Марокко, Ливии, ОАР, Судана, Сирии, Иордании, Ливана, Саудовской Аравии, Ирака, Йемена, Кувейта. Поскольку многие из этих стран стали изучаться у нас впервые, возникла острая необходимость в подготовке справочников по арабским странам. Были изданы справочники по Сирии, Ливану, Ливии, Иордании, аравийским странам¹³⁸ и страноведческие обзоры.

Однако главное, на что обращено внимание исследователей, — это изучение национально-освободительного движения в арабских странах, новой и новейшей истории арабских стран, социально-экономических преобразований на современном этапе, проблем экономического и политического развития, борьбы арабских стран против империалистических государств и нефтяных монополий, против захватнических устремлений израильских экстремистов¹³⁹.

Коллектив арабистов института подготовил и издал «Новейшую историю арабских стран» (1968), а также посмертно издал работы Е. А. Беляева и В. Б. Луцкого¹⁴⁰. В издательстве находятся исследования по Ираку Б. Ч. Сейраняна и А. Ф. Федченко.

Туркология — одна из развитых отраслей русского востоковедения. Советские туркологи преимущественно исследуют социально-экономические проблемы Турции: положение трудящихся, аграрный вопрос, трудовое законодательство, классовую борьбу; изучают деятельность иностранного капитала и его влияние на экономику страны, политику империалистических государств, внешнюю и внутреннюю политику и вопросы общественно-политической жизни современной Турции¹⁴¹.

В центре внимания советских туркологов стоят проблемы новейшей и в меньшей степени новой и средневековой истории. В исследованиях туркологов получили освещение антиимпериалистическая политика великих держав в отношении Турции, сущность так называемого восточного вопроса, национально-освободительное движение 1919—1922 гг., младотурецкая революция, танзимат¹⁴². Большой удачей туркологов института была подготовка (совместно с учеными из других учреждений) и издание «Новейшей истории Турции» (1967), а также справочников по Турции. Лишь в последнее время туркологи стали обращаться к изучению средневековой и

новой истории Турции, русско-турецких отношений, взаимоотношений Турции с народами Европы и своими восточными соседями.

Иранистика была одной из самых развитых отраслей востоковедения в дореволюционной России. Признанным главой иранистов-историков во всем мире к моменту Великой Октябрьской революции считался акад. В. В. Бартольд.

Преимущественное внимание иранистов института привлечено к современным проблемам, а также к новой и новейшей истории. Изучаются национально-освободительное движение 20-х годов XX в., приход к власти Реза-шаха Пехлеви¹⁴³, демократические и антиимпериалистические движения послевоенных лет, социально-экономические преобразования в современном Иране, аграрная реформа, положение крестьянства и рабочего класса, формирование иранской национальной буржуазии, политика империалистических держав в Иране¹⁴⁴. Изданы справочник по Ирану (1957) и обзоры экономического положения Ирана.

В изучении древнего Ирана у советских иранистов есть преимущества: раскопки в Закавказье дали богатый материал по истории Урарту и Мидии, раскопки в Средней Азии позволили осветить некоторые вопросы истории Ахеменидов, Греко-Бактрийского царства и особенно Парфии.

Социально-экономическую историю древнего Ирана начал разрабатывать В. В. Струве и продолжили И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев и другие ученые. Крупнейшим специалистом по переходному периоду от рабовладения к феодализму, раннефеодальному периоду в истории Ирана, является Н. В. Пигулевская¹⁴⁵. Большим достижением советской иранистики стала разработка вопросов феодальной собственности и феодальных отношений¹⁴⁶. Новая история изучается главным образом во внешнеполитическом аспекте. В настоящее время институт готовит обобщающие работы по новейшей и новой истории Ирана. Издана «Библиография Ирана», насчитывающая более 9 тыс. названий советских работ по иранистике¹⁴⁷.

В послевоенные годы в СССР изучение истории, социально-экономических отношений и современного положения курдов значительно продвинулось вперед. Было

издано капитальное исследование об этногенезе курдов, вышли наиболее полная в мировой литературе «Библиография по курдоведению»¹⁴⁸, исследования по курдскому вопросу и национально-освободительному движению курдов¹⁴⁹.

Афганистика — новая отрасль советского востоковедения. В основном она начала развиваться в послевоенные годы, а успехи, которых достигли советские афганисты, поразительны. В работах афганистов нашли широкое освещение вопросы социально-экономического развития афганских племен: разложение общинно-родового строя, складывание феодальных отношений, образование национального государства, борьба афганского народа в XIX — начале XX в. за независимость.

В трудах афганистов института достаточно полно освещены проблемы развития независимого Афганистана, его внутренняя и внешняя политика, советско-афганские отношения, различные аспекты социально-экономического и культурного развития. Советские афганисты опередили западных ученых в разработке проблем внешней торговли Афганистана, формирования торгового капитала, финансирования пятилетних планов, в изучении иностранной помощи¹⁵⁰.

Серьезный вклад в советскую афганистику внесли ученые института, издав двухтомную историю Афганистана с древнейших времен до 1965 г.¹⁵¹, «Справочник по Афганистану» (1964), «Библиографию Афганистана» (1965).

Индология — одна из развитых отраслей советского востоковедения. За последние десять лет осуществлена переориентация индологических исследований, в значительной степени преодолены бытовавшие ранее догматические концепции; расширилась тематика и проблематика работ; увеличилось количество публикаций; проводится много интересных дискуссий и научных обсуждений.

Индологи являются пионерами в изучении многих проблем социально-экономического развития стран Востока в новейшее время. Они исследуют закономерности развития Индии после 1947 г., возможности завоевания страной экономической независимости, особенности развития капитализма и формирования национальной буржуазии, различные виды капиталисти-

ческого предпринимательства, эволюцию государственного капитализма, проблемы планирования¹⁵². Как и прежде, индологи скрупулезно изучают аграрные отношения и развитие сельского хозяйства, уделяя в последнее время особое внимание сельскохозяйственному производству и продовольственной проблеме¹⁵³. Не меньшее место занимают труды о роли иностранных монополий и политике империалистических государств в Индии¹⁵⁴. В работах индологов показан нынешний этап распада старой колониальной социальной структуры и формирование классов и социальных групп развивающегося буржуазного общества.

Одновременно с разработкой социально-экономических проблем идет изучение политической истории, деятельности политических партий, рабочего и коммунистического движения, классовой борьбы, национального вопроса, идеологических течений и др.¹⁵⁵.

Наиболее полно оказались изученными новая и новейшая история Индии: национально-освободительное движение в Индии, роль лидеров этого движения — М. К. Ганди и Дж. Неру, противоречия в современном индийском обществе, политика крупных политических партий, таких, как Национальный конгресс и др. Специалисты по средневековой истории изучают особенности феодальной земельной собственности¹⁵⁶, зарождение элементов капиталистического развития¹⁵⁷. Основные достижения советских индологов по изучению истории Индии обобщены в четырехтомном академическом издании, которое включает «Новейшую историю Индии» (1959), «Новую историю Индии» (1961), «Средневековую историю Индии» (1968), «Древнюю историю Индии» (последняя работа подготовлена к печати).

Индологи изучают также философию, общественно-политическую мысль и культуру народов Индии.

Советское пакистановедение — самая молодая страноведческая отрасль востоковедения. Все основные работы изданы в 60-е годы¹⁵⁸. Сотрудниками института изучаются история возникновения независимого Пакистана, внутренняя и внешняя политика, национальный вопрос, проблемы экономического развития Пакистана. Издан справочник по Пакистану.

Изучение стран Юго-Восточной Азии — Бирмы, Индонезии, Малайзии, Камбоджи, Лаоса, Таиланда, Филип-

пин, Сингапура, Вьетнама — началось со второй половины 50-х годов. Именно в это время сформировалось ядро научных работников Отдела Юго-Восточной Азии.

Одной из главных тем было национально-освободительное движение народов этого региона, борьба против иностранного капитала, коммунистическое и рабочее движение, борьба патриотических и национальных сил за государственную независимость и социальный прогресс¹⁵⁹. Экономисты изучают борьбу стран ЮВА за экономическую самостоятельность, роль госкапитализма, влияние национального и иностранного капитала на экономическое развитие ЮВА¹⁶⁰, аграрный строй, формы землепользования, социальное расслоение сельского населения и другие вопросы¹⁶¹.

Сотрудники института издали работы по новой и новейшей истории Бирмы, Таиланда, Малайи, Филиппин, Индонезии, Лаоса. Началось изучение национального вопроса (исследования по Индонезии, Таиланду)¹⁶². Впервые в Советском Союзе издана «Библиография Юго-Восточной Азии», охватывающая дореволюционную и русскую литературу по странам этого региона.

Изучение социалистических стран Востока, несмотря на молодость этой отрасли востоковедения, значительно продвинулось вперед.

Монголоведение — одна из развитых востоковедных дисциплин. Основное направление работы монголоведов института — изучение современности, проблем новейшей истории, экономического и культурного строительства. Об этом говорят изданные книги Л. М. Гатаулина «МНР в социалистическом содружестве» (1964), «Народы-братья. Советско-монгольская дружба» (1965); Г. С. Матвеева, П. П. Старицына «Народная демократия и строительство социализма в МНР» (1965), сборник документов «Советско-монгольские отношения» (1966); Г. И. Михайлова «Культурное строительство в МНР» (1957) и др. Разрабатываются темы о социалистическом переустройстве сельского хозяйства МНР, некапиталистическом развитии МНР, формировании монгольской нации и др. Одновременно изучается история Монгольской Народной Республики¹⁶³.

Корееведение — молодая область советского востоковедения. Лишь в начале 50-х годов появились первые исследования по истории и экономике Кореи. Основное

внимание советских корееведов сосредоточено на изучении новейшего периода истории Кореи и главным образом проблем социалистического строительства в КНДР, индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства, культурной революции. Вместе с тем изучается национально-освободительное движение корейского народа, вопросы формирования рабочего класса и национальной буржуазии, их роль в национально-освободительном движении и т. д. Корееведы издали интересные обобщающие труды по новейшей истории Кореи, социалистическим преобразованиям в КНДР и др.¹⁶⁴. Изучается также новая история Кореи¹⁶⁵.

В 50-е годы началось углубленное исследование истории и экономики современного Вьетнама, национально-освободительного движения, аграрных преобразований, экономических проблем, а также борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость¹⁶⁶. Сейчас вьетнамисты готовят «Новейшую историю Вьетнама».

Последнее десятилетие явилось особенно трудным и сложным этапом в развитии советского китаеведения. Большое влияние на развитие китаеведения в этот период имел антиленинский, националистический курс китайского руководства, весь ход событий, связанных с раскольническими, антисоветскими действиями руководителей КПК. В 1960 г. Институт китаеведения был преобразован в Отдел Китая Института народов Азии; часть китаистов перешла работать в Институт экономики мировой социалистической системы, Институт философии, Институт права при МГУ, Институт международного рабочего движения и другие учреждения.

В Отделе Китая продолжается изучение политической и социально-экономической истории Китая, особенностей развития и смены общественно-экономических формаций, аграрного и крестьянского вопросов, рабочего и национально-освободительного движения и т. п.

О высоком научном уровне советского китаеведения говорят опубликованные труды¹⁶⁷ и переизданная «Библиография Китая» П. Е. Скачкова (1960). В настоящее время ведется работа над продолжением «Библиографии Китая». Изданы три тома «Библиографического справочника по Китаю», завершены исследования по истории рабочего движения в Китае и крестьянской войне тайпинов, по древней и средневековой истории.

В китаеведении за последние годы наметился существенный сдвиг в сторону изучения новейшей истории и проблем современности.

В послевоенные годы широкий размах приобрела деятельность советских японоведов. В Советском Союзе изданы оригинальные и переводные исследования о современной Японии — стране высокоразвитого государственно-монополистического капитализма.

Основное внимание японисты уделяют изучению проблем социально-экономического и политического развития современной Японии, роли монополистического капитала Японии в системе современного мирового капитализма, методов экономической экспансии Японии, организации японских монополий и их роли в жизни страны; изучаются положение и борьба рабочего класса и крестьянства, политика крупных политических партий, внешняя политика Японии¹⁶⁸.

Японисты исследуют особенности феодального развития Японии, зарождение и развитие капитализма, сущность «революции Мэйдзи», проблемы средневековой, новой и новейшей истории, общественно-политические и философские течения, марксистскую мысль в Японии, историю социалистической и коммунистической партии и т. п.¹⁶⁹.

О размахе работ японистов свидетельствует «Библиография Японии», зафиксировавшая вклад советских ученых в японологию. Изданы новая и новейшая история Японии, справочник, большое количество монографических исследований.

В современных условиях востоковедение не может ограничиться лишь страноведением. Возникла необходимость изучения целого комплекса общих проблем, характерных для всех стран Востока.

Одной из таких проблем является изучение международного рабочего и коммунистического движения в странах Азии и Африки. Сотрудники проблемной группы подготовили ряд исследований по истории рабочего движения и о положении рабочих в современных странах Востока, коллективную монографию «Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки на современном этапе», участвовали в создании «Истории международного рабочего движения в новейшее время, 1917—1966» и других изданий по данной проблеме¹⁷⁰.

Разработка аграрного вопроса, положения крестьянства в странах Востока, аграрных преобразований является одной из ведущих тем в советском востоковедении. Аграрники института кроме исследований по отдельным странам разработали ряд важнейших проблем аграрной истории, общих для всех или большинства стран Востока ¹⁷¹.

Новым направлением в исследовании экономики стран Востока стало изучение финансовых вопросов: денежного обращения, кредитования, международных расчетов, финансирования планов экономического развития стран Востока и других проблем. Небольшая группа специалистов по финансовым вопросам подготовила две коллективные монографии о финансах стран Азии ¹⁷² и ведет сейчас исследования по финансам отдельных стран и общим вопросам.

Со второй половины 50-х годов началось изучение экономического положения стран Азии и Северной Африки и текущей экономической жизни. Были изданы шесть томов «Экономического положения стран Азии» (1957—1962), «Азия и Африка. 1950—1960 гг. Статистический сборник» (1964), сборник «Планы-программы экономического развития стран Азии» (1966) и другие работы.

В институте успешно продолжается изучение колониальной политики империалистических держав на Востоке. Изданы шесть сборников статей на эту тему, а также исследования и сборники материалов о политике Англии, США, Франции, Германии (и ФРГ) в странах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Португалии, Африке в XIX—XX вв. и на современном этапе ¹⁷³.

Завершено издание коллективного трехтомника по истории национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки ¹⁷⁴. Продолжается разработка национального вопроса в странах Востока, генезиса капитализма, географии, истории науки и т. д.

Советские ученые уделяют особое внимание социально-экономическим вопросам развития древних обществ, истории, культуре и языкам народов древнего Востока. Об этом свидетельствуют изданные исследования по истории древнего Египта, Мидии, Ирана, Индии, древним иранским племенам, ассириологии и шумерологии

и др. Особо выделяются следующие проблемы: социально-экономическое развитие племен Азии и Африки, разложение общинно-родового строя, возникновение государственности, смена общественно-экономических формаций, особенности этих формаций на Востоке и т. п.¹⁷⁵. В 1964—1965 гг. в институте вновь горячо обсуждалась теория так называемого «азиатского способа» производства¹⁷⁶, которая выявила существенные расхождения во взглядах ученых на развитие общественно-экономических формаций на Востоке.

Еще первые шаги делает наша наука в области изучения общественной мысли и истории культуры народов Азии и Северной Африки.

Исследование идеологических проблем приобретает все большее значение, так как связано с ростом национального самосознания народов Азии, ведущих борьбу против колониализма. Готовится монография «Проблемы современной буржуазной идеологии», изданы монографии и сборники по истории общественно-политической мысли в Индии и других странах Востока. Исследование религии и ее роли на современном этапе — одна из важнейших задач востоковедения. В 1966 г. состоялась интересная дискуссия о роли религии в странах Востока.

Больше внимания советские ученые стали уделять вопросам культуры народов Востока. У нас появились работы о культуре и театре Японии, традиционной китайской культуре, об индийском театре, изданы персидские и индийские миниатюры, исследования по истории восточной архитектуры, настенной живописи.

Важным направлением работы института является издание исторических и литературных памятников народов Востока. Ученые института, продолжая славные традиции русского востоковедения, ведут большую работу по составлению каталогов восточных рукописей, находящихся в Ленинградском отделении, изданию ценнейших памятников средневековья¹⁷⁷.

1962—1967 годы — переломные в развитии ориенталистского литературоведения в СССР. Издано много работ, ученые перешли от филологических, описательных методов исследования к подлинно литературоведческому, к теоретическим обобщениям. Наиболее развитые отрасли востоковедного литературоведения — иранистика,

китаеведение, индология, арабистика, тюркология, японоведение, афганистика. Отстает изучение литератур народов Юго-Восточной Азии.

Литературоведы изучают преимущественно современные литературы народов Востока¹⁷⁸, идеологическую направленность, соотношение традиций и новаторства в художественной литературе¹⁷⁹, принцип социалистического реализма, роль литературы в национально-освободительной борьбе и строительстве новой жизни, взаимодействие и взаимовлияние литератур Востока и Запада. Исследуются также проблемы национальной специфики, средневекового народного романа, восточной поэтики, история литератур народов Востока¹⁸⁰.

Подъему восточного литературоведения способствовали проведенные по инициативе Отдела литератур ИНА АН СССР теоретические дискуссии о реализме в литературах Востока, о периодизации истории восточных литератур, о гуманистической идее в литературах народов Востока, международный симпозиум по теоретическим проблемам восточного литературоведения, научная сессия в Тбилиси, посвященная изучению проблемы «Великий Октябрь и литературы народов Востока», и др.

Главное направление работ в области языкознания: написание обобщающих грамматик и составление больших словарей современных восточных языков, разработка отдельных лингвистических проблем и проблем истории развития языка, разработка типологической и общелингвистической проблематики на материалах восточных языков, структурной лингвистики, изучение языковой политики и языковой ситуации в странах Востока, сравнительно-исторические исследования.

Отдел языков работает над четырехтомником «Языки Азии и Африки», очерками для серии того же названия (выпущено в свет более 80 брошюр из этой серии), составлением грамматик, словарей, разработкой национально-языковых и общезыковедческих проблем¹⁸¹.

В ноябре 1965 г. на филологической секции Ученого совета института проведена дискуссия по проблемам изучения языковой ситуации и языковой политики. В виде сборника были изданы материалы Первой текстологической конференции, проведенной в институте в 1963 г.

Успехи наши в изучении восточных языков несом-

ненны. Возникло новое восточное языкознание, отличное от старого по методологии, масштабам и охвату материалов¹⁸². Труды советских лингвистов-востоковедов издаются за рубежом («Сравнительная грамматика монгольских языков» Г. Д. Санжеева переведена на монгольский и китайский языки, «Японо-русский словарь» дважды переиздан в Японии и др.). Однако исследуются еще не все восточные языки. Например, из пятнадцати государственных языков Индии изучаются девять, мало уделяется внимания истории языка, проблемам родства языков и т. п.

Развитие советского востоковедения в последние годы вызвало большой интерес к истории отечественной науки. Изучаются история отдельных учебных и научных центров, деятельность востоковедов, развитие востоковедных дисциплин. Институт издал избранные или неопубликованные произведения выдающихся ученых-востоковедов — И. Ю. Крачковского, В. А. Гордлевского, В. М. Алексеева, В. В. Бартольда, Е. Э. Бертельса, Б. Н. Заходера, И. М. Рейснера и др.¹⁸³.

За последнее десятилетие советское востоковедение добилось успехов. Возникли новые отрасли востоковедной науки. Особенно заметно развитие таких отраслей, как индология, афганистика, изучение стран Юго-Восточной Азии, международной проблематики, аграрного вопроса, национального вопроса и национально-освободительных движений, проблем феодализма и др. Феноменальный прогресс советской индологии отмечается индийской печатью; высоко оценили индологические работы специалисты-индологи Запада.

Археологические раскопки в Средней Азии и Закавказье дали обильный материал по древней и средневековой истории и культуре народов этого региона, обработка которого позволила советским ученым высказать оригинальные точки зрения по истории Урарту, Парфии и многих других государственных образований древности и средневековья. Большое признание получили советские исследования по кумранской и скифской проблемам, тангутике, по малоизвестным иранским (согдийскому, хорезмийскому, пехлеви и др.), индийским, тюркским языкам и языкам Юго-Восточной Азии.

Высокого уровня в институте достигло изучение истории национально-освободительной борьбы, народных

восстаний и движений в странах Азии в новое и новейшее время.

Намечается расширение аспектов научных исследований по социологии, философии, культуре.

Следует отметить изучение советскими востоковедами таких проблем, почти не затрагиваемых в буржуазной историографии, как сущность, роль и история возникновения революционной демократии в освободившихся от колониализма странах Юго-Восточной Азии, некапиталистический путь развития и особенности национальных социалистических программ, политическая роль армии в национально-освободительном движении, консолидация патриотических и левых национальных сил, влияние Октябрьской революции на страны Востока.

Достижения советского востоковедения несомненны. Преодолев многие трудности, за сравнительно короткий срок оно проделало огромный и сложный путь, и это является залогом дальнейших успехов в развитии изучения стран Востока в нашей стране.

¹ Постановление Президиума АН СССР от 1 июля 1950 г.

² «О состоянии научной работы в области востоковедения в институтах АН СССР», «О мероприятиях в связи с реализацией постановления Президиума АН СССР», — «Вестник АН СССР», 1950, № 9, стр. 86—87.

³ Там же, стр. 86.

⁴ «Отчет о работе Института востоковедения АН СССР за 1950 г.», — Архив Института народов Азии.

⁵ «Вестник АН СССР», 1950, № 9, стр. 87.

⁶ «Перспективный план работы Института востоковедения АН СССР в ближайшее пятилетие», — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. 1, 1951, стр. 3—16.

⁷ См. «Отчет о работе Института востоковедения АН СССР за 1950 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

⁸ Там же.

⁹ «О плане научно-исследовательских работ Института востоковедения», — «Вестник АН СССР», 1951, № 6, стр. 89.

¹⁰ «О научной деятельности и состоянии кадров Института востоковедения», — там же, 1953, № 4, стр. 76—77. См. также информацию П. П. Бушева об институте: «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 170—172; «Советское востоковедение», 1955, № 2, стр. 158—164.

¹¹ «Вестник АН СССР», 1951, № 3, стр. 101—110. Впоследствии, после создания Издательства восточной литературы и расширения печатной базы, периодические издания института — «Ученые записки», «Краткие сообщения» — были закрыты и вместо них стали готовиться страноведческие, проблемные сборники, что больше соответствовало задачам института.

¹² «Отчет Института востоковедения АН СССР за 1951 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

¹³ «Отчет о работе Института востоковедения за 1955 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

¹⁴ «Вестник АН СССР», 1951, № 3, стр. 101—110.

¹⁵ «Основные проблемы изучения китайского языка (сессия в Институте востоковедения АН СССР)», — там же, № 8, стр. 111.

¹⁶ «Отчет Института востоковедения АН СССР за 1951 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

¹⁷ А. В. Толпчиев, Основные итоги научной деятельности и внедрения законченных научных работ Академии наук СССР за 1952 г., — «Вестник АН СССР», 1953, № 3, стр. 93.

¹⁸ «О научной деятельности и состоянии кадров Института востоковедения», — там же, № 4, стр. 77.

¹⁹ «Отчет Института востоковедения АН СССР за 1952 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

²⁰ Постановление Президиума АН СССР от 13 февраля 1953 г., — Архив Института народов Азии АН СССР.

²¹ Постановление Президиума АН СССР от 7 мая 1954 г., — Архив Института народов Азии АН СССР.

²² «Отчет о деятельности Института востоковедения АН СССР за 1954 г.», — Архив Института востоковедения АН СССР.

²³ Постановление Президиума АН СССР от 12 августа 1955 г., — Архив Института народов Азии АН СССР.

²⁴ «Вестник АН СССР», 1954, № 12, стр. 65.

²⁵ Там же, 1955, № 11, стр. 111.

²⁶ «Отчет о работе Института востоковедения за 1955 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

²⁷ Там же.

²⁸ А. Н. Несмеянов, Об основных направлениях в работе Академии наук СССР, — «Вестник АН СССР», 1957, № 2, стр. 36.

²⁹ П. П. Бушев, О работе Института востоковедения Академии наук СССР, — «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 170—172.

³⁰ «Вестник АН СССР», 1953, № 12, стр. 106—110; 1954, № 11, стр. 49—50; 1955, № 3, стр. 97—99; № 11, стр. 112—113.

³¹ См. Приложения.

³² «Вестник АН СССР», 1960, № 4, стр. 141.

³³ Там же, 1955, № 11, стр. 113—114.

³⁴ Там же, № 12, стр. 20.

³⁵ Там же, 1960, № 6, стр. 129.

³⁶ Б. И. Потаповский, За укрепление вьетнамо-советско-китайской дружбы, — там же, 1954, № 3, стр. 70—72.

³⁷ «Укрепление культурных связей СССР и Египта», — там же, 1957, № 1, стр. 102—104. Поиски новых форм популяризации востоковедных знаний привели к мысли организовать научное заседание на каком-либо подшефном предприятии. Первый опыт проведения заседания исторической секции Ученого совета Института востоковедения на московском металлургическом заводе «Серп и молот» прошел удачно. Рабочие завода приняли активное участие в обсуждении выпущенной институтом книги «Корейская Народно-Демократическая Республика» (В. П. Леонтьев, В. Институте востоковедения, — там же, 1955, № 8, стр. 80—82.

³⁸ З. Н. Петруничева, Изучение языков и литератур народов Индии, — там же, 1954, № 3, стр. 100—101.

³⁹ Л. И. Думан, Выдающийся русский ученый-востоковед (сессия, посвященная памяти Н. Я. Бичурина), — там же, 1953, № 7, стр. 98—102.

⁴⁰ «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», № 17, 1955, стр. 3—9.

⁴¹ «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 126—129.

⁴² Б. И. Потаповский, 100-летие со дня смерти Доржи Банзарова, — «Вестник АН СССР», 1955, № 6, стр. 110—111.

⁴³ «К столетию со дня смерти Доржи Банзарова, Улан-Удэ, 1955», — «Советское востоковедение», 1955, № 2, стр. 155—156.

⁴⁴ «Юбилей Калидасы (торжественное заседание в Москве)», — «Вестник АН СССР», 1957, № 1, стр. 118—121.

⁴⁵ «90 лет со дня рождения Сунь Ят-сена», — там же, стр. 117—118.

⁴⁶ «Чествование члена-корреспондента АН СССР Н. И. Конрада», — там же, 1951, № 6, стр. 79—80; «Краткие сообщения ИВАН», вып. 2, 1952, стр. 71—72.

⁴⁷ «Чествование академика В. А. Гордлевского», — там же, № 10, стр. 72—74.

⁴⁸ «Чествование академика В. В. Струве», — там же, 1954, № 4, стр. 79—80.

⁴⁹ «Краткие сообщения ИВАН», вып. 1, 1951, стр. 62—63; вып. 65, 1964.

⁵⁰ Для увековечения памяти выдающихся советских и дореволюционных ученых в институте проведено много мероприятий. Издаются труды академиков И. Ю. Крачковского, В. А. Гордлевского, В. В. Бартольда, подготовлены сборники памяти В. С. Голенищева, В. А. Жуковского, Б. Н. Заходера, изданы «Краткие сообщения» в честь В. А. Гордлевского, И. П. Петрушевского и др. В целях увековечения памяти выдающегося ученого-тюрколога В. А. Гордлевского Президиум АН СССР постановил организовать в Институте востоковедения на базе подаренной институту личной библиотеки покойного ученого научный тюркологический кабинет и присвоить ему имя академика В. А. Гордлевского («Вестник АН СССР», 1957, № 1, стр. 95). В институте был организован научный кабинет им. Ю. Н. Рериха.

⁵¹ «5 лет со дня смерти академика И. Ю. Крачковского», — «Вестник АН СССР», 1956, № 3, стр. 138—139.

⁵² В. В. Струве, М. А. Коростовцев, 100-летие со дня рождения В. С. Голенищева, — там же, 1957, № 2, стр. 130—133.

⁵³ В ряде работ содержались неправильные оценки роли рабочего класса и национальной буржуазии в странах Востока. С одной стороны, утверждалось, что в некоторых странах рабочий класс играет роль гегемона в национально-освободительном движении, хотя в этих странах по сути дела не было еще рабочего класса; с другой — недооценивалась роль рабочего класса и переоценивалась роль национальной буржуазии в более развитых странах Востока. Серьезная ошибка вытекала из неправильной теории о том, что национальная буржуазия отказалась якобы от борьбы за независимость. Исходя из этого, востоковеды давали ошибочные характеристики вождям национальной буржуазии на Востоке (Ганди, Неру, Насеру, Кемалю Ататюрку и др.), рассматривая их как пособников империализма. Не разрабатывались проблемы госкапитализма стран Востока и др.

⁵⁴ «О задачах и структуре Института востоковедения АН СССР», — «Вестник АН СССР», 1956, № 1, стр. 104—105.

⁵⁵ «Об организации Института мировой экономики и международных отношений», — там же, № 6, стр. 117.

⁵⁶ См. «Отчет Института востоковедения АН СССР за 1956 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

⁵⁷ Постановление Президиума АН СССР от 19 декабря 1957 г.

⁵⁸ Постановление Президиума АН СССР от 4 июля 1958 г. № 418.

⁵⁹ «В Институте востоковедения», — «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 196—201.

⁶⁰ Согласно постановлению Президиума АН СССР от 26 октября 1956 г. был организован Институт китаеведения АН и Отдел Китая перешел во вновь образованный институт.

⁶¹ Постановлением Президиума АН СССР от 2 октября 1959 г. был организован Институт Африки АН СССР и все африканисты переведены на работу в этот институт (см. Приложения, стр. 248—249).

⁶² В 1958 г. Сектор древнего Востока и соответствующие кабинеты Ленинградского отделения были объединены в Отдел древнего Востока.

⁶³ Отдел стран Дальнего Востока (зав. Х. Г. Эйдуc) с секторами Япония, Корея, Монголия и Отдел стран Юго-Восточной Азии (зав. В. Я. Васильева) с секторами Индо-Китая и Филиппин, Индонезии, Бирмы и Таиланда.

⁶⁴ Отдел международных вопросов (зав. Г. Л. Бондаревский) состоял из секторов международных отношений и конъюнктуры.

⁶⁵ Б. Г. Гафуров, Актуальные задачи советского востоковедения, — «Вестник АН СССР», 1957, № 9, стр. 19—21.

⁶⁶ В. Н. Москаленко, А. М. Осипов, Обсуждение задач советского востоковедения (Первая всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте), — там же, стр. 134.

⁶⁷ А. Литман, Пятилетний план Института востоковедения Академии наук СССР, — «Современный Восток», 1957, № 5, стр. 39—40.

⁶⁸ П. А. Бровцинов, План научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1959—1965 гг., — «Вопросы истории», 1959, № 11, стр. 179—181; «План научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1959—1965 гг.», — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1, стр. 234—237.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Н. П. Шастина, Монгольская летопись Шара Туджи, М., 1957; А. С. Пучковский, Монгольские, бурят-монгольские, ойратские рукописи и ксилографы; М., 1957; Г. А. Шумовский, Три неизвестные лоции Ахмеда ибн Маджида — арабского лоцмана экспедиции Васко да Гамы в уникальной рукописи ИВАН СССР, М., 1957; Симеон Ереванци, Джамбр, предисл. и комм. П. Т. Арутюняна, М., 1958; «Кабус-наме», М., 1958, и др.

⁷¹ «Вестник АН СССР», 1954, № 2, стр. 65.

⁷² «О журнале „Проблемы востоковедения“», — там же, 1959, № 3, стр. 112.

⁷³ «Об издании журнала „Современный Восток“», — там же, 1957, № 6, стр. 94.

⁷⁴ «Современный Иран», Справочник, М., 1957; «Очерки новейшей истории Японии», М., 1957; Е. А. Беляев, Арабы в борьбе за

независимость, М., 1957; «Современная Сирия», Справочник, М., 1958; «Современная Турция», Справочник, М., 1958; «Современный Таиланд», М., 1958; «Независимый Афганистан», М., 1958; К. К. Курдоев, Грамматика курдского языка, М., 1957; С. Майзель, Турецкий изафет, М., 1957; Б. Н. Гранде, Грамматическая структура арабского языка, М., 1957 и другие его работы; Ю. Гирс, Современная художественная проза на пушту в Афганистане, М., 1958; «Литература Индии», М., 1958; Н. М. Османов, Фирдоуси. Жизнь и творчество, М., 1957.

⁷⁵ Постановление Президиума Академии наук от 22 июля 1960 г. — Архив Института народов Азии АН СССР.

⁷⁶ Постановление Президиума АН СССР от 16 декабря 1960 г. «Об Институте народов Азии», — «Вестник СССР», 1961, № 2, стр. 100.

⁷⁷ Постановление Президиума АН СССР от 31 марта 1961 г.

⁷⁸ Постановление Президиума АН СССР от 2 января 1962 г.

⁷⁹ Постановление Президиума АН СССР от 16 апреля 1965 г.

⁸⁰ Постановление Президиума АН СССР от 2 июня 1965 г.

⁸¹ Постановление Президиума АН СССР от 16 июля 1965 г.

⁸² В 1964 г. в отделе был создан сектор истории и экономики Пакистана, а два других сектора были переименованы: в сектор экономики Индии, Цейлона и Непала и сектор истории Индии, Цейлона и Непала.

⁸³ В соответствии с постановлением Президиума АН СССР от 16 сентября 1966 г. в Отделе Японии были созданы сектора экономики, истории и современных политических проблем (зав. Отделом Японии был назначен И. А. Латышев).

⁸⁴ Архив Института востоковедения АН СССР, Фонд канцелярии, инд. 104, приказы № 296 от 25.VII.1963; № 52 от 14.II.1967;

⁸⁵ Там же, приказ № 370 от 14.XII.1961.

⁸⁶ Архив Института востоковедения АН СССР, Фонд канцелярии, инд. 104, приказы № 296 от 25.VII.1963; № 52 от 14.II.1967; № 73 от 26.II.1968.

⁸⁷ Там же, приказ № 483 от 22.XII.1964.

⁸⁸ Там же, приказы № 371 от 25.XII.1961; № 48 от 4.II.1965.

⁸⁹ Там же, приказ № 416 от 31.XII.1964.

⁹⁰ Архив Института востоковедения АН СССР, Фонд канцелярии, инд. 104, приказ № 476 от 19.XII.1963.

⁹¹ «План научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1959—1965 гг.», — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1, стр. 234—237. См. также П. А. Бровцинов, План научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1959—1965 гг., — Вопросы истории, 1959, № 11, стр. 179—181.

⁹² Е. М. Жуков, Процесс ликвидации колониальной системы и задачи его изучения, — «Вестник АН СССР», 1961, № 2, стр. 7.

⁹³ К. Малаховский, В Институте народов Азии АН СССР, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 256; его же, О научно-исследовательской работе Института народов Азии в 1964 г., — там же, 1965, № 2, стр. 193.

⁹⁴ Доклад директора Института народов Азии АН СССР члена-корр. Б. Г. Гафурова «О работе института и плане на 1964—1965 гг.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

⁹⁵ «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов

Азии АН СССР за 1964 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

⁹⁶ «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов Азии АН СССР за 1965 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

⁹⁷ До 1964 г. Издательство восточной литературы находилось в ведении Института народов Азии. В 1964 г. оно было передано в общеакадемическое издательство «Наука» и стало функционировать как Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

⁹⁸ Например, переведены на английский язык работы для Индии: В. И. Павлов «Формирование индийской буржуазии» и «Империализм и экономическая самостоятельность Индии», А. И. Левковский «Некоторые особенности развития капитализма в колониальной и независимой Индии»; Г. Г. Котовский «Аграрные реформы в Индии» и др.

⁹⁹ «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов Азии за 1964 г.», — Архив Института народов Азии АН СССР.

¹⁰⁰ О завершении работы над одотомником по истории МНР см. «Вестник АН СССР», 1954, № 9, стр. 72.

¹⁰¹ «Краткие сообщения ИВАН», вып. XI, 1954, стр. 101.

¹⁰² И. М. Ошанин, На конференциях китайских языковедов, — «Вестник АН СССР», 1956, № 2, стр. 87—91.

¹⁰³ «О работе по созданию „Истории Монгольской Народной Республики“», — там же, 1957, № 5, стр. 95.

¹⁰⁴ О пребывании корейских ученых в Институте востоковедения см. там же, 1954, № 7, стр. 106.

¹⁰⁵ Там же, № 8, стр. 85; № 9, стр. 79—80.

¹⁰⁶ «Советское востоковедение», 1955, № 3, стр. 150.

¹⁰⁷ «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов; Секция Ирана, Армении и Средней Азии», М., 1954; «Отчет советской делегации о XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже», — «Вестник АН СССР», 1954, № 12, стр. 64—65; Е. А. Беляев, С. Л. Тихвинский, Двадцать третий Международный конгресс востоковедов, — «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 185—188; «Краткие сообщения ИВАН», вып. XVIII, 1956, стр. 84. «Proceedings of the Twenty-Third International Congress of Orientalists, Cambridge, 21st—28th August 1954», ed. by Denis Sinor, L., [s. a.].

¹⁰⁸ «Десятый международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации», М., 1956; «Вестник АН СССР», 1955, № 12, стр. 76—77; «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 179—180; 1956, № 2, стр. 214—215; № 5, стр. 212—217.

¹⁰⁹ К. В. Островитянов, Поездка советских ученых в Индию, — «Вестник АН СССР», 1955, № 6, стр. 62—67 и 72.

¹¹⁰ Б. В. Пиотровский, Поездка советских археологов и этнографов в Египет, — там же, 1956, № 9, стр. 67—70.

¹¹¹ И. И. Потехин, Международный конгресс антропологов и этнографов, — там же, № 12, стр. 86—88.

¹¹² «Об итогах XXIV Международного конгресса ориенталистов», — «Вестник АН СССР», 1957, № 12, стр. 84—85; «Советское востоковедение», 1957, № 6, стр. 186—189; «Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 216—218; Н. В. Пигулевская, Международный конгресс востоковедов, — «Вестник АН СССР», 1957, № 12, стр. 66—68;

А. С. Тверитинова, XXIV Международный конгресс ориенталистов в Мюнхене, — «Современный Восток», 1957, № 5, стр. 43; «Akten des vierundzwanzigsten internationalen Orientalisten-Kongresses, München, 28. August bis 4. September 1957», herausgegeben von Herbert Franke, Wiesbaden, 1959.

¹¹³ «X конференция молодых синологов в Марбурге», — «Современный Восток», 1957, № 5, стр. 42.

¹¹⁴ Б. Г. Гафуров, К итогам XXV Международного конгресса востоковедов, — «Вестник АН СССР», 1960, № 10, стр. 3—9; «XXV Международный конгресс востоковедов», — «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 206—220; «Новый этап в истории востоковедения. К итогам XXV Международного конгресса востоковедов в Москве», — «Современный Восток», 1960, № 9, стр. 2—3; «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960 г.», т. 1—5, М., 1962—1964.

¹¹⁵ С. Л. Тихвинский, Вопросы истории стран Востока на XI Международном конгрессе исторических наук, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 6, стр. 196—201.

¹¹⁶ Н. В. Пигулевская, Поездка во Францию в марте 1960 года, — там же, стр. 201—202.

¹¹⁷ «VI Турецкий исторический конгресс», — «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, стр. 218.

¹¹⁸ См. «Народы Азии и Африки», 1964, № 2, стр. 3—5; Ю. В. Ганковский, XXVI Международный конгресс востоковедов, — там же, № 4, стр. 255—257; «Вестник АН СССР», 1965, № 5, стр. 116—121.

¹¹⁹ «XXVI Международный конгресс востоковедов. Дели, 1964. Доклады делегации СССР», М., 1963.

¹²⁰ «К итогам XXVI Международного конгресса ориенталистов», — «Народы Азии и Африки», 1964, № 2, стр. 4.

¹²¹ «Вестник АН СССР», 1965, № 1, стр. 97—98; № 10, стр. 120—121; «Народы Азии и Африки», 1966, № 1, стр. 229—231.

¹²² «Вестник АН СССР», 1962, № 2, стр. 88—89; 1963, № 6, стр. 87—90; «Азия и Африка сегодня», 1962, № 3, стр. 4—5; 1967, № 9, стр. 51—53; «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 175—178.

¹²³ «Вестник АН СССР», 1962, № 3, стр. 69—74; 1967, № 1, стр. 89—91; «Советская этнография», 1962, № 5, стр. 147—151; 1967, № 1, стр. 155—165.

¹²⁴ Ф. Б. Бенелюбский, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 249—253.

¹²⁵ Р. Ю. Алиев, Международный симпозиум по современной персоязычной литературе, — «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 238—239.

¹²⁶ Ю. П. Насенко, О работе советского комитета ЮНЕСКО «Восток — Запад», — там же, 1962, № 4.

¹²⁷ А. М. Модель, Международная научная конференция в Баку, — там же, 1968, № 1, стр. 216—222.

¹²⁸ В. И. Илюшенко, Международная научная конференция «Пятидесятилетие Октября и рабочий класс», — там же, № 4, стр. 229—236.

¹²⁹ С. Р. Смирнов, Первый международный конгресс африканистов, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 175—178.

¹³⁰ См. «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов Азии за 1965 год».

¹³¹ См. «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов Азии за 1962 год».

¹³² [А. С.], Международный коллоквиум по изучению восточных источников, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2, стр. 233—235.

¹³³ См. «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов Азии АН СССР за 1960—1966 гг.»; «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы» (сб. статей), под ред. А. С. Тверитиновой, М., 1964.

¹³⁴ См. «Отчет о научно-исследовательской работе Института народов Азии АН СССР за 1966 год».

¹³⁵ А. Н. Кононов, Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения, М., 1960, стр. 17.

¹³⁶ «Отчет о работе Института востоковедения за 1968 год», — Архив Института востоковедения АН СССР.

¹³⁷ Работы по литературоведению и арабскому языкознанию см. ниже.

¹³⁸ «Современная Иордания», М., 1964; «Страны Аравии», М., 1964; «Современный Ирак», М., 1966; «Объединенная Арабская Республика», М., 1968.

¹³⁹ Р. Г. Ланда, Алжир сбрасывает оковы, М., 1961; Л. Н. Котлов, Иордания в новейшее время, М., 1962; Н. М. Смиланская, Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в., М., 1965; С. Н. Алитовский, Аграрный вопрос в современном Ираке, М., 1956; Б. А. Шабает, Рабочий класс стран Магриба, М., 1968; Г. С. Никитина, Государство Израиль, М., 1968.

¹⁴⁰ В. Б. Луцкий, Новая история арабских стран, М., 1965; Е. А. Беляев, Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, М., 1965.

¹⁴¹ П. П. Моисеев, Аграрные отношения в современной Турции, М., 1960; Ю. Н. Розалиев, Особенности развития капитализма в Турции, М., 1963; его же, Классы и классовая борьба в Турции, М., 1966; Р. П. Корниенко, Рабочее движение в Турции в 1918—1963 гг., М., 1965; М. А. Гасратян, Турция в 1960—1963 гг. Очерк внутренней политики, М., 1965.

¹⁴² А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительная борьба в Турции (1918—1923), М., 1966; Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958, и др.

¹⁴³ М. Н. Иванова, Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг., М., 1961; Л. И. Мирошников, Английская экспансия в Иране (1914—1920 гг.), М., 1961; О. С. Меликов, Установление диктатуры Реза-шаха в Иране, М., 1961.

¹⁴⁴ Ш. М. Бади, Рабочий класс Ирана, М., 1965; А. И. Демин, Сельское хозяйство современного Ирана, М., 1967; В. В. Трубецкой, Бахтиары, М., 1966; В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, М., 1968.

¹⁴⁵ Н. В. Пигулевская, Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв., М.—Л., 1964, и другие, более ранние работы.

¹⁴⁶ И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960, и др.

¹⁴⁷ «Библиография Ирана», составитель А. К. Сверчевская, М., 1967.

¹⁴⁸ О. Л. Вильчевский, Курды. Введение в этническую исто-

рию курдского народа, М.—Л., 1961; «Библиография по курдоведению», составитель Ж. С. Мусаэлян, М., 1963.

¹⁴⁹ М. С. Лазарев, Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. — 1917), М., 1964; Н. А. Халфин, Борьба за Курдистан, М., 1963.

¹⁵⁰ Р. Т. Ахрамович, Афганистан после второй мировой войны, М., 1961; А. Д. Давыдов, Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана, М., 1962; его же, Аграрный строй Афганистана, М., 1967; Н. М. Гуревич, Экономическое развитие Афганистана, М., 1966; его же, Очерки истории торгового капитала в Афганистане, М., 1967; его же, Государственный сектор в экономике Афганистана, М., 1962; Р. Т. Ахрамович, Афганистан в 1961—66 гг. Политическое положение. Конституционная реформа, М., 1967; Н. И. Черняховская, Развитие промышленности и положение рабочего класса Афганистана, М., 1965.

¹⁵¹ В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, М., т. I, 1964; т. II, 1965; «Библиография Афганистана», составитель Т. И. Кухтина, М., 1965.

¹⁵² Г. Г. Котовский, Аграрные реформы в Индии, М., 1959; Р. П. Гурвич, Сельское хозяйство Индии и положение крестьянства, М., 1960; Р. А. Ульяновский, Реформа аграрного строя, — в кн. «Экономика современной Индии», М., 1960; Л. Р. Гордон, Аграрные отношения в северо-западных пограничных провинциях Индии, 1914—1947 гг., М., 1953, и др.

¹⁵³ А. И. Левковский, Особенности развития капитализма в Индии, М., 1963; В. И. Павлов, Формирование индийской буржуазии, М., 1958; М. Н. Егорова, Трудовое законодательство в Индии, М., 1962, и др.

¹⁵⁴ С. М. Мельман, Иностраный монополистический капитал в экономике Индии, М., 1959; В. И. Павлов, Экономическая независимость Индии и американские кредиты, М., 1960; его же, Империализм и экономическая самостоятельность Индии, М., 1962; Г. П. Колыхалова, Индия и Англия, М., 1966, и др.

¹⁵⁵ «Библиография Индии», составители Д. А. Бирман и Г. Г. Котовский, М., 1965; Т. Ф. Девяткина, Ликвидация княжеств в современной Индии, М., 1969; А. М. Дьяков, Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963; Л. Р. Гордон-Полонская, Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана, М., 1963, и др.

¹⁵⁶ К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.), М., 1965; ее же, Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.), М., 1960; «История Индии в средние века», М., 1968, и др.

¹⁵⁷ Л. Б. Алаев, Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв., М., 1964; В. И. Кочнев, Государство сикхов и Англия, М., 1968; С. А. Кузьмин, Аграрные отношения в Синде (2-я половина XIX в.), М., 1959; «Новая история Индии», М., 1961; И. М. Рейснер, Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв., М., 1961; Н. И. Семенова, Государство сикхов, М., 1958; А. И. Чичеров, Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием, М., 1965, и др.

¹⁵⁸ Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, История Пакистана, М., 1961; Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории, М., 1964; его же, Нацио-

нальный вопрос и национальное движение в Пакистане, М., 1967; Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко, Политическое положение в Пакистане, М., 1960; В. Г. Растьянников, С. А. Кузьмин, Проблемы экономики Пакистана, М., 1968; Г. Г. Федорова, Промышленное развитие Пакистана и государственный капитализм, М., 1968; «Пакистан. Справочник», М., 1966.

¹⁵⁹ «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии. Документы и материалы», тт. I—II, М., 1965—1967; А. Б. Беленький, Национальное пробуждение Индонезии, М., 1965; В. А. Жарков, Индонезия на путях упрочения независимости (1949—1956), М., 1964; М. Г. Козлова, Бирма накануне английского завоевания, М., 1962; Г. И. Левинсон, Филиппины между первой и второй мировыми войнами, М., 1958; его же, Филиппины вчера и сегодня, М., 1959; Н. А. Симония, Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964; его же, Об особенностях национально-освободительной революции, М., 1968; А. И. Попова, Индонезийская буржуазия и рабочий класс, М., 1966; В. А. Тюрин, Завоевание Малайи Англией, М., 1962; С. Н. Ростовский, Рабочее и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии после второй мировой войны, М., 1959; А. С. Шин, Американский империализм в Индонезии (1945—1962), М., 1963; Р. А. Поповкина, В. А. Кожевников, Современный Лаос, Справочник, М., 1966; Г. Г. Сочевко, Современная Камбоджа, М., 1967, и др.

¹⁶⁰ В. Я. Архипов, Индонезия в борьбе за экономическую самостоятельность, М., 1963; Л. Ф. Пахомова, Национальный капитал в экономике Индонезии, М., 1966; О. Г. Барышникова, Сельское хозяйство Филиппин, М., 1969; И. П. Азовский, Государственный сектор в экономике Бирмы (1948—1962), М., 1965.

¹⁶¹ Ю. Г. Александров, Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве, М., 1964; П. Г. Ананьев, Сельское хозяйство современной Индонезии, М., 1965; Г. Н. Климко, Аграрные проблемы независимой Бирмы, М., 1964; «Аграрно-крестьянский вопрос в странах Юго-Восточной Азии», М., 1961.

¹⁶² В. Ф. Васильев, Очерки истории Бирмы (1885—1947), М., 1962; Ю. О. Левтонова, Очерки новой истории Филиппин, М., 1965; Н. В. Ребрикова, Очерки новой истории Таиланда, М., 1966, и др.

¹⁶³ И. Я. Златкин, Очерки новой и новейшей истории Монголии, М., 1957; его же, История Джунгарского ханства, М., 1964; С. Д. Дылыков, Халха-джитум, М., 1960, и др.

¹⁶⁴ Ф. И. Шабшина, Социалистическая Корея, М., 1963; «Корея: Север и Юг», М., 1965; Г. В. Грязнов, Социалистическая индустриализация в КНДР, М., 1966; Б. В. Синицын, Очерки экономики Южной Кореи, М., 1967; И. С. Казакевич, Аграрный строй в Южной Корее, М., 1964; В. И. Шипаев, Корейская буржуазия в национально-освободительном движении, М., 1966; Г. Ф. Ким и Ф. И. Шабшина, Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока, М., 1967.

¹⁶⁵ Г. Д. Тягай, Очерки истории Кореи во второй половине XIX в., М., 1960; Ю. В. Ванин, Феодалная Корея в XIII—XIV веках, М., 1962, и др.

¹⁶⁶ «Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960», М., 1960; А. Г. Мазеев, Аграрная реформа в ДРВ, М., 1959; С. А. Мхита-

рян, Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме, М., 1967, и др.

¹⁶⁷ «Очерки истории Китая в новейшее время», М., 1959; «Социалистическая революция в Китае», М., 1960; Л. С. Переломов, Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае, М., 1962; «Развитие общественно-политической и философской мысли в древнем Китае», М., 1966; О. Е. Непомнин, Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая, М., 1966; С. Л. Тихвинский, Сунь Ят-сен (к 100-летию со дня рождения), М., 1966; Н. Ф. Демидова, В. С. Мяснина, Первые русские дипломаты в Китае, М., 1966; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967; Т. Н. Акатова, Рабочее движение в Китае, М., 1966; В. П. Илюшечкин, Крестьянская война тайпинов, М., 1967; Ю. Н. Рерих, Избранные труды, М., 1967; «Восстание ихэтуаней. 1898—1901. Документы и материалы», М., 1968; В. С. Таскин, Материалы по истории сунну, М., 1968, и др.

¹⁶⁸ В. А. Попов, Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны, М., 1959; Х. Т. Эйдуз, СССР и Япония, М., 1964; его же, История Японии с древнейших времен до наших дней, М., 1968; П. П. Топеха, Вопросы единства профсоюзного движения в современной Японии, М., 1964; Катаяма Сэн, Воспоминания, М., 1964; И. А. Ильина, Японский капитал на азиатских рынках, М., 1966; И. А. Латышев, Правящая либерально-демократическая партия Японии и ее политика, М., 1967; А. И. Динкевич, Государственные финансы послевоенной Японии, М., 1968, и др.

¹⁶⁹ «Очерки новой истории Японии», М., 1958; Г. И. Подпалова, Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII в., М., 1960; А. А. Искендеров, Феодалный город Японии XVI столетия, М., 1961; А. Л. Гальперин, Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма, М., 1963, и др.

¹⁷⁰ «Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки», М., 1962; «Рабочий класс Азии и Африки», М., 1964; «Рабочий класс и рабочее движение в странах Азии и Африки», М., 1965; «Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки», М., 1969, и др.

¹⁷¹ «Аграрные реформы в странах Востока», М., 1961; «Аграрные отношения в странах Востока», М., 1958; «Социально-экономические последствия аграрных реформ и изменения в социальной структуре деревни в развивающихся странах», М., 1966; «Крестьянское движение в странах Востока», М., 1967; «Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии», М., 1968; «Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки», М., 1968.

¹⁷² «Государственные финансы несоциалистических стран Азии», М., 1965; «Финансы развивающихся государств», М., 1965; «Общие проблемы кредита стран Азии», М., 1968; «Кредит и кредитные системы стран Азии», М., 1968, и др.

¹⁷³ «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке», М., 1960; «Политика США на Арабском Востоке», М., 1961; «Политика США в странах Южной Азии», М., 1961; «Политика США в странах Дальнего Востока», М., 1964; «Политика Франции в Азии и Африке», М., 1965; «Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии», М., 1966; «Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке», М.,

1966; А. М. Хазанов, Политика Португалии в Африке и Азии, М., 1967; «Политика Англии в Африке», М., 1969; Г. Л. Бондаревский, Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, М., 1968.

¹⁷⁴ «Века неравной борьбы», М., 1967; «Пробуждение угнетенных», М., 1968; «На новом пути», М., 1968.

¹⁷⁵ И. М. Дьяконов, История Мидии, М., 1956; его же, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959; его же, Языки древней Передней Азии, М., 1967; Т. Н. Савельева, Аграрный строй Египта в период Древнего Царства, М., 1962; М. А. Коростовцев, Писцы древнего Египта, М., 1962; его же, Введение в Египетскую филологию, М., 1963; М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963; И. Ф. Фихман, Египет на рубеже двух эпох, М., 1965; И. Д. Амусин, Рукописи Мертвого моря, М., 1961; Ю. Я. Перепелкин, Переворот Аменхотепа IV, М., 1967; Г. Ф. Ильин, Г. М. Бонгард-Левин, Древняя Индия, М., 1969; А. Г. Лундин, Южная Аравия в IV в., М., 1961; В. В. Струве, Государство Лагаш, М., 1965; его же, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии, Л., 1968; Г. М. Бауэр, Язык Южноаравийской письменности, М., 1966; и др.

¹⁷⁶ «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966.

¹⁷⁷ М. Саади, Гулистан, Критич. текст, пер. предисл. и прим. Р. М. Алиева, М., 1959; «Арабский аноним XI века»; изд. текста, пер. введ. в изучение памятника и комм. П. А. Грязневича, М., 1960; «Юань-чао би-ши», изд. Б. И. Панкратова, М., 1962; Ибн Наджиб Баκραн, Мухаммад, Джахан-наме, Ю. Е. Борщевского, М., 1960; Л. Н. Меньшиков, Китайские рукописи из Дуньхуана, М., 1963; Хюсейн, Беда-и ул-века-и (Удивительные события), изд. текста, введ. и общ. ред. А. С. Тверитиновой, М., 1961; «Брихадараньяка упанишада», пер., предисл. и комм. А. Я. Сыркина, М., 1964; «Оросиякоку суимудан», изд. текста, пер., вступит. ст. и комм. В. М. Константинова, М., 1961; «Книга правителя области Шан», пер. с кит., вступит. ст. и комм. Л. С. Переломова, М., 1968, и др.

¹⁷⁸ «Проблемы реализма в литературе зарубежного Востока», М., 1966; «М. Горький и литературы зарубежного Востока», М., 1968.

¹⁷⁹ Е. П. Челышев, Современная поэзия хинди, М., 1968; Д. С. Комиссаров, Садек Хедаят и его творчество, М., 1966; В. В. Логунова, Писатель и время, М., 1961; В. Ф. Сорокин, Формирование мировоззрения Лу Синя, М., 1958; М. Е. Шнейдер, Творческий путь Цю Цю-бо (1899—1935), М., 1964.

¹⁸⁰ «Проблемы периодизации истории литератур народов Востока», М., 1968; И. С. Брагинский, Двенадцать миниатюр, М., 1966; М. И. Занд, Шесть веков славы, М., 1964; Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1966; Л. О. Алькаева, Сюжеты и герои в турецком романе (конец XIX — начало XX в.), М., 1966; Л. З. Эйдлин, Тао Юань-мин и его стихотворения, М., 1967; Т. П. Григорьева, Одинокий странник, М., 1967; В. Т. Сухоруков, Вэнь И-до. Жизнь и творчество, М., 1968; Л. Е. Черкасский, Поэзия Цао Чжи, М., 1963; А. Е. Глушкина, Японская литература. Исследования и материалы, М., 1959.

¹⁸¹ Ю. А. Горгониев, Грамматика кхмерского языка, М., 1966; М. С. Андронов, Грамматика тамильского языка, М.,

1966; М. В. Софронов, Грамматика тангутского языка, М., 1968; М. Г. Асланов, Афгано-русский словарь, М., 1967; Н. И. Королев, Л. А. Аганина, И. С. Рабинович, Непальско-русский словарь, М., 1968. Подготовлены большие хинди-русский, персидско-русский, турецко-русский, корейско-русский словари.

«Тибетский язык», М., 1961; «Корейский язык», М., 1961; «Японский язык», М., 1963; «Семитские языки», М., 1963; «Языки ЮВА», М., 1967; «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М., 1968; «Языковая ситуация в странах Азии и Африки», М., 1967; Ю. А. Рубинчик, Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке, М., 1959; Л. Б. Никольский, Служебные слова в корейском языке, М., 1962; М. А. Коростовцев, Введение в египетскую филологию, М., 1963; В. М. Солнцев, Типологические свойства изолирующих языков, М., 1963; его же, Спорные вопросы грамматики китайского языка, М., 1963; В. П. Старилин, Структура семитского языка, М., 1963; В. П. Липеровский, Категория наклонения в современном литературном языке хинди, М., 1964; Л. Н. Морев, Основы синтаксиса тайского языка, М., 1964; И. Ф. Вардуль, Потенциальный синтаксис японского языка, М., 1965; его же, Лингвистическая типология и восточные языки, М., 1965; Ю. Я. Плам, Морфологические категории в тайском языке, М., 1965; Н. А. Сыромятников, Становление новояпонского языка, М., 1965; Г. П. Сердюченко, Русская транскрипция для языков зарубежного Востока, М., 1967; и др.

¹⁸² А. Н. Кононов, Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения, М., 1960, стр. 17.

¹⁸³ И. Ю. Крачковский, Избранные труды, тт. I—VI, М., 1955—1960; Е. Э. Бертельс, Избранные труды, тт. I—IV, М., 1960—1965; В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, тт. I—IV, М., 1960—1968; В. В. Бартольд, Сочинения, М., тт. I—VI, М., 1963—1966; В. М. Алексеев, В старом Китае. Дневник путешествия 1907 г., М., 1958; его же, Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях, М., 1966, и др.

Научный коллектив Ленинградского отделения Института востоковедения подготовил обобщающий труд по истории развития востоковедения в Ленинграде (находится в издательстве).

КООРДИНАЦИОННАЯ РАБОТА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В послевоенные годы значительно расширился фронт востоковедения. Новые центры возникли в республиках Закавказья и Средней Азии, на Украине, в различных городах Российской Федерации.

Востоковедение в Закавказье имеет богатые традиции и немалые успехи. В настоящее время в востоковедных институтах Закавказья работает более 300 научных сотрудников, среди которых много высококвалифицированных специалистов с большим научным стажем и талантливой молодежи. Основная задача академических востоковедных учреждений Закавказья — изучение истории, экономики, культуры и языков народов Ближнего и Среднего Востока, т. е. сопредельных стран, история которых в продолжение многих веков переплеталась с историей наших восточных республик. Несмотря на то что все закавказские востоковедные учреждения занимают один регион стран Востока, характер работы, тематика планов научно-исследовательских работ их различны и каждый институт имеет свою специфику и особенности.

В марте 1958 г. при Академии наук АзССР на базе собственных кадров в Баку был создан научно-исследовательский Институт востоковедения (с 1967 г. — Институт народов Ближнего и Среднего Востока). Директор института — акад. АН АзССР Г. Араслы.

Институт вначале состоял из четырех отделов: Ирана, Турции, арабских стран, текстологии и публикации источников¹. В 1965 г. он был реорганизован, созданы отделы истории, экономики, литературы, языков, общественно-философской мысли, текстологии и публикации источников, выделена также группа курдологов.

В настоящее время в Институте народов Ближнего и Среднего Востока насчитывается более ста научных сотрудников, которые разрабатывают, в частности, такие темы, как социально-экономическое развитие Ирана и Турции в новое и новейшее время, общественная и философская мысль в Иране и Турции, рабочее, коммунистическое и профсоюзное движение в Иране, национально-освободительное и демократическое движение в Турции, курдское национально-освободительное движение; изучаются и издаются исторические и литературные памятники.

Изданы интересные исследования по истории рабочего класса Ирана, о социально-экономических сдвигах в Иране и Турции, по истории коммунистического, рабочего и профсоюзного движения в Иране, о младотурецкой революции, развитии общественно-политической мысли в Иране и Турции, государственном капитализме; изданы исторические (Рашид ад-Дин и др.) и литературные памятники средневековья и т. д.².

Востоковедная работа ведется также на восточном факультете Азербайджанского университета и в Институте истории АН АзССР.

Восточный факультет существует с момента создания Азербайджанского государственного университета (1920 г.); в 1944 г. факультет был реорганизован и расширен за счет включения в него отделений иранской и турецкой филологии филологического факультета. Здесь ведется большая научно-исследовательская работа, главным образом по языкам и литературам Ирана, Турции и арабских стран.

Востоковедная работа ведется также на историческом факультете, где изучаются вопросы русско-иранских отношений, социально-экономического развития Ирана и Турции в XIX—XX вв. и др.

Институт истории АН АзССР занимается в основном изучением истории Азербайджана. Но так как его история в прошлом тесно переплеталась с историей соседних народов, в планах института имеются темы по древней и средневековой истории Ирана, Турции, Армении. Изданы труды по истории Мидии, о возникновении Сефевидского государства, развитии ремесла и торговли в Азербайджане и сопредельных странах в XVII—XVIII вв. и др.

В Армении научными исследованиями в области востоковедения занимается научно-исследовательский институт древних рукописей — Матенадаран, Государственный университет, в какой-то мере все учреждения Отделения общественных наук АН Армении и особенно ее сектор востоковедения, созданный в 1958 г. во главе с канд. истор. наук О. Г. Инджикяном³.

Наличие достаточного числа специалистов дало возможность в составе сектора организовать отделы истории, экономики и литературы Турции, истории, экономики и культуры Ирана, истории и экономики арабских стран, курдоведения, группу по подготовке и изданию источников и научной информации.

Используя богатые традиции армянского востоковедения (армянские историки занимались изучением истории стран Востока начиная с V в. н. э.), сектор востоковедения разработал ряд тем по новой и новейшей истории стран Ближнего и Среднего Востока и издал целый ряд интересных работ, в которых освещаются рабочее и национально-освободительное движение, внешняя и внутренняя политика стран Ближнего и Среднего Востока, экспансионистская политика Османской империи накануне первой мировой войны, внешняя политика СССР и политика империалистических стран в странах Востока, проблема нефти, аграрные проблемы Ирана.

В секторе классифицированы и изданы турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья, арабские источники об Армении и сопредельных с ней странах и т. д. Изучаются армянские источники о народах Закавказья. В последние годы разрабатываются темы: возникновение и развитие буржуазной идеологии, роль национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе народов, история и борьба политических партий, история национальных меньшинств и национальная политика правящих кругов Османской империи, греко-турецкие и ирано-турецкие отношения и другие проблемы.

Большую работу сектор востоковедения проводит по введению в научный оборот армянских источников, исторической литературы средневековья и нового времени, а также современной научной литературы, издающейся на армянском языке в различных странах мира. На основании армянской зарубежной прессы (в настоя-

щее время в зарубежных армянских колониях выходит свыше 80 периодических изданий) составляют бюллетени о положении стран Ближнего и Среднего Востока. Разрабатываются проблемы новой и новейшей истории зарубежных армянских колоний в странах Востока⁴.

Курдский вопрос — один из острейших в политической жизни народов Ближнего и Среднего Востока. Сектор востоковедения Армении стал центром курдоведения в нашей стране. Традиции армянского курдоведения создавались такими выдающимися деятелями армянской культуры, как Х. Абовян Лазо, С. Егиазаров, С. Айкуни, А. Хачатрян⁵.

В секторе востоковедения изучается история курдского народа — древнего соседа армян, в частности вопросы этногенеза, истории формирования курдского народа, общественно-экономического уклада курдов, их демократического движения и др. Составляются капитальные труды: история колониализма, история культуры народов Востока и историко-культурных связей народов Закавказья с народами зарубежного Востока, новая и новейшая история Турции и Ирана.

В Армении создаются пособия по курдскому языку, фольклору, современной литературе, проводятся исследования по этнографии курдов.

За последние годы успешно развиваются научные связи Армении с исследовательскими учреждениями социалистических стран, с Британским центром восточных исследований, Гарвардским университетом, Французской школой восточных исследований, Турецким историческим обществом и научными учреждениями Тегерана, Бейрута, Алеппо и др.

В архивах Армении содержатся богатейшие материалы по древней и средневековой истории Востока. Государственное хранилище древних рукописей при Совете Министров АрмССР — Матенадаран создавался на основе многочисленных книгохранилищ армянских монастырей, в том числе и наиболее богатого — Эчмиадзинского. В Матенадаране находится свыше 10 тыс. полных рукописных книг и примерно 4 тыс. фрагментов. Кроме армянских рукописей здесь хранится также около 800 книг и фрагментов на других языках⁶. Среди собраний Матенадарана — рукописи V—XVIII вв., в том

числе фрагменты древнейших памятников армянской письменности и книжной живописи V—VII вв.⁷

Матенадаран — хранилище памятников по истории не только армянского, но и многих других народов. В произведениях армянских писателей сохранились ценные, не нашедшие своего отражения в литературных памятниках других народов подробности истории Закавказья, Ирана, Византийской империи, арабов, сельджуков, монголов, турок и т. д. В фондах хранятся подлинники сочинений Низами, Хафиза, Фирдоуси, Абу Али ибн Сины, Хосрова Дахлави и др.⁸

В архивных фондах Матенадарана особое место занимает фонд документов, написанных по-персидски, по-арабски и по-турецки. Здесь хранится около 1500 документов, содержащих богатый и разнообразный материал для изучения социально-экономической жизни Армении, Закавказья, всей Передней Азии XV—XIX вв. Работники Матенадарана ведут большую работу по изучению, переводу и публикации документов.

Институт востоковедения АН ГрузССР был организован в 1960 г. на базе востоковедных отделов и групп различных научно-исследовательских институтов АН ГрузССР (институты истории, языкознания, литературы) и Тбилисского государственного университета. Институт состоит из отделов новой и новейшей истории стран Востока, феодальной истории стран Востока, семиологии, языков древнего Востока, индоиранских языков, персидской филологии, тюркологии, византиноведения. Возглавляет институт акад. Г. В. Церетели.

В институте насчитывается около ста научных сотрудников. Основная проблематика: изучение национально-освободительного движения, генезиса и развития капиталистических отношений, истории феодализма, а также истории литератур народов Ближнего и Среднего Востока, изучение восточных языков и их истории.

Ученые Грузии добились больших успехов в изучении литератур византийской, вавилонской, персидской и их взаимосвязи с грузинской литературой. Очень ценны труды по структуре и истории мертвых восточных языков — хеттского, хурритского, шумерского и урартского. Интересные работы опубликованы по феодализму, феодальному городу на Ближнем и Среднем Востоке и др.

Тбилиси стал одним из центров по семитологии, арабистике и изучению Византии в нашей стране.

При Отделении общественных наук АН ГрузССР существует специальная комиссия, которая занимается изучением источников по истории Грузии и Кавказа и изданием текстов с комментариями⁹.

На факультете востоковедения Тбилисского университета разрабатывается та же проблематика, что и в институте. Ученые факультета издали много учебных пособий по востоковедению.

В Государственном музее Грузии и Центральном государственном архиве ГрузССР хранится в подлинниках и копиях около 2 тыс. персидских и двуязычных грузинско-персидских грамот, большое количество документов на русском, грузинском, армянском и турецком языках. Ученые Грузии работают над исследованием и изданием этих ценных материалов¹⁰.

Высокого уровня достигло востоковедение в республиках Средней Азии, и особенно в Узбекистане, где значительно выросли востоковедные кадры. Основная масса аспирантов проходила подготовку в Институте востоковедения АН СССР. Так же как и в Закавказье, местные ученые изучают преимущественно сопредельные страны, исторически тесно связанные с республиками Средней Азии. Базой для развития востоковедения послужили богатейшие и самые многочисленные в нашей стране коллекции восточных рукописей.

Интересна история создания этих фондов. В течение многих веков значительная часть рукописных собраний являлась частной собственностью отдельных лиц. По-новому стал решаться вопрос, когда восточными рукописями и их изучением заинтересовалась научная общественность, ставившая перед собой цель сохранить и изучить реликвии прошлого.

Богатейший рукописный фонд Института востоковедения АН УзССР в настоящем своем виде был создан только после Октябрьской революции¹¹.

Акад. В. В. Бартольд совместно с другими востоковедами, работавшими в Средней Азии, много сделал по созданию и сохранению рукописного фонда Государственной публичной библиотеки Ташкента. 25 апреля 1933 г. эта библиотека в Ташкенте была объявлена Центральным хранилищем рукописей УзССР. В Отдел

восточных рукописей были переданы замечательные коллекции бывшего Узбекистанского научно-исследовательского института в Самарканде, библиотеки им. Ибн Сины в Бухаре, библиотеки хивинских ханов и некоторые другие. Это дало возможность сосредоточить в одном месте огромное количество рукописей (старейшая рукопись на арабском языке датируется 344/955 г., а позднейшие списки восходят к нашему времени).

Одновременно с созданием рукописной коллекции началось и ее научное изучение. В восточный отдел библиотеки были приглашены для работы выдающиеся востоковеды: член-корр. АН СССР А. Э. Шмидт, проф. А. А. Семенов, А. А. Молчанов, Б. С. Сергеев, И. Адиллов, А. Мурадов. Началась каталогизация рукописного фонда.

В 1943 г. эвакуированный в Ташкент Институт востоковедения АН СССР включился в работу над изучением и описанием рукописей. С образованием 3 ноября 1943 г. Академии наук УзССР весь Отдел восточных рукописей Государственной публичной библиотеки был по решению правительства преобразован в Институт по изучению восточных рукописей АН УзССР. Ему были переданы собрания рукописей фундаментальной библиотеки АН УзССР, остатки библиотеки хивинских ханов и других учреждений. Директором института был назначен проф. А. А. Семенов.

Институт по изучению восточных рукописей в период Великой Отечественной войны стал своего рода центром советского востоковедения. Здесь велась большая организационная и исследовательская работа.

В 1950 г. Институт по изучению восточных рукописей был реорганизован в Институт востоковедения АН УзССР. Директором института стала докт. истор. наук А. С. Азимджанова.

В рукописном отделе института имеется 16 169 томов восточных рукописей; на узбекском языке — около 10 процентов; на персидском (таджикском) — около 40, на арабском — около 48; остальные 2 процента — на азербайджанском, турецком, туркменском, пушту и других языках.

С 50-х годов институт начал публикацию исторических памятников, описей рукописей и исследований по различным вопросам истории, культуры, литера-

туры и языков народов Средней Азии и сопредельных стран.

Институт востоковедения АН УзССР играет в настоящее время ведущую роль в изучении истории и культуры народов Средней Азии и сопредельных стран; положительной оценки заслуживает развернувшееся за последние годы исследование актуальных проблем социального и политического развития народов Среднего Востока и Южной Азии и восточных литератур.

Кроме Института востоковедения изданием памятников занимается Институт истории и археологии.

Ташкент стал одним из важнейших центров востоковедной работы в нашей стране; здесь проходят общесоюзные и международные востоковедные совещания и форумы.

После Октябрьской революции начало развиваться востоковедение в Таджикистане. Большую роль в его становлении и развитии, особенно на первом этапе, сыграли А. А. Семенов, М. С. Андреев, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург. В 1932 г. в Душанбе была организована Таджикская база Академии наук СССР во главе с акад. С. Ф. Ольденбургом. Находка согдийских документов активизировала деятельность востоковедов. В 1941 г. был создан Таджикский филиал Академии наук, а 14 апреля 1951 г. основана Академия наук Таджикистана. Востоковедением занимаются несколько академических институтов: Институт истории им. Ахмада Дониша¹², Отдел востоковедения и письменного наследия, Институт языка и литературы им. Рудаки, Отдел философии.

Ученые Таджикистана изучают древнюю и средневековую историю народов Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии, политические, экономические и культурные связи народов этого региона в древности и средневековье, литературу и культуру, иранские языки — древние и современные. Изданы интересные исследования по истории, этнографии, археологии, нумизматике и палеографии Средней Азии, опубликовано несколько исторических памятников, издаются произведения классиков таджикско-персидской литературы, описания восточных рукописей. Рукописные фонды Таджикистана стали изучаться сравнительно недавно; они содержат много ценных рукописей исторического и географиче-

ского характера, списки произведений выдающихся поэтов и ученых средневековья (в том числе и автографы), рукописи по медицине, астрономии, богословию и др.

Кроме Академии наук ТаджССР изучением стран Востока, восточных рукописей, истории и культуры таджикского народа и народов Центральной Азии занимаются в Таджикском государственном университете, в Республиканской публичной библиотеке им. Фирдоуси, в педагогических институтах Душанбе, Куляба и Ленибада.

В конце 1960 г. при Академии наук ТуркмССР в целях глубокого и всестороннего изучения средневековой и новой истории Туркмении и сопредельных с ней стран был создан сектор востоковедения. Основная проблематика сектора — исследование вопросов влияния Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение в Иране, Афганистане, Турции и арабских странах, а также изучение культурных связей Туркмении с этими странами, издание источников, рукописных материалов и архивных документов¹³.

В Киргизии и Казахстане, хотя и в меньших масштабах, также ведется работа в области востоковедения. При Академии наук КиргССР функционируют два сектора: дунганской культуры и тюркологии. Основная тематика дунгановедов — исторические сказания дунганского народа, китайские и другие источники о происхождении дунганского народа, грамматика дунганского языка, пекинский диалект китайского языка. Основная тематика сектора тюркологии — развитие тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии, древнетюркские диалекты и их отражение в современных языках, изучение енисейских и орхонских памятников и др.¹⁴.

В последнее десятилетие активизировалась деятельность востоковедов на Украине — небольшие коллективы востоковедов работают в Харькове, Львове, Киеве. Отдел зарубежного Востока создан в Институте истории АН УССР¹⁵.

Отдельные востоковедные темы изучаются в Казанском, Кишиневском, Минском, Саратовском, Саранском и других университетах.

Даже беглый и краткий обзор основных проблем, разрабатывающихся в Москве, столицах союзных рес-

публик Закавказья и Средней Азии и других городах, говорит о наличии большого числа общих тем и направлений исследований и свидетельствует о настоятельной необходимости координирования научной деятельности советских востоковедов. Это прежде всего относится к институтам и секторам, в которых изучаются проблемы Ближнего и Среднего Востока, арабских стран, Индии и Пакистана.

Улучшению научно-исследовательской работы способствовала большая научно-организационная работа по координации исследований в области востоковедения по всему Советскому Союзу.

Широкое развитие востоковедной работы в стране, образование крупных востоковедных центров в республиках делали невозможным координацию работ одним институтом. Необходимо было создание коллективного центра, который мог бы руководить всей востоковедной работой в Союзе.

По инициативе Института востоковедения в Москве 27—29 июня 1961 г. было созвано первое координационное совещание по востоковедению. В его работе приняло участие около 200 человек, представляющих 48 научных организаций и государственных учреждений страны. Совещание обсудило вопросы, касающиеся дальнейшего развития советской востоковедной науки, положив в основу своей работы решения партии и правительства о координации научной деятельности, материалы всесоюзного совещания научных работников.

На совещании было решено, что организационным центром, объединяющим и направляющим деятельность советских востоковедов, должен явиться Научный совет по координации, составленный из ведущих ученых. В функции совета будет входить организация международных и общесоюзных востоковедных совещаний, руководство подготовкой проспектов коллективных монографий по наиболее важным вопросам и организация научно-библиографической работы по востоковедению в масштабах Советского Союза, а также подготовка кадров, в частности выявление и уточнение общей необходимости в кадрах по соответствующим востоковедным специальностям.

В бюро Научного Совета вошло 17 научных работни-

ков. Председателем его был избран директор Института востоковедения Б. Г. Гафуров.

Бюро Научного совета проявило большую активность, составлен сводный план востоковедных исследований в академических востоковедных учреждениях, университетах и учебных институтах, план научных сессий и конференций, проводимых как в центре, так и на местах. Сотрудники института — активные участники всех мероприятий, проводимых в Советском Союзе по востоковедным проблемам.

Важным аспектом работы в области координации явилось проведение общих всесоюзных и кустовых совещаний и конференций по различным востоковедным проблемам.

На координационных совещаниях были выявлены успехи и основные недостатки в развитии отдельных отраслей востоковедения и намечены планы работ на ближайшие годы.

В 1960 г. Научным советом по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» была созвана научная сессия¹⁷.

В апреле 1961 г. было проведено при участии Института народов Азии первое совещание по топонимике стран Азии и Африки¹⁸. Материалы совещания опубликованы в сборнике «Топонимика Востока» (1962). Впоследствии эти проблемы обсуждались еще несколько раз, а сборники «Топонимика Востока» приобрели характер периодического издания.

В феврале 1962 г. при Академии наук СССР под председательством акад. Б. Н. Пономарева был создан Научный совет по комплексной проблеме «История международного рабочего и национально-освободительного движения». На первом координационном совещании (июнь 1962 г.) с докладом «Основные проблемы изучения национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки против колониализма» выступил Б. Г. Гафуров, на секционном заседании — Г. Ф. Ким с сообщением о государстве национальной демократии¹⁹. В июне 1962 г. в Душанбе прошла Всесоюзная научная сессия, посвященная «Закономерностям перехода ранее отсталых народов к социализму и коммунизму, минуя капитализм»²⁰.

В мае 1962 г. в Баку была проведена Всесоюзная

научная сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции, в которой приняли участие кроме ИНА Институт востоковедения АН АзССР, Институт востоковедения АН ГрузССР, Институт востоковедения АН УзССР, Сектор востоковедения АН АрмССР, а также ученые востоковедных учреждений Таджикистана и Туркмении²¹.

Сотрудники Института востоковедения принимали участие в межвузовской конференции, организованной в ноябре 1963 г. в Кишиневе.

Серьезное творческое значение имела научная конференция «Лагерь социализма и Восток», организованная Ученым советом института в августе 1963 г. Участники конференции, развивая в своих выступлениях различные аспекты рассматриваемой темы, подчеркивали огромное значение мировой социалистической системы в успешном развитии национально-освободительного движения на Востоке, в укреплении политической и экономической независимости молодых суверенных государств Азии, Африки и Латинской Америки. Подробно анализировалось принципиальное отличие целей и социальной природы помощи социалистических и развитых капиталистических государств странам Востока. Значительное внимание было уделено проблеме некапиталистического пути развития.

В 1967 г. были проведены юбилейные сессии, посвященные 50-летию Октября, в Москве, Баку, Ереване, Тбилиси и других городах.

Внимание экономистов-востоковедов привлекли научные конференции, посвященные проблемам формирования, структуры, положения и борьбы сельскохозяйственного пролетариата афро-азиатских стран (Москва, 1967 г.)²² и проблемам формирования, структуры и состава рабочего класса стран Азии и Африки (Москва, 1968 г.)²³.

По инициативе Отдела литературы и публикации памятников ИНА в декабре 1962 г. было проведено координационное совещание по выработке единого плана научно-исследовательских работ в области ориенталистского литературоведения, на котором была создана Центральная координационная комиссия по изучению литератур Азии и Африки. На втором совещании были заслушаны доклад И. С. Брагинского «О теоретическом

уровне ориенталистского литературоведения» и сообщение Е. П. Чельшева о составлении единого плана литературоведческих исследований²⁴. После обсуждения единый план исследований был утвержден. Для изучения восточного литературоведения большое значение имели конференция о закономерностях развития литературных языков народов СССР (Алма-Ата, 1962 г.), научно-методическая конференция по вопросам восточного литературоведения (Институт восточных языков при МГУ, 1961 г.), конференции по вопросам иранской филологии (Москва, 1961 г.; Ленинград, 1962 г.; Баку, 1963 г.), конференция по проблемам китайской литературы (Ленинград, 1963 г.), симпозиум по теоретическим проблемам восточных литератур (Москва, 1966 г.)²⁵, конференция на тему «Жанры и стили литератур Дальнего Востока» (Ленинград, 1966 г.), сессия «Октябрь и литературы народов Востока» (Тбилиси, 1967 г.)²⁶, сессия «М. Горький и литературы зарубежного Востока» (Москва, 1968 г.)²⁷ и многие другие научно-организационные мероприятия.

В марте 1962 г. была проведена Первая всесоюзная сессия по восточной текстологии²⁸. Основной задачей сессии было обсуждение некоторых теоретических, а также организационных вопросов, связанных с дальнейшим развитием восточной текстологии. В работах сессии приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Душанбе, Еревана, Казани, Махачкалы, Ташкента, Тбилиси, Улан-Удэ, Уфы, Фрунзе и других городов.

На Первой сессии была избрана постоянно действующая Центральная координационная комиссия по восточной текстологии. Вторая всесоюзная сессия состоялась в Ташкенте в июне 1963 г.²⁹

Для поднятия уровня языковедческих исследований немаловажное значение имели также Всесоюзное координационное совещание по вопросам синхронного и сравнительно-исторического изучения иранских языков (Москва, 1962 г.), региональное совещание по вопросам категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках (Баку, 1962 г.), обсуждение вопросов агглютинации в тюркских и других восточных языках (Ленинград, 1962 г.), Всесоюзное совещание по типологии восточных языков (Москва, 1963 г.), первая конференция по семит-

ским языкам (Москва, 1964 г.)³⁰, конференция по языкам Индии, Пакистана, Непала и Цейлона (Москва, 1965 г.)³¹, конференция по языкам Юго-Восточной Азии (Москва, 1964, 1967 гг.)³², симпозиум по грамматике китайского языка (Москва, 1965 г.), дискуссия по проблемам языковой ситуации в странах Азии и Африки (Москва, 1965 г.)³³.

В 1966 г. проведена II Всесоюзная конференция семитологов в Тбилиси. Было заслушано 75 докладов по семитскому языкознанию и литературоведению, по истории культуры, новой истории и культуре семитских народов. Участвовали ученые из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Еревана, Ташкента, Вильнюса. На конференции было представлено девять докладов ученых из ОАР. В Ленинграде в 1967 г. проходила тюркологическая конференция³⁴.

В апреле 1963 г. состоялась сессия Научного совета по востоковедным проблемам. Было заслушано три доклада: 1) Сводный план востоковедных исследований; 2) Проблема подготовки востоковедных кадров через высшие учебные заведения и аспирантуру; 3) Издание востоковедной литературы. В резолюции, принятой сессией, были намечены конкретные меры по улучшению координации научных исследований, подготовки востоковедных кадров и издательской деятельности в области востоковедения.

В ноябре 1963 г. прошло совещание востоковедов Закавказья (Тбилиси). В работе совещания приняли участие руководители и ведущие сотрудники востоковедных учреждений всех закавказских республик. Основное внимание совещание уделило рассмотрению и согласованию перспективных планов научно-исследовательских работ.

В последние годы также было проведено несколько координационных совещаний для уточнения научных исследований по отдельным востоковедным проблемам: координационное совещание по обсуждению основных теоретических и научных организационных вопросов, связанных с изучением истории культуры народов Востока (Ленинград, 1967 г.)³⁵, по вопросам конкретных социологических исследований в развивающихся странах (Москва, 1967 г.)³⁶, монголоведов (Москва, 1967 г.).

Все мероприятия по развитию и координации восто-

коведной работы в Советском Союзе проходят при участии сотрудников Института востоковедения АН СССР, хотя и не всегда институт играет в их проведении главную роль. Многие мероприятия проводятся по инициативе института.

Ленинградское отделение провело в мае 1962 г. Всесоюзную сессию по изучению древнего Востока, в которой приняло участие свыше 100 ученых из 11 городов страны.

Отделы института расширяли и укрепляли свои связи со столичными и периферийными востоковедными учреждениями. Так, Отдел Кореи, Монголии и Вьетнама установил контакты с Институтом мировой социалистической системы АН СССР, с учеными востоковедами Калмыцкой АССР и Бурят-Монгольской АССР.

Отдел Китая установил связи с Дальневосточным филиалом Сибирского отделения АН СССР, с группой китаеведов ФБОН (для совместного выпуска историографического бюллетеня «Историческая наука в КНР»), с кафедрой истории стран Дальнего Востока Института восточных языков при МГУ.

Отдел арабских стран расширил связи с востоковедными научно-исследовательскими учреждениями Москвы и союзных республик. На заседаниях отдела были заслушаны сообщения руководителей соответствующих отделов институтов Баку и Ашхабада, скоординированы планы научно-исследовательских работ востоковедными учреждениями Ленинграда, Азербайджана, Грузии, Армении, Туркмении, Узбекистана.

Отдел литературы и публикации памятников народов Востока осуществляет координацию с Институтом мировой литературы (в особенности по многотомному изданию «История мировой литературы»), со среднеазиатскими и закавказскими востоковедными учреждениями.

В Отделе Ближнего и Среднего Востока совместно с руководителями закавказских и среднеазиатских востоковедных учреждений были обсуждены планы научно-исследовательских работ этих учреждений, уточнена тематика, организованы авторские коллективы для создания трудов по новейшей истории Ирана, Турции и др.

В Отделе Индии, Пакистана, Цейлона и Непала систематически проводятся обсуждения работ, консульта-

ции индологов, работающих в других городах страны. Установлены тесные научные связи отдела с Институтом востоковедения АН УзССР и восточным факультетом ЛГУ.

Отдел международных вопросов организовал много интересных обсуждений вопросов колониальной политики империалистических держав в странах Азии и Африки, в которых приняли участие ученые Москвы и Ленинграда, представители практических организаций.

Сотрудники Отдела языков принимают участие в работе Научного совета по изучению проблем закономерности развития языков социалистических наций, в частности в работе сессии этого совета, состоявшейся в августе 1963 г. в Улан-Удэ.

Институт востоковедения выступил организатором создания коллективных работ совместно с другими научно-исследовательскими институтами и практическими организациями: справочника «Пакистан», сборника «Культура современной Индии», «Новейшей истории Ирана», «Новейшей истории Турции» и др. Сотрудники института в свою очередь участвуют в создании коллективных исследований: «История всемирной литературы», «Идеология современного национально-освободительного движения», «50 лет советского языкознания», «Исторический атлас», «Новейшая история Африки».

Результаты координационной деятельности Научного совета по востоковедению, несмотря на сравнительно короткий срок, весьма положительны. Составлен общий сводный план научных исследований по востоковедению в Советском Союзе. Больше внимание стало уделяться исследованию актуальных современных проблем. Многие республиканские востоковедные учреждения наряду с изучением традиционных востоковедных тем включили в план исследований современную тематику (Ташкент, Ереван, Тбилиси и др.).

Общесоюзные совещания востоковедов, проведенные по различным вопросам и отраслям востоковедения, позволили выявить как достижения, так и недостатки в востоковедной работе, способствовали разрешению наиболее сложных востоковедных проблем.

Создание коллективных работ по Востоку помогло налаживанию научных контактов между востоковедными учреждениями внутри страны и между отдельными

учеными и способствовало созданию научных коллективов по ряду востоковедных дисциплин.

Дальнейшее развитие координационной работы в области востоковедения будет способствовать развитию и углублению изучения Востока в Советском Союзе.

¹ См. «Стенографический отчет координационного совещания по востоковедению. 27—29 июня 1961 г.» (выступление М. В. Гамбары), — Архив Института востоковедения АН СССР (Москва).

² Более подробно о развитии востоковедения в Азербайджане и о вышедших работах см. «Востоковедение в советском Азербайджане», Баку, 1964.

³ «Стенографический отчет координационного совещания по востоковедению. 27—29 июня 1961 г.» (выступление О. Г. Инджикяна).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Л. Х а ч и к я н, Сокровища Матенадарана, — «Вопросы истории», 1951, № 12.

⁷ Г. В. А б г а р я н, Матенадаран, Ереван, 1962.

⁸ А. Д. П а п а з я н, Историкографическая ценность персидских рукописей государственного Матенадарана, — в кн. «Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, стр. 893—899.

⁹ «Стенографический отчет координационного совещания по востоковедению. 27—29 июня 1961 г.» (выступление В. Г. Ахвледиани).

¹⁰ В. С. П у т у р и д з е, Персидские исторические документы в древнехранилищах Грузинской ССР, — в кн. «Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, стр. 900—905.

¹¹ Б. В. Л у н и н, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.), Ташкент, 1958; его же, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965.

¹² «Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон. Очерки мухтасари фаъолияти илмӣ», Дар зери таҳрири умумии Н. А. Маъсумӣ, К. Т. Порошин, Душанбе, 1967, стр. 24—29.

¹³ «Стенографический отчет координационного совещания по востоковедению. 27—29 июня 1961 г.» (выступление Х. Атаева).

¹⁴ «Стенограмма сессии Научного совета по востоковедным наукам 10 апреля 1963 г.» (выступление проф. Н. А. Батманова).

¹⁵ «Стенографический отчет координационного совещания по востоковедению. 27—29 июня 1961 г.» (выступление Р. М. Бродского).

¹⁶ Там же (доклад директора ИНА, члена-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова).

¹⁷ См. «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, стр. 221.

¹⁸ Л. К о н ц е в и ч, Совещание по топонимике стран Азии и Африки, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 4, 249—252.

¹⁹ Е. А. О р л о в, Координационное совещание по истории международного рабочего и национально-освободительного движения, — там же, 1962, № 6, стр. 210—214.

²⁰ З. Османова, Всесоюзная научная сессия «Закономерности перехода ранее отсталых народов к социализму и коммунизму, миная стадию капитализма», — там же, 1963, № 1, стр. 237—240.

²¹ «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции (тезисы докладов)», М., 1962; см. также «Краткие сообщения ИНА», вып. 73, 1963; А. П. Базиянц, Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 240—241.

²² Ш. Бади, И. Санович, Научная конференция «Сельскохозяйственные рабочие развивающихся стран Азии и Африки», — «Народы Азии и Африки», 1967, № 6, стр. 167—173.

²³ Ш. Бади, И. Санович, Научная конференция «Проблемы формирования пролетариата в странах Азии и Африки на современном этапе», — там же, 1968, № 5, стр. 213—219.

²⁴ Л. К., Координационное совещание по изучению литератур Востока, — там же, 1963, № 2, стр. 235—236.

²⁵ В. Б. Кляшторина, Н. И. Пригарина, В. Т. Сухорук, Симпозиум по теоретическим проблемам восточных литератур, — там же, 1967, № 2, стр. 223—227.

²⁶ В. Б. Кляшторина, Л. Г. Шехоян, Тбилисская сессия «Октябрь и литературы народов Востока», — там же, 1967, № 6, стр. 165—167.

²⁷ К. Рехо, Научная сессия, посвященная столетию со дня рождения А. М. Горького, — там же, 1968, № 5, стр. 220—221.

²⁸ Г. Алиев, Л. Концевич, Первая всесоюзная сессия по восточной текстологии, — там же, 1963, № 6, стр. 222—226.

²⁹ Б. А. Ахмедов, Вторая всесоюзная сессия по восточной текстологии, — там же, 1962, № 5, стр. 254—256.

³⁰ Г. Шарбатов, Форум советских семитологов, — там же, 1965, № 2, стр. 199—202.

³¹ В. П. Липеровский, Научная конференция по языкам Индии, Пакистана, Непала и Цейлона, — там же, № 4, стр. 236—239.

³² Н. В. Солнцева, Конференция по языкам Юго-Восточной Азии, — там же, стр. 239—241.

³³ В. Х. Васильева, Дискуссия по проблемам изучения языковой ситуации в странах Азии и Африки, — там же, 1966, № 3, стр. 237—240.

³⁴ Н. А. Дулина, В. Г. Чузев, Тюркологическая конференция в Ленинграде, — там же, 1967, № 6.

³⁵ Л. Р. Концевич, Координационное совещание по организации исследований истории культуры народов Востока, — там же, 1968, № 1, стр. 225—231.

³⁶ Б. Н. Бродович, Координационное совещание по вопросам конкретных социологических исследований в развивающихся странах, — там же, № 1, стр. 224.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

27 октября 1920 г. — Положение о Центральном институте живых восточных языков*

1. Центральный институт живых восточных языков учреждается для преподавания живых восточных языков и предметов востоковедения.

2. Цель Института дать возможность лицам, готовящимся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (экономической, административной, политической, агитационной, дипломатической, педагогической и др.), приобрести необходимые для них востоковедные знания и пройти систематическую школу практического востоковедения, а также подготовить преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения.

3. Комплектование Института слушателями, вся организация административно-хозяйственного и учебного дела производится распоряжением Народного Комиссариата по делам национальностей, распределение кончивших курс производится через Наркомнац по соглашению с Наркоминделом. Кредит на содержание Института производится по сметам Наркомнаца.

4. Посторонние лица, желающие приобретать практические сведения о Востоке, допускаются к слушанию отдельных курсов по разрешению Совета Института.

5. Институт имеет постоянный штат преподавателей и лекторов-туземцев для чтения лекций по живым восточным языкам: японскому, корейскому, китайскому, тибетскому, индоостанскому, монгольскому, османскому, турецким наречиям, афганскому, персидскому, курдскому, арабскому, грузинскому, армянскому и другим, равно предметов востоковедения и социально-экономической дисциплины.

Подробный план занятий по каждому из предметов и объем их разрабатываются учебной комиссией при участии комиссара и пред-

* «Жизнь национальностей», 25.XI.1920; ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 62 б., л. 42 и об.

ставляются на утверждение Наркомпроса с участием Наркомнаца совместно с Наркоминделом.

6. Управление учебным делом Института вверяется Педагогическому совету, в состав которого входят все преподаватели и двое представителей от курсантов — один по выбору общего собрания, другой — от ячейки.

Совет выделяет педагогический комитет в составе 7 членов во главе с директором на 6 месяцев. В число 7 членов комитета входит представитель ячейки. Комиссар входит в состав Совета и комитета по должности. Состав комитета представляется на утверждение Наркомпроса и Наркомнаца.

7. Каждым слушателем изучается один основной язык и соответствующая страна согласно учебным планам, выработанным Советом, или индивидуальным планам, выработанными слушателями и утвержденным Советом.

8. Нормальная продолжительность курса определяется в два года в Институте и год в командировках на Восток в пределах РСФСР или вне их на средства Института и по его назначению.

9. Подробный порядок выполнения учебных планов в Институте и занятий во время практических командировок определяется особыми правилами, выработанными Советом Института и утвержденными Наркомпросом, Наркомнацем и Наркоминделом.

№ 2

*Положение об Институте востоковедения в г. Москве**
(утверждено Народным Комиссариатом национальностей
2 мая 1922 г.)

1. Институт востоковедения — высшее учебное заведение, состоящее в ведении Народного Комиссариата по делам национальностей.

2. Институт востоковедения имеет целью подготовку работников по всем отраслям работы на Востоке и в связи с Востоком.

3. Институту востоковедения предоставляется право устранять общедоступные востоковедные курсы, организовывать музеи, экскурсии, выставки, научные экспедиции, учреждать научно-исследовательские институты и научные ассоциации и открывать отделения в других городах.

4. Институт востоковедения и его отделения имеют постоянный штат профессоров, преподавателей, лекторов, практикантов и научных сотрудников.

5. Научные работники разделяются на:

а) Профессоров, которые ведут самостоятельные курсы или занятия или заведуют одним из научно-учебных установлений высшего учебного заведения и избираются ГУС.

б) Преподавателей, которые ведут вспомогательные курсы или занятия или же работают самостоятельно под руководством одного из профессоров и избираются Правлением Института востоковедения.

* ЦГАОР, ф. 1318, Секретариат коллегии, 1921—1923 гг., д. 64, лл. 19—23.

в) Научных сотрудников, которые помогают профессорам и преподавателям или же готовятся к самостоятельной учебно-ученой деятельности и избираются Правлением Института востоковедения.

Примечание. Число работников каждой категории, равно их содержание определяется штатами Института востоковедения.

6. Институт востоковедения открыт круглый год. Совету представлено право делать перерыв в занятиях с таким расчетом, чтобы в общей сложности занятия продолжались не менее 9 месяцев.

Примечание. Перерывы большего размера могут быть допускаемы по постановлению НКН*.

7. Студентами Института востоковедения могут быть граждане обоого пола, достигшие 17 лет и удовлетворяющие правилам приема, установленным НКН. Студенты обязаны выполнять все требования учебной повинности.

8. Институт востоковедения имеет право открывать рабочий факультет, ставящий своей целью подготовку лиц из рядов пролетариата и трудового крестьянства к научным занятиям в Институте востоковедения и аналогичных учебных заведениях применительно к положению о Рабфаке.

9. Распределение окончивших Институт востоковедения производится по соглашению между НКН, Главпрофобром и Наркоминделом.

10. Институт востоковедения имеет свою печать.

11. Взаимоотношения Института востоковедения и его отделений на местах с органами местной власти определяются положением о взаимоотношениях высших учебных заведений Наркомпроса с органами местной власти, причем функции НКП выполняются НКН.

Управление

12. Заведование и руководство как учебно-ученой, так и хозяйственной деятельностью Института востоковедения принадлежит Совету Института, Правлению и Ректору Института.

Совет

13. Совет состоит из членов Правления, из представителей: от ГУС — 1, от НАВ — 3, от Совнац. НКН — 5, ЮКН — 1, Наркоминдела — 1, Главпрофобра — 1, месткома — 1, от студентов — 3, от профессоров — 3, от остальных научных работников — 2.

14. Упомянутые представители избираются на общих собраниях соответствующей категории.

15. Совет собирается не реже одного раза в триместр.

16. Председательствует в Совете председатель Правления Института востоковедения. Заключение Совета о работе Института востоковедения вместе с отдельными мнениями его членов, а также предложения Совета о дальнейшей деятельности Института востоковедения, в связи с производственными задачами, направляются председателем Правления в НКН.

17. Ведению Совета подлежит:

* НКН — Народный комиссариат по делам национальностей.

а) Общее направление и руководство учено-учебной деятельностью Института востоковедения.

б) Составление учебных планов для представления их на утверждение Наркомнаца и Главпрофобра.

в) Утверждение преподавателей, лекторов, практикантов и научных сотрудников.

г) Контроль над учено-учебной деятельностью Института востоковедения и назначение контрольных комиссий для проверки исполнения студентами учебной повинности и выполнения научными работниками соответственных программ.

д) Координирование деятельности отделений и предметных комиссий.

е) Утверждение президиумов отделений и бюро разрядов.

ж) Дела учебно-ученого характера, вносимые в Совет по инициативе отделений и разрядов ввиду разногласия с Правлением.

з) Установление контингента слушателей для представления его на утверждение Наркомнаца.

18. Вопросы, обсуждаемые Советом, вносятся Правлением Института востоковедения.

Правление

19. Непосредственное руководство всей научно-учебной и административно-хозяйственной сторонами жизни Института востоковедения осуществляется Правлением под общим наблюдением и контролем НКН.

20. Правление Института востоковедения состоит из 5 лиц, назначенных НКН.

21. Председателем Правления является Ректор Института, назначаемый НКН из числа членов Правления. Ректор несет единоличную ответственность перед НКН, в случае несогласия большинства Правления с распоряжениями Ректора Правление может обжаловать в НКН, не задерживая, однако, их исполнения. В случае несогласия Ректора с постановлением Правления Ректор приостанавливает его выполнение и входит за разрешением вопроса в Коллегию НКН.

22. В случае болезни или отлучки Ректора в отправление его обязанностей вступает его Зам., назначаемый НКН по представлению Ректора.

23. Член Правления, ведающий н/аучно/-у/чебной/ частью, назначается НКН по преимуществу из числа профессоров.

24. Все члены Правления назначаются на год, но НКН предоставляется право продлить полномочие Правления еще на год, если он найдет это нужным.

25. Для детального обсуждения всех входящих в сферу его компетенции вопросов Правление Института востоковедения может созывать как постоянно действующие комиссии, как и временные совещания.

26. Ведению Правления подлежат все дела, касающиеся жизни Института востоковедения.

27. Правление осуществляет свою деятельность через учебную часть и Управление делами, непосредственно подчиненные Ректору.

Отделения и разряды, или предметные комиссии

28. Дела, касающиеся одной или нескольких родственных дисциплин, преподаваемых в Институте востоковедения, подлежат ведению разрядов, или предметных комиссий, а также соответствующих отделений под общим контролем и руководством Правления и Совета Института востоковедения.

29. Разряд, или предметную комиссию, составляют все научные работники, связанные родственными дисциплинами, а также представители студентов, выполняющих учебную повинность по дисциплинам данной предметной комиссии, в количестве, равном половине научных работников.

30. Число разрядов, или предметных комиссий, определяется Советом Института востоковедения.

31. Председатель разряда, или предметной комиссии, избирается по преимуществу из числа профессоров. Кроме того, избираются зам. председателя и секретарь, составляющие совместно с председателем Бюро разряда, или Предметной комиссии, которое утверждается Правлением и Советом Института.

32. Все постановления предметных комиссий сообщаются в Правление Института востоковедения, входят в силу, если не будут опротестованы в недельный срок, причем в случае несогласия разряда дело может быть перенесено в Совет.

33. Все вопросы в разрядах, или предметных комиссиях, разрешаются простым большинством голосов, путем открытого голосования.

34. Ведению разрядов, или предметных комиссий, подлежат:

- а) Организационные вопросы, связанные с этой организацией.
- б) Распределение преподавателей и научных сотрудников.
- в) Распределение курсов, читаемых по данным дисциплинам, между преподавательским персоналом.
- г) Установление порядка контроля над исполнением научными работниками и слушателями учено-учебной повинности.
- д) Детальная разработка программы, обсуждение методов преподавания, текущие доклады научных работников.
- е) Руководство находящимися в ведении учебно-вспомогательными учреждениями: кабинеты, музеи и т. д. и предварительные рассмотрения их сметы.

ж) Предложения кандидатов в преподаватели и научные сотрудники, представляемые на утверждение Правления и Совета Института востоковедения.

з) Отзывы о кандидатах, предлагаемых Правлению на преподавательские должности и должности сотрудников.

и) Рекомендации через Совет научных работников по обслуживанию научных учреждений РСФСР.

35. По постановлению Совета Института востоковедения несколько родственных разрядов могут объединиться в отделение.

36. Руководящим органом отделения является Совет и Президиум Совета. Совет состоит из всего преподавательского персонала отделений и представителей студенчества по одному от входящих в состав отделений разрядов, или предметных комиссий.

37. Отделение избирает, по преимуществу из числа своих профессоров, преподавателей Зама, утверждаемого в должности Правлением и Советом Института востоковедения.

38. Там, где произошло образование отделений, ведению их подлежат:

а) Организация учено-учебной работы и разрешение связанных с нею вопросов.

б) Распределение читаемых курсов между преподавательским персоналом.

в) Установление нормального контроля над выполнением научной работы и научной и учебной повинности.

г) Детальная разработка программы, обсуждение методов преподавания, доклады профессоров и преподавателей о способах прохождения курсов и об их результатах.

39. Дела решаются путем открытого голосования простым большинством голосов.

40. Все постановления отделения сообщаются немедленно в Правление и входят в силу, если не будут опротестованы им в недельный срок, причем в случае отказа в утверждении могут быть перенесены по желанию отделения на рассмотрение Совета Института востоковедения.

№ 3

21 апреля 1921 г. — Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Об организации при Народном Комиссариате по делам Национальностей Университета Трудящихся Востока.*

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Для подготовки политических работников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств, учреждается в Москве при Народном Комиссариате по делам Национальностей Университет Трудящихся Востока.

2. В целях предоставления возможности получать политическую подготовку широким массам трудящихся, не владеющим русским языком, преподавание в Университете Трудящихся Востока ведется на их родных языках.

3. В отношении всех видов довольствия студентов, сотрудников и преподавателей, а равно и оплаты труда последних, Университет Трудящихся Востока приравнивается к высшим военно-учебным заведениям.

4. Выработка положения об Университете Трудящихся Востока возлагается на Народный Комиссариат по делам Национальностей.

Подписали:

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *А. Енукидзе.*

21 апреля 1921 г.

* «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, № 36, 1921, стр. 191.

№ 4

*13 декабря 1921 г. — Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Об организации «Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения» при Народном Комиссариате по Национальным делам **

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. В целях объединения всех начинаний в области востоковедения и использования научных сил для всестороннего изучения Востока учреждается при Народном Комиссариате по делам Национальностей Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей Ассоциация имеет право открывать свои филиальные отделения, библиотеки, читальни, курсы востоковедения, организовывать научные экспедиции, издавать научные труды, периодические издания Ассоциации и т. д.

3. Все существующие на территории РСФСР научные общества, ставящие аналогичные цели, переходят в ведение «Научной Ассоциации Востоковедения».

4. Утверждение устава Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения возлагается на коллегия Народного Комиссариата по делам Национальностей.

5. Впредь до утверждения устава и конструирования правления ассоциации учреждается Организационное Бюро в составе представителей Народного Комиссариата по делам Национальностей, Народного Комиссариата иностранных дел, Народного Комиссариата Просвещения, Социалистической Академии, Коммунистического Университета Трудящихся Востока, Института востоковедения и 3-х представителей ученых специалистов по истории и этнографии Востока по приглашению Народным Комиссариатом по делам Национальностей. Председателем Оргбюро является представитель Народного Комиссариата по делам Национальностей.

Подписали:

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин*.

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *А. Енукидзе*.

Москва, Кремль
13 декабря 1921 г.

№ 5

*1922 г. — Из Устава Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР при Президиуме ЦИК СССР ***

Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР имеет целью всестороннее изучение стран Востока как зарубежного, так и совет-

* «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», № 80, 1921, № 688; «Известия», 29.XII.1921.

** «Новый Дальний Восток», 1923, № 2—3, стлб. 33—38.

ского, а также распространение научных и прикладных знаний о них и состоит при Президиуме ЦИК Союза ССР на общих со всеми другими находящимися в ведении ЦИК Союза ССР учреждениями основаниях.

§ 2

Для достижения указанной цели Ассоциация:

а) объединяет все существующие на территории СССР общества и организации, преследующие аналогичные цели, на началах соглашения использует все научные силы, материалы, библиотеки, архивы, музеи и проч. и содействует открытию своих филиальных отделений, дает научные консультации заинтересованным ведомствам.

Ассоциация имеет право открывать свои филиальные отделения за границей по соглашению с Народным Комиссариатом иностранных дел.

б) вступает в сношения с существующими научными обществами, организациями и отдельными лицами, находящимися в разных странах, в интересах научной взаимопомощи и содействует им в деле осуществления заданий Ассоциации.

в) устраивает библиотеки, кабинеты, музеи и другие научно-вспомогательные учреждения, а также публичные лекции, выставки и экскурсии.

г) созывает научные международные конгрессы и общесоюзные съезды, конференции и совещания научных и практических работников по Востоку в порядке существующих законоположений.

д) содействует подготовке научных и практических работников по Востоку.

е) организует научные экспедиции на территории Союзного и зарубежного Востока.

ж) издает научные труды, журналы, монографии, сборники, серии по отдельным вопросам и т. д.

§ 5

Членами Ассоциации могут быть ученые специалисты, востоковеды, практические работники по Востоку и лица, интересующиеся Востоком и оказывающие услуги Ассоциации.

§ 6

Члены Ассоциации делятся на почетных, действительных членов, членов-корреспондентов и членов-сотрудников.

§ 12

Всеми делами Ассоциации ведает Президиум в составе председателя, назначенного Президиумом ЦИК СССР, и 6 членов.

§ 15

Для предварительного рассмотрения и разработки научных вопросов при Президиуме Ассоциации состоит Ученый совет; при Ассоциации есть Редакционная коллегия, занимающаяся редакционно-издательской деятельностью.

Вся научная деятельность Ассоциации сосредоточивается в двух отделах: политико-экономическом и историко-экономическом. Первый изучает вопросы политики, экономики, социальных отношений и производительных сил стран Востока. Второй изучает вопросы истории, этнологии, литературы, искусства, археологии, лингвистики стран Востока. Оба отдела имеют право с разрешения Президиума организовывать постоянные и временные комиссии и секции как по странам Востока, так и по отдельным вопросам.

№ 6

*Ташкент, 23 января (4 февраля) 1922 г. — Приказ № 12 по представительствам НКВД и НКВТ РСФСР в Средней Азии — об организации научной Восточной комиссии при представительствах НКВД и НКВТ РСФСР в Средней Азии**

1. В целях всестороннего изучения сопредельных Туркестану стран Средней Азии и использования результатов научно-исследовательской работы, производимой разными комиссиями, организациями и учреждениями, а равно архивно-литературного и современного информационного материала, касавшегося Средней Азии в тех областях экономической, культурно-бытовой и других сторон жизни, кои определяют их современное политическое состояние, создается при Представительствах НКВД и НКВТ в Средней Азии специальная научная Восточная комиссия.

2. Основными задачами НКВ являются:

а) Научно-исследовательская работа по освещению вопросов из области экономической, социальной, национальной, религиозной и культурно-бытовой жизни сопредельных Туркестану стран Средней Азии, т. е. Хивы, Бухары, Персии, Китая, Афганистана, Индии.

б) Научно-справочная работа в области разрешения проблем и практических вопросов, возникающих в современных русско-азиатских взаимоотношениях.

в) Исследование и изучение революционных, национальных и общественно-религиозных движений на Востоке.

г) Редакционно-издательская работа в рамках программы деятельности Восточной комиссии.

д) Инициативная организация экспедиций и специальных заграничных командировок.

3. Для реального осуществления намеченной программы Восточная комиссия составляется из постоянного состава ее членов и неопределенного числа научных сотрудников, привлекаемых к работе на время и сдельно.

* ЦГАОР, ф. 5402, оп. 3, 1919—1927 гг., д. 328—329.

№ 7

14 декабря 1922 г. — Из положения о Центральном восточном издательстве (ЦВИ) *

1. Центральное восточное издательство существует при Народном Комиссариате по делам национальностей согласно постановления Совета Народных Комиссаров и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 14 декабря 1922 года.

2. Цель и задачи ЦВИ — содействие общественно-политическому и культурному развитию трудящихся восточных автономных республик и областей, а также нацменьшинств РСФСР.

3. ЦВИ сосредоточивает деятельность всех Наркоматов и центральных учреждений, в том числе и Госиздата, по изданию как периодической, так и всей другой литературы на восточных языках, а также руководит всей издательской деятельностью восточных автономных республик и областей.

Задачи ЦВИ — обслуживание нужд восточных национальностей и нацменьшинств РСФСР и национальных республик и областей, лишенных возможности развернуть в настоящий момент в необходимых размерах собственную издательскую деятельность.

№ 10

1929 г. — Проект реорганизации восточного сектора Академии наук СССР **

Единоголосно принятый объединенным заседанием комиссии локального Бюро СНР и подкомиссией по реорганизации востоковедных учреждений АН.

В целях упорядочения всей постановки востоковедного дела в Академии наук, в целях рационального распределения научных сил и использования научных материалов, а также централизации всей востоковедческой научно-исследовательской деятельности Академии наук все ныне существующие востоковедческие учреждения Академии наук — Азиатский музей с Коллегией востоковедов, Туркологический кабинет, Институт буддийской культуры — сливаются и образуют новый научно-исследовательский Институт востоковедения, работающий по единому плану и под единым руководством.

Задачи Института

1. Основной задачей Института востоковедения АН является всестороннее изучение и углубленная разработка (на основе марксистско-ленинской методологии) социальных проблем колониального, полуколониального и в особенности Советского Востока.

2. В осуществлении этой задачи Институт направляет свое внимание на марксистскую обработку богатейших материалов, сосредото-

* «Известия», 17.XII.1922; ЦГАОР, ф. 1318, д. 227, л. 1.

** Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), д. 107, лл. 4—8.

точных в Академии наук, с одной стороны, и на планомерное пополнение их литературой, относящейся к современной политической и экономической жизни как Советского, так и зарубежного Востока, — с другой.

3. Азиатский музей с его книжными и рукописными фондами превращается в фундаментальную библиотеку Института, ведущую плановую библиотечную работу в интересах научной подготовки этих фондов, выражающуюся прежде всего в их инвентаризации, каталогизации, систематизации. Библиотека Института строится по кабинетной системе.

4. Институт ведет плановую научно-подготовительную работу по собиранию и классификации библиографических материалов, составление как общих, так и тематических словарей и справочных пособий.

5. Центром работ Института востоковедения является научно-исследовательская деятельность, осуществляемая по двум секторам Института.

А. Сектор историко-экономический. Задачи:

1. Изучение и разработка конкретных проблем социалистического переустройства стран Советского Востока.

2. Углубленное изучение современных форм и методов классовой борьбы в странах колониального и полуколониального Востока.

3. Изучение форм колониально-освободительного движения.

4. Изучение проблем империалистических противоречий на Востоке (в частности, тихоокеанской проблемы).

5. Изучение современных экономических условий стран зарубежного Востока.

6. Всестороннее изучение истории как Советского, так и зарубежного Востока в плане задач, выдвигаемых марксистской исторической наукой.

Б. Сектор литературоведческий. Задачи:

1. Всесторонняя разработка и изучение на основе марксистского литературоведения литератур всех восточных стран.

2. Углубленная разработка и изучение народного творчества стран Востока.

3. Изучение отдельных языковых проблем, поскольку это не вызывает параллелизма с работой Яфетического института АН.

6. Особое внимание Институт уделяет проблеме подготовки кадров научных работников по Востоку, полностью вооруженных марксистско-ленинской методологией и вполне подготовленных к овладению первоисточниками. Для этой цели Институт организует для своих аспирантов специальные семинары под руководством Комкадемии, а также обеспечивает им планомерно-научно-консультационную помощь со стороны востоковедов-специалистов.

7. В целях поддержки вновь возникающих и уже существующих научно-исследовательских организаций национальных республик Институт осуществляет планомерную и систематическую поддержку их как путем обычных сношений, так и путем командировок сотрудников для выполнения отдельных конкретных задач.

8. Институт устанавливает теснейшие научные общения с научными организациями и отдельными учеными как внутри Союза, так

и за границей, уделяя особое внимание расширению научных связей с научными организациями стран Востока.

9. Институт объединяет все ранее существовавшие печатные органы восточных учреждений АН путем создания журнала, являющегося настоящим периодическим органом научно-исследовательского Института. Институт ведет строго плановую издательскую деятельность, объединяя весь ежегодный листаж, предоставившийся в среднем на печатание востоковедных работ отдельным учреждениям и лицам. План издательской деятельности Института предусматривает издания:

- 1) Научных исследований по отдельным секторам Института.
- 2) Научных материалов, текстов, переводов, словарей, справочников и т. п., также по секторам Института.
- 3) Работ экономического характера по текущим вопросам.
- 4) Учебных пособий и руководств.

10. Институт ведет экспедиционные исследования как в пределах Союза, так и за границей в контакте с Комиссией экспедиционных исследований (КЭИ АН). Равным образом Институт осуществляет систематическую посылку своих научных сотрудников и аспирантов в научные командировки для повышения их научной квалификации, собирания материалов и установления необходимых научных связей.

11. Институт всеми своими секторами ведет культурно-просветительную работу, выражающуюся в устройстве политико-просветительных и научно-популярных лекций, докладов, выставок для ознакомления самых широких масс с актуальными проблемами Востока.

№ 9

1929 г. — Положение об Институте востоковедения АН СССР*

Состоящий при Академии наук Институт востоковедения является научно-исследовательским учреждением, работающим по единому плану и под единым руководством.

1. Цели и задачи Института

1. Основной задачей Института востоковедения АН является всестороннее изучение и углубленная разработка на основе марксистско-ленинской методологии социальных проблем колониального, полуколониального и в особенности Советского Востока.

2. Центром работ Института является научно-исследовательская деятельность, осуществляемая по двум секторам: историко-экономическому и литературоведческому. В задачи секторов входит:

Сектор историко-экономический

1) Изучение и разработка конкретных проблем социалистического переустройства республик и областей Советского Востока.

* Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), д. 107.

2) Углубленное изучение истории и современных форм классовой борьбы, колониально-освободительного и рабочего движения в странах колониального и полуколониального Востока.

3) Изучение проблем империалистических противоречий на Востоке (в частности, тихоокеанской проблемы).

4) Изучение экономики стран зарубежного Востока.

5) Всестороннее изучение истории стран Советского и зарубежного Востока в плане задач, выдвигаемых марксистской исторической наукой.

Сектор литературоведческий

1) Всестороннее изучение и разработка литературного творчества стран зарубежного и Советского Востока.

2) Изучение отдельных языковых проблем народного творчества, поскольку это не вызывает параллелизма с работой Яфетического института АН.

3. Институт в целом направляет особое внимание на обработку богатейших материалов, сосредоточенных в АН, и на планомерное пополнение их литературой, относящейся к современной экономической и политической жизни Советского и зарубежного Востока.

4. Институт ведет плановую научно-подготовительную работу по собиранию и классификации библиографических материалов (тематические карточки), составлению общих и тематических словарей и справочных пособий.

5. Особое внимание Институт уделяет проблеме подготовки кадров научных работников, вооруженных марксистско-ленинской методологией и вполне подготовленных к овладению первоисточниками.

Для этой цели Институт, во-первых, организует для своих аспирантов специальные семинары под руководством Комакадемии, обеспечивает им плановую научно-консультационную помощь со стороны востоковедов-специалистов и, во-вторых, предоставляет аспирантам командировки в соответствующие их специальности страны для работы над первоисточниками по изучаемым вопросам.

6. Институт устанавливает теснейшее научное общение с научными организациями и отдельными учеными как внутри Союза, так и за границей, уделяя особое внимание расширению научных связей с научными организациями и учеными стран Востока.

7. В целях поддержки вновь возникающих и уже существующих научно-исследовательских организаций национальных республик Институт осуществляет планомерное и систематическое содействие им как путем обычных сношений, так и путем командирования сотрудников для выполнения отдельных конкретных задач, если это не создает параллелизма с работой Яфетического института АН.

8. Институт ведет строго плановую издательскую деятельность, соединяя все количество листов, предоставлявшееся в среднем ежегодно на печатание востоковедных работ отдельным учреждениям и лицам. План издательской деятельности Института предусматривает издание:

1) Единого периодического органа Института.

2) Научных исследований по отдельным секторам Института.

3) Научных материалов, текстов, переводов, словарей, справочников и т. п., также по секторам Института.

4) Работ экономического характера.

5) Учебных пособий и руководств.

6) Научно-популярной литературы.

9. Институт ведет плановую экспедиционно-исследовательскую работу как в пределах Союза, так и за границей в контакте с соответствующими учреждениями Академии наук. Равным образом Институт осуществляет систематическую посылку своих научных сотрудников в заграничные командировки для повышения их научной квалификации и установления необходимых научных связей.

10. Институт ведет плановую культурно-просветительную работу, выражающуюся в устройстве политико-просветительных и научно-популярных лекций, докладов, выставок для ознакомления широких масс с актуальными проблемами Востока.

II. Структура Института востоковедения АН СССР

1. Институт подразделяется на 2 отдела:

1) Научно-исследовательский. Отдел подразделяется на 2 сектора: а) историко-экономический; б) литературоведческий.

2) Библиотечный. Фундаментальная библиотека с отделом обслуживания включает в себя: а) читальный зал; б) постоянную выставку, построенную по тематическому признаку; в) фотолабораторию; г) фотостенд и коллекцию эстампажей.

2. Основными рабочими ячейками Института, сосредоточивающими практическую научную и научно-библиотечную обработку восточного материала, являются следующие кабинеты:

1) Кавказский,

2) Арабский,

3) Еврейский,

4) Турецкий,

5) Иранский,

6)—7) Индо-Тибетский,

8) Китайско-Тангутский,

9) Монголо-Маньчжуро-Тунгусский,

10) Японо-Корейский.

Примечание. По существующим библиотечным и техническим условиям отдельные кабинеты могут быть объединены в одну группу.

3. В интересах плановости издательской деятельности Института директором выделяется постоянная Редакционная коллегия, через которую проводятся все предполагаемые к печатанию материалы.

4. Работа секторов Института проводится путем созыва общих собраний секторов или собраний отдельных групп сектора как-то: экономической, исторической и т. п. Собрания секторов и групп открыты для всех желающих, в целях же осуществления более тесного контакта с Коммунистической академией на заседания секторов и групп приглашаются научные сотрудники соответствующих институтов Коммунистической академии.

5. В каждый сектор входят научные сотрудники и аспиранты Института по специальности.

III. Управление Института востоковедения АН СССР

1. Во главе Института стоит директор, избираемый согласно параграфу устава Академии наук СССР.

2. В помощь директору в его организационной работе и работе по руководству Институтом назначается ученый секретарь Института.

3. При директоре Института состоит научный совет из заведующих секторами, ученых секретарей, заведующего библиотекой, академиков-востоковедов и представителей от аспирантов и научных работников Института.

4. Работой каждого сектора руководит заведующий сектором. В помощь ему назначается ученый секретарь сектора.

5. Во главе библиотеки Института стоит заведующий библиотекой.

6. Во главе каждого кабинета стоит заведующий.

№ 10

*1936 г. — Из постановления Президиума АН об Институте востоковедения АН СССР**

Институт востоковедения, являющийся одним из наиболее крупных научно-исследовательских коллективов в области востоковедения в Союзе ССР, осуществляет следующие основные задачи: а) изучает историю философии, литературу, фольклор и языки древнего, средневекового и современного Востока, как советского, так и зарубежного; б) публикует свои исследования, основанные на изучении первоисточников по указанным выше отраслям науки, и издает эти первоисточники на восточных языках и в переводе; в) публикует исследования по востоковедению, представляемые другими научными учреждениями; г) участвует в обсуждении составленных другими учреждениями Академии наук планов работ, связанных с исследованием стран Востока, в частности планов экспедиционных работ в этих странах; д) обеспечивает учреждения Академии наук необходимой консультацией по вопросам востоковедения.

В целях устранения параллелизма в деятельности учреждений и организаций, связанных с изучением вопросов востоковедения, признать необходимым взаимное согласование их программ и планов в части, относящейся к востоковедению. Поручить Институту ежегодно проводить это согласование до представления программ и планов на утверждение. Согласование программ и планов Институт проводит путем привлечения к этой работе всех академиков-востоковедов, а также представителей институтов — истории, антропологии и этнографии, мирового хозяйства, экономики, философии, советского строительства и права, языка и мышления, Государственной академии истории материальной культуры, Эрмитажа и других общественных и республиканских организаций, связанных с разработкой вопросов востоковедения.

Учитывая мировое значение коллекций рукописей на восточных языках, уже собранных в Институте востоковедения, а также нецелесообразность хранения восточных рукописей в учреждениях, не имеющих возможности их обработать (публичные библиотеки —

* «Вестник АН СССР», 1936, № 8—9, стр. 96—97.

им. Салтыкова-Щедрина, Ленинградского университета и др.), признать необходимым сосредоточение в Рукописном отделе Института востоковедения рукописей на восточных языках, за исключением рукописей, представляющих специальную искусствоведческую ценность.

Установить, что помимо издания монографических работ, входящих в серию «Труды Института востоковедения», и сборников литературных переводов, входящих в серию «Литература Востока», Институт востоковедения ведет систематическую библиографическую работу, выпуская не менее 4 сборников серии «Библиография Востока», и имеет свой периодический, выходящий поквартально, орган «Записки Института востоковедения».

№ 11

*28 июля 1934 г. — Из протокола учредительного заседания о создании Национального Тихоокеанского института СССР**

1. Учредить в СССР Тихоокеанский институт, имеющий своей целью изучение вопросов тихоокеанских отношений и социалистического строительства на Советском Дальнем Востоке и выявление взглядов и позиций научной и хозяйственной общественности СССР по этим вопросам.

2. В связи с приглашением СССР вступить в Институт тихоокеанских сношений, принятым на конференции в Шанхае в 1931 г., сообщить указанному институту о вступлении в его состав.

3. Избрать правление Института в составе: Аросев А. Я. (ВОКС), Янсон Я. Д. (Торговая палата), Беркович Я. М. (Дальрыба), Сванидзе А. С. (Внешторгбанк), Адамович И. А. (АКО), Мотылев В. Е. (НИИ БСАМ), Механошин К. А. (Институт океанографии), Иоффе С. В. (Управление Северного морского пути) и Войтинский Г. Н. (Институт мирового хозяйства Комакадемии).

4. Избрать президентом Национального Тихоокеанского института СССР Мотылева В. Е., вице-президентом — Войтинского Г. Н., генеральным секретарем — Канторовича А.

5. В 1934—1935 гг. сосредоточить работу Института на подготовке к очередному Тихоокеанскому конгрессу.

6. Наладить книгообмен.

* Архив Института востоковедения АН СССР (Москва), ф. Московская группа ИВАН.

№ 12

9 февраля 1944 г. — Положение о Московской группе
Института востоковедения Академии наук СССР
(МГИВАН) *

1. Московская группа Института востоковедения (МГИВАН) является московским филиалом последнего.

2. В состав Московской группы Института востоковедения входят все научные сотрудники Института востоковедения, проживающие в г. Москве.

3. Московская группа имеет свою аспирантуру и докторантуру.

4. Московская группа имеет отдельное штатное расписание, утвержденное Бюро Отделения литературы и языка по представлению директора Института востоковедения, и соответствующую этому расписанию смету, являющуюся самостоятельной частью сметы Института востоковедения.

5. Руководителем группы является председатель Московской группы ИВАН СССР, назначенный на эту должность Бюро Отделения литературы и языка по представлению директора Института востоковедения; должность председателя группы является особой должностью в штатном составе Института востоковедения.

6. Научно-административным органом группы является бюро группы в составе пяти человек, включая председателя, из числа научных сотрудников группы. Члены бюро утверждаются директором Института по представлению председателя группы.

7. Один из членов бюро несет обязанности ученого секретаря, другой — руководителя аспирантуры.

8. Научно-технический и технический штат группы состоит из научного референта — 1, научно-технического сотрудника — 1, курьера-уборщицы — 1.

9. Группа вырабатывает свой план научных работ, согласованный с дирекцией Института и утвержденный Бюро Отделения вместе с общим планом Института востоковедения — по линии соответствующих его секторов.

10. Группа составляет отдельный отчет о своей работе и представляет его директору Института востоковедения.

№ 13

7 сентября 1956 г. — Постановление Президиума Академии наук Союза ССР о задачах и структуре Института востоковедения АН СССР **

Президиум Академии наук СССР отмечает, что Институт востоковедения АН СССР работает неудовлетворительно, не справляется с решением важнейших задач, стоящих перед ним, и не является подлинным центром в области востоковедной науки.

* Архив Института востоковедения АН СССР (Москва), ф. Московская группа ИВАН.

** Архив Института востоковедения АН СССР (Москва).

В Институте до сих пор не организовано глубокое изучение важнейших процессов общественной жизни и развития культуры народов стран Востока. Институт не представляет директивным и государственным органам информацию о состоянии экономики и политике стран зарубежного Востока. Научные сотрудники не сумели за последние годы создать крупных обобщающих трудов, показывающих распад колониальной системы империализма, рост национальной борьбы за свободу и независимость народов Востока.

За последние пять лет Институт не выпустил фундаментальных исследований по истории и экономике таких крупных стран Азии, как Китай и Индия, еще недостаточно занимается изучением многих актуальных проблем современности, его работники плохо знают положение в странах Востока, до сих пор не организовано изучение стран Африки. В запущенном состоянии находится также исследование литературы и языков народов Востока.

Научная продукция Института имеет недостаточно высокий идейный и научный уровень. В ряде выпущенных трудов имеются элементы начетничества и догматизма. Эти работы не дают глубокого анализа исследуемых явлений, ограничиваясь поверхностным изложением отдельных фактов. Во многих работах не раскрывается роль народных масс в истории, допускается неправильная оценка роли национальной буржуазии и ее участия в антиимпериалистическом движении стран Востока, слабо ведется критика антинаучных теорий реакционных ученых.

Существующая структура Института не отвечает задачам глубокого комплексного исследования современного Востока. Научные сотрудники часто ведут работу изолированно от научных учреждений стран Востока. Не практикуется командирование работников Института в изучаемые страны, не налажены научные связи с прогрессивными востоковедами зарубежных стран. Некоторые сотрудники Института по своей подготовке и квалификации не в состоянии дать полноценные исследования, плохо знают восточные языки. Бюро Отделения исторических наук и дирекция Института не принимали мер к укреплению Института квалифицированными кадрами.

В Институте не практикуется организация творческих дискуссий, не поощряется смелая постановка новых вопросов востоковедной науки, не развиты критика и самокритика.

В деятельности Института нет целеустремленности, его дирекция слабо направляла научную работу на разрешение задач, стоящих перед советской востоковедной наукой.

В целях исправления неудовлетворительного положения в работе Института востоковедения Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Обязать дирекцию Института востоковедения и Бюро Отделения исторических наук АН СССР:

а) положить в основу работы Института глубокое изучение современного положения в странах Востока, их экономики, истории, политики; подготовку трудов по национально-освободительному движению; кризису колониальной системы; деятельности основных партий и особенно коммунистических и рабочих партий в этих странах; разоблачение реакционных теорий буржуазных ученых, оправдывающих колониальный гнет и политику расовой исключительности в отношении некоторых народов; разработку вопросов литературы и языка стран зарубежного Востока;

б) пересмотреть с учетом вышензложенных задач проблемно-тематический план научно-исследовательских работ Института востоковедения на IV квартал 1956 г. и проблемный план на пятилетие 1956—1960 гг. и представить их к 15 октября на утверждение Президиума АН СССР;

в) укомплектовать Институт до 1 января 1957 г. высококвалифицированными кадрами, хорошо знающими восточные языки, историю, экономику и культуру стран Востока.

2. Утвердить структуру Института востоковедения Академии наук СССР (приложения).

3. Выделить Институту дополнительно 154 штатные единицы (без управленческого персонала).

4. В связи с перестройкой работы Института востоковедения АН СССР поручить Бюро Отделения исторических наук (академик М. Н. Тихомиров) представить на утверждение Президиума АН СССР новый состав Ученого совета Института востоковедения.

5. Решительно улучшить подготовку научных кадров через аспирантуру Института востоковедения АН СССР. В связи с необходимостью подготовки научных кадров по изучению стран Юго-Восточной Азии, арабских стран и Южной Африки выделить дополнительно 15 вакансий к утвержденному плану приема в аспирантуру Института востоковедения на 1956 г.

6. Обязать Бюро Отделения исторических наук (академик М. Н. Тихомиров) и Институт востоковедения (Б. Г. Гафуров) представить на рассмотрение Президиума к 1 октября 1956 г. план выездов работников Института востоковедения в зарубежные страны в 1957 г. для научно-исследовательской работы и повышения квалификации.

7. Обязать дирекцию Института востоковедения и Бюро Отделения исторических наук к 15 октября с. г. представить в Президиум АН СССР предложения о приглашении на временную и длительную работу до 20 специалистов из зарубежных стран Востока (Индия, Бирма, Афганистан, Индонезия и др.) для консультаций и участия в своевременной подготовке научных трудов.

Планово-финансовому отделу (П. Г. Шидловский) ежегодно по заявке Института предусматривать в сметах расходов необходимые ассигнования для этой цели.

8. В целях резкого увеличения выпуска печатной продукции Института востоковедения, а также в целях улучшения издания литературных и исторических памятников народов Востока организовать при Институте востоковедения АН СССР хозрасчетное Издательство восточной литературы. Просить Совет Министров СССР выделить для этого издательства необходимую полиграфическую базу.

Обязать Издательство АН СССР (А. В. Морозов), Институт востоковедения (Б. Г. Гафуров), Управление делами (М. В. Никитин), Центракадемнаб (В. Н. Долгополов) и уполномоченного Президиума АН СССР по строительству К. П. Чернолятова в ближайшее время разработать мероприятия для создания восточной типографии и в двухнедельный срок представить в Министерство внешней торговли СССР списки шрифтов и матриц на восточных языках, подлежащих закупке за границей для вышеуказанной типографии.

9. Обязать и. о. управляющего делами АН СССР М. В. Ники-

гина рассмотреть заявку Института востоковедения АН СССР на ремонт и оборудование здания Института и до 1 октября 1956 г. внести свои предложения в Президиум АН СССР.

10. Учитывая, что глубокое знание языков народов Востока имеет исключительно важное значение для научных работников Института востоковедения, обязать директора Института Б. Г. Гафурова организовать различные курсы и кружки по изучению языков, с тем чтобы в ближайшие 2 года все научные сотрудники Института знали языки народов изучаемых ими стран.

11. Поручить академикам-секретарям отделений исторических наук (М. Н. Тихомиров) и экономических, философских и правовых наук (В. С. Немчинов) рассмотреть вопрос о координации работ Института востоковедения и Института мировой экономики и международных отношений в соответствии с решением директивных органов.

Президент Академии наук СССР академик
А. Н. Несмеянов

Главный ученый секретарь Президиума
Академии наук СССР академик *А. В. Топчиев*

Москва, 7 сентября 1956 г.

№ 14

*2 октября 1959 г. — Из постановления Президиума Академии наук СССР об организации Института Африки АН СССР**

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. В целях глубокого и всестороннего изучения современных политических и экономических проблем Африканского континента, а также истории и культуры народов Африки организовать в составе Отделения исторических наук АН СССР Институт Африки.

2. Возложить на Институт Африки АН СССР выполнение следующих задач:

а) изучение путей развития стран Африки, завоевавших независимость; политического и экономического положения колоний на Африканском материке в условиях распада колониальной системы империализма и национально-освободительной борьбы поработенных народов; рабочего и крестьянского движения в странах Африки; изучение противоречий империалистических держав и новых форм колониализма в Африке и разоблачение реакционных идеологических течений;

б) осуществление контактов с научными и культурными учреждениями африканских стран, а также с отдельными африканскими учеными и деятелями культуры в целях содействия углубленному изучению актуальных научных проблем Африки.

* Архив Института востоковедения АН СССР (Москва).

3. Утвердить структуру Института Африки.

4. Назначить директором Института Африки АН СССР доктора исторических наук Потехина И. И.

5. Перевести в Институт Африки АН СССР, с соответствующей передачей штатных единиц, научных сотрудников и аспирантов из Института востоковедения АН СССР, Института этнографии АН СССР и из Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Революционная перестройка востоковедения в Советском Союзе	3
Октябрь и востоковедение	3
Кадры и традиции	10
Развитие советской школы научного востоковедения	19

Глава I.

Востоковедные учреждения Академии наук 20-х годов	40
Азиатский музей и Коллегия востоковедов	43
Другие академические учреждения, занимающиеся востоковедением	54

Глава II.

Институт востоковедения АН СССР в 30-е годы	70
Создание Института востоковедения АН СССР	72
Тематика научно-исследовательской работы и труды ИВАН	79
Деятельность научных ассоциаций при Институте востоковедения. Научные сессии, конференции и заседания, проводимые институтом или с его участием. Международные связи	90

Глава III.

Востоковедение в Академии наук СССР во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы	103
Работа Института востоковедения во время эвакуации в Ташкенте (1942—1944 гг.) и после возвращения в Ленинград	103
Московская группа Института востоковедения	113
Тихоокеанский институт Академии наук СССР	125

Глава IV.

Развитие востоковедения в послевоенные годы	133
Реорганизация Института востоковедения	134
Научно-организационная деятельность и проблематика работ института	139
Новый этап в развитии востоковедения в Академии наук	152
Институт народов Азии (1960—1969 гг.)	159
Международные научные связи Института народов Азии АН СССР	173

Изучение основных востоковедных проблем в институте в
последнее десятилетие 184

Глава V.

Координационная работа Института востоковедения 211

Приложения 229

О п е ч а т к и

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
187	9 сн.	антиимпериалистическая	империалистическая
189	18 сн.	1965	1921

Ника Алексеевна
КУЗНЕЦОВА,
Людмила Михайловна
КУЛАГИНА

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.
1917—1967

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редактор *И. Г. Самашова*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 29/IV 1969 г.
Подписано к печати 17/III 1970 г.
А-01439. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 7,875. Усл. п. л. 13,23. Уч.-изд. л. 14,66.
Тираж 2200 экз. Изд. № 2382.
Зак. № 494. Цена 92 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 92 коп.